

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А.В. Куза
**Малые города
ДРЕВНЕЙ
РУСИ**

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
А. А. МЕДЫНЦЕВА

МОСКВА

«НАУКА»

1989

ББК 63.4(2)
К89

Рецензенты:
кандидаты исторических наук
М. В. СЕДОВА, А. В. ЧЕРНЕЦОВ

Редактор карт
кандидат исторических наук
А. К. ЗАЙЦЕВ

Куза А. В.

К89 Малые города Древней Руси. — М.: Наука, 1989. — 168 с.: ил.
ISBN 5-02-009473-0

Книга посвящена исследованию городов на археологическом материале Древней Руси. Автор разрабатывает шкалу археологически уловимых критериев для выделения городов из массы разнообразных поселений. Это впервые позволяет расчленить около 1500 древнерусских городищ на типы, определить их место в социальной структуре Древнерусского государства.

Для историков, археологов.

К $\frac{0504000000-014}{042(02)-89}$ 177-89-1

ББК 63.4(2)

Научное издание

Куза Андрей Васильевич
МАЛЫЕ ГОРОДА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская. Художник С. А. Резников Художественный редактор В. В. Алексеев. Технический редактор З. Б. Павлюк. Корректоры Р. С. Алимова, М. Ф. Сафонова

ИБ № 37975

Сдано в набор 21.09.88. Подписано к печати 16.01.89. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага для глубокой печати. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. псч. л. 14,04. Усл. кр.-отт. 14,48. Уч.-изд. л. 15,9. Тираж 3000 экз. Тип. зак. № 842. Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая тилография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ISBN 5-02-009473-0

© Издательство «Наука», 1989

ОБ АВТОРЕ

В 1989 г. А. В. Кузе исполнилось бы 50 лет. Но ему не суждено было дожить даже до такого «маленького» юбилея. Преждевременная смерть в 1984 г., в расцвете творческой активности, лишила историческую науку одного из самых талантливых и самоотверженных служителей.

Андрей Васильевич Куза родился 25 апреля 1939 г. в Москве. В 1961 г. он окончил кафедру археологии исторического факультета МГУ. Студенческие годы его связаны с Новгородской археологической экспедицией и работой под руководством А. В. Арциховского по теме «Рыболовство Древней Руси». По окончании университета А. В. Куза работает в лаборатории кафедры археологии, а затем в 1962 г. приходит в сектор славяно-русской археологии Института археологии АН СССР. С тех пор вся научная жизнь А. В. Кузы связана с археологией, историей и источниковедением Древней Руси.

В 1970 г. А. В. Куза защищает диссертацию на степень кандидата исторических наук по теме, продолжающей его студенческие занятия, — «Рыбный промысел Древней Руси». Одновременно он работает над проблемами истории Новгородской земли, ранних славян, публикует ряд работ по геральдике и сфрагистике, берестологии. Разнообразна практическая археологическая деятельность А. В. Кузы. Он участвует в раскопках городов Киевщины, курганов и городищ Белорусского Поднепровья, многослойных неолитических поселений Ирака. А. В. Куза возглавляет экспедиции, исследовавшие сопки в Новгородской земле (Любытино), раннеславянское городище у с. Горналь в Курской обл. Наконец, в 1981 г. он приступает к археологическому изучению Новгорода-Северского — вотчины Игоря Святославича, главного героя Слова о полку Игореве. С сожалением, успешно начатые им раскопки остались незавершенными.

Доброжелательность и остроумие, энергия и заинтересованность в работе товарищей, постоянная готовность помочь им привлекала к А. В. Кузе самых разных людей и прежде всего молодежь. Работая под руководством таких известных ученых, как А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, Б. А. Рыбаков, молодой ученый и сам стал блестящим археологом-практиком. Он оставил целую школу молодых археологов, успешно работающих в настоящее время.

Разносторонние интересы в области истории Древней Руси — к истории ее хозяйства, летописанию, источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам, а также практическая археологическая деятельность — в конце концов привели А. В. Кузу к такой сложной проблеме, как история сложения и развития древнерусского города, определение его археологических критериев.

В 1975 г. А. В. Куза выступил с докладом о русских средневековых городах на III Международном конгрессе славянской археологии¹. Он, подводя итоги изучения письменных источников, довел количество русских городских центров, возникших ранее середины XIII в., до 414. Определив местонахождение всех городов на карте Древнерусского государства в пределах главных земель-княжеств, исследователь пришел к выводу о более развитом характере южных земель Руси.

В 1978 г. А. В. Куза опубликовал обзор археологических работ о древнерусских городах за 15 лет (1962—1976 гг.), продолжив тем самым установившуюся традицию². В заключении он подчеркнул острую необходимость выделения «единых археологических критериев определения социального типа памятника». Тем же мотивом пронизана его рецензия на первый выпуск сборника статей «Русский город»³. С этими работами перекликается статья Андрея Васильевича «О происхождении древнерусских городов», в которой из пестроты взглядов и мнений он выделил наиболее перспективные, поставив на очередь «систематизацию собранных данных и их сравнительный анализ во времени и пространстве»⁴.

К решению поставленных проблем А. В. Куза приступил сам. В 1983 г. вышли сразу две его крупные обобщающие работы. В них он впервые попытался систематизировать собранные сведения о 1395 городищах, претендующих на городской характер. В более ранней по времени написания статье он классифицировал все памятники на основании разработанной П. А. Раппопортом формально-типологической схемы. Кроме того он разделил поселения по размерам укрепленной площади на восемь групп и впервые систематизировал археологические признаки городов по семи рубрикам. Результатом предпринятого исследования явилась «общая социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX—середины XIII в.»⁵. Во второй работе А. В. Куза отказался от формально-типологической схемы и сосредоточил свое внимание на площадях территории городов и особенно на их археологических признаках, добавив к семи выделенным ранее рубрикам восьмую. Автор детально проанализировал функции древнерусского города и, отметив узость характеристики его только как центра ремесла и торговли, разобрал существующие определения. Именно в этой работе ученый дал свое понятие города, определив его как «... постоянный населенный пункт, в котором с обширных территорий концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась значительная масса прибавочного продукта»⁶. То же определение повторено им и в статье, вышедшей в 1984 г.⁷ Тогда же вышло сжатое изложение его доклада на пленарной археологической конференции, посвященной 1500-летию Киева⁸.

Публикуемая книга написана ранее, чем главы в томе «Археологии СССР», посвященные поселениям Древней Руси, в том числе и укрепленным⁹. Общим для обеих работ являются материалы 1500 городищ, из которых 862 археологически обследованы, классификация по формальному признаку (размерам укрепленной площади), определение археологических признаков города с точки зрения его места в процессе феодализации Руси. Но в книге автор направил внимание на «малые» города, так как именно они составляют основную массу городских поселений, именно их обширный материал позволил выявить начало и развитие процесса

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
КУЗНА

градообразования на Руси. Постановка проблемы и изложение материала в книге подчинены этой задаче. Дана более подробная историография малых городов, представлены карты, на которых отдельно показаны археологические признаки города: эпиграфические находки, печати, каменное строительство и т. д. В соответствии с задачами исследования дана более дробная типология городищ (по 11 группам вместо восьми). В специальной главе рассмотрены ремесло и торговля малых городов, их специфика. В целом главы в «Археологии СССР», посвященные укрепленным поселениям, и данная монография дополняют друг друга, представляя две стороны общей картины древнерусского города от X до XIII в.

Необходимо учесть, что автор не успел закончить доработку книги. В частности, он намеревался исключить из числа археологических признаков города такие пункты, как «наличие сельскохозяйственных орудий» и «сложная плановая схема», другие признаки получили позже более точные формулировки и дополнения. Но большой интерес к работам А. В. Кузы, проявляемый в настоящее время, успешное применение его методов другими специалистами дают уверенность в том, что публикация монографии будет полезна всем исследователям — как историкам, так и археологам, занимающимся проблемами изучения древнерусского города.

Редактор выражает благодарность А. К. Зайцеву, проделавшему огромную работу по редактированию археологических карт, и А. Р. Артемьеву за помощь в составлении библиографического указателя, а также всем коллегам А. В. Кузы, чье содействие обеспечило публикацию этой книги.

- ¹ Куза А. В. Русские среднесвековье города // Тез. докл. советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. М., 1975. С. 62—65; *Он же*. Русские раннесредневековые города // Congrès International d'archéologie slave: Rapports. Bratislava, 7—14 septembre. 1975. Bratislava, 1980. Т. 2. Р. 255—258.
- ² Куза А. В. Археологическое изучение древнерусских городов в 1962—1976 гг. // КСИА. М., 1978. Вып. 155. С. 10—19.
- ³ Куза А. В. (Рец.) Русский город: Историко-методологический сб. М., 1976. Вып. I // СА. 1978. № 4. С. 188—291.
- ⁴ Куза А. В. О происхождении древнерусских городов: История изучения // КСИА. М., 1982. Вып. 171. С. 9—15.
- ⁵ Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX—середины XIII в.: Методика исследования // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1983. С. 21—42.
- ⁶ Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв. // Русский город: Исследования и материалы. М., 1983. Вып. 6. С. 4—36.
- ⁷ Куза А. В. Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X—XIII вв. // КСИА. М., 1984. Вып. 179. С. 3—11.
- ⁸ Куза А. В. Малые города в древней Руси X—XIII вв. // Древнерусский город: Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева. Киев, 1984. С. 61—65.
- ⁹ Древняя Русь: Город, замок, село. Сер. Археология СССР. М., 1985.

СПИСОК ТРУДОВ А. В. КУЗЫ

1960

Всесоюзные студенческие археологические конференции за 1955—1960 гг. // Вестник МГУ: Исторические науки. М. № 3 (совм. с В. Б. Виноградовым).

1961

Научные студенческие общества кафедры археологии Исторического факультета МГУ в 1960 г. // Археологический сб. М. (совм. с В. Б. Виноградовым).

Вопросы древней истории на VII Всесоюзной археологической студенческой конференции, посвященной 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова // ВДИ. № 3 (совм. с В. Б. Виноградовым).

Рыболовство в Новгороде по берестяным грамотам // Археологический сб. М.

1964

Зарубинецкое поселение около Житомира // КСИА. М. Вып. 102.

1965

Славянский могильник в пос. Купанское близ г. Переяславля-Залесского // КСИА. М. Вып. 104.

1966

Золотая гривна Мономаха // Наука и религия. № 8.

Раскопки в Новгородчине // АО 1965 г. М.

Родовой знак Всеволода III Большое Гнездо // Культура Древней Руси. М.

Развитие рыболовства в Восточной Европе // Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1965 г. М.

1967

Место и значение рыболовства в истории хозяйства восточных славян // Этническая история и современное национальное развитие народов мира: Тез. докл. на конференции молодых научных сотрудников. М. Все Подмосковье: Географический словарь Московской обл. (в коллективе авторов).

1968

Археология и религия // Агитатор. № 8.

Кто был наследником Остромира в Новгороде? // Славяне и Русь. М.

1970

- Библиография по охране и пропаганде памятников истории и культуры РСФСР // М. (совм. с Г. М. Ефимовой).
Рост общественного разделения труда в Древней Руси // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.
Рыболовство у восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э. // Древние славяне и их соседи. М.

1971

- Нові зарубинецькі пам'ятки на Средньому Придніпров'ї // Археологія. Київ. № 3 (совм. с А. И. Куйбышевым).
Раскопки в Гомельской обл. // АО 1970 г. М. (совм. с Г. Ф. Соловьевой).

1972

- Рыбный промысел в Древней Руси // Матеріали XII конференції Ін-ту археології АН УРСР. Київ.
Раскопки славянских памятников на р. Псел // АО 1971 г. М. (совм. с Г. Ф. Соловьевой и др.).
Языческое святилище в земле радимичей // СА. № 1 (совм. с Г. Ф. Соловьевой).
Рец.: *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник // СА. № 1 (совм. с А. А. Медынцевой).
К 50-летию образования СССР // СА. № 4.

1973

- Работа Суджанского отряда // АО 1972 г. М.
К 50-летию образования СССР // АО 1972 г. М.
Балтийско-Днепровский путь в древности и теперь. Лондон (на англ. яз. совм. с Ю. В. Васильковым).

1974

- Работа Суджанского отряда // АО 1979 г. М. (совм. с А. В. Кашкиным, А. А. Узяновым).
Исследования Иракской археологической экспедиции // АО 1973 г. М. (совм. с Р. М. Мунчаевым и др.).
Заметки о берестяных грамотах // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. XI (совм. с А. А. Медынцевой).

1975

- Раскопки в Месопотамии // АО 1974. М. (совм. с Р. М. Мунчаевым и др.).
Раскопки курганов у д. Кривая Улица // АО 1974 г. М. (совм. с К. А. Смирновым).
Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М.
О битве русских с половцами, реке Стугне и князе Ростиславе // На суше и на море. М.
Русские раннесредневековые города // Тез. докл. советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. Братислава, сентябрь 1975 г. М.

1976

- Надпись Николы из Софийского собора // СА. № 1 (совм. с А. А. Мединцевой).
Советская экспедиция в Месопотамии // АО 1975 г. М. (совм. с Р. М. Мунчаевым).

1977

- Стратиграфические исследования на Большом Горнальском городище // КСИА. М. Вып. 150 (совм. с В. А. Башиловым).
Печати Евстафия // СА. № 3.
Исследования Иракской археологической экспедиции // АО 1976 г. М. (совм. с Р. М. Мунчаевым и др.).
От приокских лесов до печенежских степей // На суше и на море. М.

1978

- Рец.: Русский город: Историко-методологический сб. // СА. № 4.
«Повесть о князе Ярославле и мужах Новгородских» // Древняя Русь и славяне. М.
Исследования в Месопотамии // АО 1977 г. М. (совм. с Р. М. Мунчаевым и др.).
Археологическое изучение древнерусских городов в 1962—1976 гг. // КСИА. М. Вып. 155.
Ред.: *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М.

1979

- Рец.: *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения // СА. № 4.
Исследования в Ираке // АО 1978 г. М. (совм. с Р. М. Мунчаевым и др.).

1980

- Древнейшие слои хасунского поселения Ярымтепе в северном Ираке // СА. № 1.
Русские раннесредневековые города // Congrès International d'archéologie slave: Rapports. Bratislava, 7—14 septembre 1975. Bratislava. Т. 2.
Раскопки в Новгороде-Северском // АО 1979 г. М.
Большое городище у с. Горналь // Славяно-русские древности. М.

1981

- В городе Игоря // Наука и жизнь. № 2.

1982

- О происхождении древнерусских городов: История изучения // КСИА. М. Вып. 171.
Рец.: *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. // СА. № 2 (совм. с А. Е. Леонтьевым и др.).

1983

Социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX—середины XIII в.: Методика исследования // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж.

Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв. // Русский город: Исследования и материалы. М. Вып. 6.

1984

Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X—XIII вв. // КСИА. Вып. 179.

Малые города древней Руси X—XIII вв. // Древнерусский город: Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева. Киев.

Рец.: *Никольская Т. Н.* Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. // СА. № 3.

Русские кресты XII—XV вв. из сел. Майруп (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный (совм. с В. Б. Виноградовым и др.).

1985

Древняя Русь: Город, замок, село. Сер. Археология СССР. М. Гл. I: Археологическое изучение Древней Руси. С. 7—29; Гл. II: Археологические источники и методика исследования (совм. с Б. А. Колчиным). С. 28, 29; Гл. III: Укрепленные поселения. С. 39—50; Древнерусские города. С. 51—65; Важнейшие города Руси. С. 66—93; Неукрепленные поселения. С. 96—103; Заключение. С. 104; Гл. IV: Фортификация. С. 167—169; Гл. V: Земледелие и промыслы (совм. с Н. А. Кирьяновой, А. В. Чернецовым). С. 219—242.

Чернигов и Новгород-Северский в эпоху «Слова о полку Игореве» // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.» (15—18 апреля 1985 г.): Тез. докл. Чернигов. (совм. с В. П. Коваленко и др.).

1988

Чернигов и Новгород-Северский в эпоху «Слова о полку Игореве» // Чернигов и его округа в IX—XIII вв. Киев (совм. с В. П. Коваленко и др.).

ВВЕДЕНИЕ

Всестороннее изучение процесса становления и развития древнерусских городов входит в число важных задач исторической науки. В исследовании этой сложной проблемы отечественная историография феодального города добилась значительных успехов¹. Разработаны общие представления о городах средневековой Руси как центрах развитого ремесла и торговли, одновременно выполнявших в системе феодального государства ряд социально-политических, военных, административно-хозяйственных и культурно-идеологических функций. На ярких примерах и статистически доказана ведущая роль ремесла в городской экономике. По материалам археологических и письменных источников определены десятки специальностей городских ремесленников и особенности технологии производства многих ремесленных изделий. Постоянное внимание исследователей привлекают зафиксированные письменными источниками острые социальные конфликты, вспыхивавшие в среде горожан. Предприняты попытки наметить основные черты «городского строя» Руси, установить характер взаимоотношений княжеской власти с органами городского самоуправления. Предметом глубоких исследований ученых разных специальностей стала высокая духовная и материальная культура древнерусских городов. Получили права гражданства и успешно развиваются изыскания в области этнографии русского феодального города.

Вместе с тем остаются дискуссионными вопросы происхождения древнерусских городов, этапов их становления, локальных различий. До сих пор не сложилось единого мнения о конкретных признаках, отличающих города от прочих населенных пунктов². Поэтому отсутствует детальная, научно обоснованная типология древнерусских городских поселений. Нуждается в дальнейшем изучении роль городов в процессе феодализации Руси в целом и по отдельным историко-географическим регионам. Велики трудности на пути выявления особенностей социального устройства древнерусских городских общин. Требуется уточнения динамика изменения численности городов на протяжении X—XIII вв.

На современном этапе массовых раскопок и целенаправленных обследований древнерусских поселений именно археология ежегодно и во все возрастающем масштабе получает обширные материалы для углубленного исследования нерешенных вопросов истории городов. Среди них одним из самых существенных представляется вопрос о выявлении среди множества населенных пунктов Руси X—XIII вв. городов как особого социально-экономического типа поселений³. Успешное решение этой задачи зависит прежде всего от разностороннего изучения малых городов. Под малыми в данном случае понимаются города, не являвшиеся столицами крупнейших русских земель-княжеств. Городской облик Киева, Чернигова,

Переяславля, Галича, Владимира-Волынского, Полоцка, Смоленска, Новгорода, Ростова, Суздаля, Владимира на Клязьме, Рязани и Мурома подтвержден всей совокупностью данных письменных источников и археологических материалов и не вызывает сомнений у большинства исследователей. Другие же городские центры Руси указанного времени различные авторы определяют по-разному, или на основании упоминания в летописи, или по одному-двум (например, две линии укреплений, следы ремесленной деятельности) археологическим признакам. Здесь и возникает сложности. Систематическое сопоставление «летописных» и «безымянных» городов не проводилось. Количественное соотношение тех и других не выявлено. Отличаются ли первые от вторых по размерам, плановой структуре, застройке, составу и занятиям населения, судить трудно. Более того, даже города, названные так в письменных источниках и достаточно полно обследованные археологами, подробно не рассматривались с точки зрения их сходства и различия. Многие исследователи не верят в возможности археологии при определении социального облика поселения. «Значительно увереннее о нем можно судить лишь тогда, — констатирует П. А. Раппопорт, — когда на этот счет имеются указания в письменных источниках»⁴. Поэтому выводы о темпах и особенностях процесса градостроительства на Руси, как правило, основываются на сведениях летописей и лишь корректируются данными раскопок. Определенная условность полученных таким образом результатов очевидна.

Опираясь исключительно на известия письменных источников, решить проблему древнерусских городов нельзя. Во-первых, само понятие город имело в древнерусском языке несколько значений. Во-вторых, летописцы XI—XIII вв. не ставили перед собой цель перечислить все города Руси того времени, поскольку они интересовали их лишь в связи с определенными событиями. Следовательно, предполагая с известной степенью достоверности установить общее количество существовавших на Руси городов, отвечающих социологическому значению этого слова, необходимо учитывать всю совокупность укрепленных поселений X—XIII вв. — и упомянутых летописью, и не попавших на ее страницы^{*1}. Только в этом случае исследование малых городов будет поставлено на прочный источниковедческий фундамент.

По собранным автором материалам на территории древнерусских княжеств в X—XIII вв. имелось около 1500 (1395) укрепленных поселений, из которых лишь 414 поименованы в письменных источниках⁵. Вот исходный массив населенных пунктов, требующих систематизации. Об их социальной неоднородности свидетельствуют летописцы, наряду с термином «город» употреблявшие названия «град», «городок», «городец», «городище». Есть сведения об укрепленных феодальных дворах в селах и о загородных княжеских резиденциях. С середины XII в. в летописях и других источниках появляются данные об определенной иерархии городских центров, подразделявшихся на старшие города и младшие города-пригороды. Наконец, как показывают археологические раскопки, укрепленными

*1 Само название «город» в эпоху Древней Руси предполагало обязательное наличие у поселения укреплений. Археологические обследования полностью подтверждают этот факт. Лишь в Белоозере до сих пор не обнаружены следы искусственных укреплений.

были центры ряда известных по письменным источникам погостов. Таким образом, хотя на Руси и не было четкой терминологии для обозначения всех социальных типов поселений, современники вполне отдавали себе отчет в их реальном существовании. Поэтому сплошная научная классификация поселений, и в первую очередь укрепленных, не только оправдана, но и необходима. Поскольку об абсолютном большинстве укрепленных поселений в письменных источниках нет никаких данных, а о значительной части других неизвестно ничего, кроме имени, основой такой классификации на первом этапе должны стать археологические материалы.

Указанная задача в настоящей работе не решается в полном объеме. Цель исследования — разработать шкалу археологически уловимых критериев для определения облика поселения и с ее помощью выявить малые города; по сведениям письменных источников проверить и уточнить полученные результаты; с возможной полнотой охарактеризовать экономику, быт, социальную структуру и место малых городов в системе Древнерусского феодального государства; попытаться проследить особенности процесса становления и развития городов на Руси.

¹ *Хорошкевич А. Л.* Основные итоги изучения городов XI—первой половины XVII в. // Города феодальной России. М., 1966; *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья: К постановке вопроса. // Русский город: Историко-методологический сб. М., 1976; Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.

² *Водарский Я. Е.* Города и городское население России в XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII в.: Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 98—113.

³ *Пашуго В. Т.* О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. М., 1966; *Рабинович М. Г.*

Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 16—22; *Карлов В. В.* К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город: Проблемы горообразование. М., 1980. Вып. 3; *Авдусин Д. А.* Происхождение древнерусских городов // ВИ. 1980. № 12. *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западных русских земель X—XIV вв. // МИА. Л., 1967. № 140. С. 186.

⁴ *Куза А. В.* Русские раннесредневековые города // Тез. докл. советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. Братислава, сентябрь 1975 г. М., 1975. С. 62—65.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

История изучения городов феодальной Руси насчитывает уже более 200 лет — от В. Н. Татищева до наших дней. Подробный разбор всех аспектов этого важного направления исторической науки не входит в круг основных задач данной работы. Проблема древнерусских городов получила в советской историографии разностороннее освещение¹. Однако малые, или младшие, города-пригороды X—XIII вв. не рассматривались как особый социально-экономический тип городских поселений и не исследовались с этой точки зрения.

Письменные источники скупо и выборочно повествуют о жизни большинства древнерусских городов. Столицы важнейших земель-княжений чаще пользовались вниманием летописцев, как правило, составлявших свои своды при княжеских или епископских дворах. Сведения о периферийных и удельных центрах Руси отрывочны и редки. Они попадали на страницы летописей в связи с рассказами о феодальных междоусобицах и войнах, перераспределении столов и волостей, знаменательных событиях из жизни княжеских семей. Специфика этих известий заставляла историков использовать их в первую очередь для географической локализации военно-политических событий, уточнения территориального состава и границ княжеств, подсчета числа городов, существовавших по всей Руси или в ее отдельных частях. Лишь раскопки, особенно широко развернувшиеся в послевоенное время, столь существенно пополнили фонд источников по истории малых городов, что появилась возможность их детального изучения².

Достаточно полные и обстоятельные обзоры историографии городов феодальной Руси дают право остановиться здесь лишь на некоторых спорных ее вопросах. Особый интерес представляет вопрос о типологии поселений: какие из них следует считать городами, а какие нет? Предполагая ответить на него с помощью достижений археологии, целесообразно сосредоточить основное внимание именно на этапах археологического изучения русских средневековых городов. Поскольку единые критерии выделения городов из совокупности укрепленных поселений пока не разработаны, нельзя пройти мимо исследований, посвященных всей категории этих археологических памятников.

Интерес к различным памятникам старины возрос в России в связи с общим патриотическим подъемом после войны 1812 г. Но в археологических древностях видели не столько полноценный исторический источник, сколько раритеты далекого прошлого, немых свидетелей прошедших славных эпох. Одним из первых стал собирать сведения об остатках древних укреплений З. Доленга-Ходаковский (Адам Черноцкий). В своих путешествиях по России Ходаковский повсеместно записывал предания и

песни, опрашивал крестьян об имевшихся поблизости памятниках, делал зарисовки и планы. Однако городища он считал не остатками поселений, а языческими святилищами славянских общин, чем положил начало длительному спору о назначении городищ. Болезнь и смерть оборвали деятельность неутомимого путешественника. Большинство его материалов осталось неопубликованным³. Лишь впоследствии они вошли в труды других исследователей. М. П. Погодин привлек данные Ходаковского в «Разысканиях о городах и пределах...»⁴. Так археологические наблюдения, пока еще в качестве иллюстраций, стали попадать на страницы исторических сочинений.

Поскольку раскопки городищ не проводились, вопрос об их характере оставался открытым. Вслед за Ходаковским видели в большинстве городищ языческие капища М. П. Погодин, И. И. Срезневский, Д. А. Корсаков⁵.

Постепенно накапливались сведения о вновь открытых памятниках. Были предприняты попытки составить первые археологические карты отдельных районов. Получила «права гражданства» и другая точка зрения на природу городищ. К. К. Калайдович, В. В. Пасек, И. И. Фундуклей, А. С. Уваров писали о них как об остатках древних укрепленных поселений⁶.

Во второй половине XIX в., особенно после государственных реформ 60—70-х годов, любители древностей, и целые ученые архивные комиссии, и статистические комитеты, занялись описанием достопримечательностей своих уездов, епархий. Был собран громадный фактический материал. Но без раскопок, без результатов обследования специалистами вся эта масса данных о различных археологических памятниках оставалась несистематизированной и малопригодной для глубоких исследований.

Итоги дискуссии о назначении городищ подвела фундаментальная для своего времени работа Д. Я. Самоквасова «Древние города России»⁷. Известный историк права, знаменитый исследователь славяно-русских древностей, рассмотрев существовавшие точки зрения, привел убедительные доводы в пользу жилого и военно-оборонительного характера городищ. Многие из них Д. Я. Самоквасов лично обследовал. Уже самим заглавием книги он решительно ввел городища в круг важных памятников отечественной истории, в первую очередь истории городской жизни на Руси. Исходя из особенностей планировки оборонительных сооружений городищ, ученый попытался разделить их на две хронологические группы: до появления огнестрельного оружия и времени широкого применения артиллерии. В дальнейшем Д. Я. Самоквасов не раз возвращался к данной теме и постоянно использовал в своих работах данные о городищах для исторических наблюдений⁸.

Вместе с тем всестороннее археологическое изучение древнерусских поселений вообще и городищ, в частности, не стало предметом широких изысканий. Их раскопки почти не проводились. В силу исторической значимости и благодаря случайно обнаруженнымкладам некоторые работы были осуществлены в XIX в. в Киеве и Старой Рязани. Находки при разных обстоятельствах кладов из драгоценных предметов боярско-княжеского убора иногда привлекали внимание к тому или иному памятнику. Так случилось с городищем Княжая Гора близ Канева, где крестьяне

постоянно выкапывали замечательные вещи. Поселение исследовали Д. Я. Самоквасов и Н. Ф. Беляшевский. Параллельно с массовыми раскопками курганов на Владимирщине П. С. Савельев и А. С. Уваров копали городище на Александровой горе и Сарское городище под Ростовом. Нескольким поселений было исследовано местными помещиками и археологами-любителями.

Специальной методики археологического изучения поселений не было. Раскопки велись траншеями, без соответствующей документации. Предпочтение отдавалось эффектным предметам, массовый материал зачастую выбрасывался, сооружения фиксировались плохо.

Впрочем, древнерусские города и укрепленные поселения никогда не были главным объектом развернувшихся под эгидой Археологической комиссии исследований. Вторая половина XIX—начало XX в. ознаменовались грандиозными по масштабам раскопками славянских курганов. В сравнительно короткий промежуток времени были раскопаны тысячи и тысячи могильных насыпей.

Некоторые ученые (Д. Я. Самоквасов, П. В. Голубовский) отчетливо сознавали необходимость систематических раскопок укрепленных поселений, но на практике дело почти не двигалось с места. Существовало убеждение (В. Б. Антонович), что для определения культурно-хронологического облика поселений достаточно изучить данные письменных источников (если они имелись), раскопать близлежащие курганы и собрать находки на поверхности самого памятника⁹. Большинство ученых еще не воспринимало археологические материалы в качестве полноценного исторического источника. В лучшем случае они рассматривались как иллюстрации к летописным текстам. Вещеведение в сочетании с описанием наиболее интересных памятников считалось главной задачей археологии. Отсюда приоритет раскопок могильников, дававших зримые результаты (в том числе много целых и красивых вещей) при сравнительно малых затратах труда и средств.

Широкие полевые работы по исследованию курганов сопровождались повсеместным сбором сведений об имеющихся древностях. Археологическая комиссия рассылала специальные анкеты и запросы в уезды, по ответам на которые составлялись сводки археологических памятников. Впоследствии опубликованные¹⁰, они до сих пор используются при составлении археологических карт и сплошном обследовании целых районов.

Большую положительную роль в деле изучения древнерусских памятников сыграли регулярно созывавшиеся археологические съезды. В процессе подготовки к ним и во время их работы создавались и осуществлялись специальные программы археологических исследований. Именно в Трудах археологических съездов и предварительных комитетов по их устройству были изданы археологические карты некоторых губерний, опубликованы материалы многих раскопок.

В конце XIX—начале XX в. ряд исследователей (В. Б. Антонович, А. М. Андрияшев, В. Г. Ляскоронский, Л. В. Падалка и др.) продолжил начатую Д. Я. Самоквасовым работу по систематизации древнерусских укрепленных поселений. По особенностям планировки они научились достаточно уверенно отделять городища IX—XIII вв. от поселений более позднего времени¹¹. В этой связи нельзя не назвать обстоятельные иссле-

дования В. А. Городцова и А. А. Спицына, окончательно исключившие из числа древних поселений майданы — остатки разрытых для производства селитры больших курганов¹². Однако создать более детальную и хронологически узкую классификацию памятников, руководствуясь лишь их внешними признаками, конечно, не удалось.

В одном вопросе дореволюционная археология Древней Руси почти вплотную сомкнулась с задачами ее исторического изучения. Целой плеядой известных русских историков была проведена большая работа по локализации на картах населенных пунктов, упомянутых в летописях и других письменных источниках XI—XIII вв. При этом они стремились к вполне определенной цели: реконструировать в пространстве древние государственные и межволостные границы, а также политические события. Накопление сведений о древнерусских городищах открывало новые возможности перед историко-географическими исследованиями, которые привлекли и археологов. Но они лишь в очевидных случаях соотносили существующие городища с летописными городами. Историки поступали в обратном порядке. Для них решающим было созвучие древних названий населенных пунктов, урочищ, озер и рек современным. Достигнутые результаты оказались весьма ощутимыми. В трудах М. П. Погодина, Н. П. Барсова, М. С. Грушевского, М. К. Любавского, С. М. Середонина многие летописные города нашли свое место на карте¹³. Особо следует отметить работы Д. И. Иловайского, П. В. Голубовского, Д. И. Багалей, А. М. Андрияшева, М. В. Донар-Запольского, П. А. Иванова, В. Г. Ляскоронского и др., посвященные истории отдельных земель-княжений¹⁴. Авторы этих исследований стремились шире использовать имеющиеся археологические данные. Предпринимались специальные археологические экскурсии и обследования с целью отыскать остатки древних городищ в предполагаемых местах летописных поселений. Попутно были открыты и описаны многие ранее неизвестные памятники.

В начале XX в. намечился некоторый перелом в отношении раскопок древнерусских поселений. Большие работы осуществил в Среднем Поднепровье известный украинский археолог В. В. Хвойка. Наряду с исследованием памятников более ранних эпох он вел раскопки в Киеве, Белгородке (летописный Белгород), Витаचове (Витичев), Старых Безрадицах (Тумаш), Шарках (Торческий). Частично результаты этих работ были опубликованы автором в его основной монографии «Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура с доисторических времен»¹⁵. На археологических материалах В. В. Хвойка стремился показать преемственность культуры и быта населения Поднепровья с древнейших времен до появления Киевского государства. Одновременно на левобережье Днепра вслед за В. Г. Ляскоронским развернул интенсивную деятельность Н. Е. Макаренко, раскопавший, в частности, славянское городище VIII—X вв. Монастырище под Ромнами.

Поселения с отложениями древнерусского времени исследовала в Подмосковье и верхнем течении Оки Ю. Г. Гендуне. Памятники рязанского течения реки обследовал В. А. Городцов. В Новгороде и на Рюриковом городище работали Н. К. Рерих и Н. Е. Макаренко. К сожалению, материалы этих раскопок остались неопубликованными. Ряд древнерусских поселений был изучен другими исследователями.

Предреволюционные годы отмечены еще одним, важным с точки зрения методики раскопок событием. Впервые целенаправленно, широкой площадью, копал в так называемом Земляном городе Старой Ладogi Н. И. Репников. Хотя отчет о его работах вышел в свет значительно позже, начало археологическому исследованию поселений большими площадями было положено.

Таким образом, к 1917 г. археология Древней Руси накопила значительный материал, особенно из раскопок могильников. Обобщению и систематизации этих данных отдал много сил один из крупнейших русских археологов и историков А. А. Спицын. В числе первых ученых понял важное историческое значение археологических находок. Он постоянно стремился установить прочную взаимосвязь археологии и истории, превратить археологические памятники в полноправный исторический источник¹⁶.

Дореволюционная археология Древней Руси в целом не вышла из круга вспомогательных исторических дисциплин, сохранив в основном вещеведческий характер. Слабая изученность поселений не позволяла комплексно решать многие вопросы. Более или менее удачно были локализованы десятки древних населенных пунктов, попавших на страницы письменных источников. Однако отсутствовала детально разработанная типологическая классификация городищ. Тем более не было классификации социально-исторической. Для создания той и другой исследователям не хватало объективных данных и научно обоснованного понимания закономерностей общественного развития.

Первые два десятилетия Советской власти для археологического изучения Древней Руси стали временем формирования нового подхода к сущности археологических изысканий, выработки соответствующей полевой методики, становления археологии как органической части марксистско-ленинской исторической науки¹⁷.

После некоторого перерыва возобновилось исследование древнерусских памятников. По-прежнему много времени уделялось раскопкам курганных могильников (В. И. Равдоникас, П. Н. Третьяков, А. В. Арциховский). Но поселения прочно вошли в поле зрения археологов¹⁸. Во время систематических обследований разных территорий выявлялись новые городища и селища, уточнялся культурно-хронологический облик ранее известных поселений. Начались целенаправленные раскопки древнерусских городов и укрепленных пунктов.

На левобережье Днепра продолжил работы Н. Е. Макаренко. Возобновил изучение Сарского городища Д. Н. Эдинг. Раскопки в Старой Рязани провел В. А. Городцов. В окрестностях Курска обследовал памятники Л. Н. Соловьев. Небольшие разведки и раскопки в Орловской обл. осуществили П. С. Ткачевский, К. Я. Виноградов и Н. П. Милонов. Курское городище на Ловати и древний Тешилон на Оке исследовал А. В. Арциховский. Активно обследовались археологические древности Украины. Относительно большие по масштабам работы были проведены в зоне строительства канала Москва—Волга (О. Н. Бадер, Н. П. Милонов, Л. А. Евтюхова). В процессе этих раскопок не только накапливался новый фактический материал, но и решались методические задачи. Исследование поселений широкими площадями, позволяющее наиболее полно восстановить историю возникновения и развития памятника, постепенно завоевывало всеобщее признание.

С точки зрения последовательного и подробного изучения различных памятников в пределах обширного, исторически сложившегося региона большое значение имела работа группы археологов во главе с А. Н. Лявданским на территории Смоленщины и Белоруссии. Помимо могильников, селищ и стоянок, было зафиксировано и учтено несколько сот городищ. Часть из них, включая древнерусские, впоследствии раскапывалась.

Уже в 1926 г. А. Н. Лявданский, используя сведения о 347 городищах, разделил их по особенностям планировки на четыре типа и установил хронологию каждого из них. Затем исследователь внес в свою классификацию уточнения, касающиеся датировок и этнической принадлежности памятников. А. Н. Лявданский не только чисто типологически, по внешним признакам, но и с учетом добытого материала, прежде всего керамики, относил те или иные городища к определенным историческим эпохам и народам. Впервые на самом высоком для своего времени методическом уровне было систематизировано большое число памятников, датировка которых почти без изменений сохранилась до наших дней¹⁹. Кроме того, благодаря инициативе А. Н. Лявданского впервые были археологически обследованы некоторые из летописных городов Смоленской и Полоцкой земель.

Таким образом, к середине 1930-х годов завершился первый этап археологического исследования древнерусских памятников. Его характеризовали не столько массовые раскопки, сколько выработка методических основ как полевых, так и лабораторных изысканий. Он включал в себя раскопки курганов на снос, а поселений — широкими площадями, с повышенным вниманием к стратиграфии памятников. Специальному анализу подлежал массовый материал. Орудия труда и производственные сооружения изучались особенно тщательно. Были осуществлены первые опыты социологического обобщения добытых археологией фактов²⁰. Археологические источники получили признание как составная часть источниковедческой базы исторической науки. Принцип историзма, марксистско-ленинское понимание закономерностей исторического процесса легли в основу археологических исследований.

Археологическое изучение Древней Руси поднялось на качественно новую ступень. Планмерно обследовались и значительные территории. На Северо-Западе работами руководил В. И. Равдоникас. Поселения юга Новгородской земли изучала С. А. Тараканова. На верхней Волге работали П. Н. Третьяков, Н. П. Милонов. Во Владимирской земле многолетние исследования вел Н. Н. Воронин. Берега Десны обследовал М. В. Воеводский. Памятники калужского течения Оки и Угры изучали П. Н. Третьяков, М. М. Герасимов, М. В. Воеводский. Городища и курганы Рязанского края (Ока и Проня) стали предметом изысканий А. М. Мансурова и Н. П. Милонова. Большое значение для будущих работ имела экспедиция под руководством П. Н. Третьякова в Среднем Поднепровье.

В предвоенные годы было положено начало одному из главных направлений современной славяно-русской археологии: углубленному изучению истории феодального города, его экономики, быта, культуры, путей возникновения и дальнейшего развития. Широким фронтом развернулись раскопки в Новгороде (А. В. Арциховский). Масштабные работы провел в Старой Ладогe В. И. Равдоникас, соединивший вновь исследованные

площади со старыми раскопами Н. И. Репникова. Н. Н. Воронин исследовал археолого-архитектурный комплекс в Боголюбове и начал раскопки во Владимире на Клязьме. Приступил к исследованию древнего Киева М. К. Каргер. Работы проходили в Вышгороде и на Райковецком городище. Б. А. Рыбаков копал Гочевское городище и Вщиж, а Н. П. Милонов — Калинин, Дмитров, Коломну и Пронск.

Война прервала как раскопочные работы, так и издание уже подготовленных трудов. Но исследование и осмысление собранных фактов продолжались. В первые послевоенные годы внимание археологов было приковано к области Среднего Поднепровья. По обоим берегам реки и ее притокам развернулись разведочно-раскопочные работы (Н. В. Линка, В. И. Довженок, П. Н. Третьяков, Т. С. Пассек, Ф. Б. Копылов, М. Ю. Брайчевский, П. А. Раппопорт). Появились археологические карты окрестностей Киева, поречья Днепра, бассейнов рек Рось и Сула. Существенные успехи были достигнуты Днепровской левобережной экспедицией под руководством И. И. Ляпушкина.

В течение значительного времени исследуя памятники железного века на лесостепном левобережье Днепра, И. И. Ляпушкин хронологически расчленил и выделил разновременные поселения и могильники. Особенности топографии и планировки городищ в сочетании с материалами, собранными в процессе обследования, шурфовки или раскопок, позволили систематизировать их по времени возникновения. И. И. Ляпушкин составил отдельные карты памятников на каждую историко-археологическую эпоху. Раннеславянские городища VIII—X вв. (роменского типа) впервые получили подробную культурную и социально-экономическую характеристику. Общие результаты работ экспедиции были опубликованы в 1961 г.²¹ Но предварительные итоги увидели свет в ряде статей значительно раньше. Общий интерес вызвала монография И. И. Ляпушкина, посвященная исследованию Новотроицкого городища, раскопанного почти полностью²². Яркая картина быта и гибели славянского поселения накануне образования Древнерусского государства, реконструированная на основе археологических данных, продемонстрировала возросшие возможности археологии. Одновременно получила наглядное подтверждение эффективность метода раскопок поселений широкими площадями.

Со все возрастающей интенсивностью продолжались раскопки древнерусских родов. Работы велись в Пскове (С. А. Тараканова), Старой Ладого (В. И. Равдоникас, Г. П. Гроздилов, С. Н. Орлов), Белоозере (Л. А. Голубева), Минске (В. Р. Тарасенко), Смоленске (Д. А. Авдусин), Москве (М. Г. Рабинович, А. Ф. Дубынин), Костроме (М. В. Фехнер), городах Владимирской земли (Н. Н. Воронин), Старой Рязани (А. Л. Монгайт), Звенигороде и Вщиже (Б. А. Рыбаков), Киеве (М. К. Каргер), Плеснеске (М. П. Кучера), Городске (Р. И. Выезжев), Галиче и его окрестностях (М. К. Каргер, В. И. Довженок), Чернигове (Б. А. Рыбаков), Переяславле-Хмельницком (Б. А. Рыбаков, М. К. Каргер) и других пунктах.

Большое значение для исследования древнерусских поселений на Дону и в Тамани имели раскопки Саркела—Белой Вежи (М. И. Артамонов) и Тмутаракани (Б. А. Рыбаков). Эти работы уточнили время существования русских центров в Приазовье: вторая половина X—конец XI в.

Событием в истории археологического изучения Руси явились масштабные и планомерные раскопки Новгорода (А. В. Арциховский), ознаменовавшиеся в 1951 г. открытием берестяных грамот.

Из печати один за другим выходят сборники (МИА), посвященные достижениям «городской» археологии. Монографически были изданы материалы из раскопок Гродно (Н. Н. Воронин)²³, Старой Рязани (А. Л. Монгайт)²⁴, Райковецкого городища (В. К. Гончаров)²⁵, Галича (Я. А. Пастернак)²⁶. Обобщил результаты своих исследований в Киеве М. К. Каргер²⁷. В ряде статей подводились итоги археологических работ в Вышгороде (В. И. Довженок)²⁸, Чернигове (Б. А. Рыбаков)²⁹, Старой Ладге (В. И. Равдоникас)³⁰, Пскове (С. А. Тараканова)³¹, Минске (В. Р. Тарасенко)³², Владимире и Ярославле (Н. Н. Воронин)³³. Начали публиковаться результаты новгородских раскопок³⁴.

Следует отметить работы Б. А. Рыбакова в Чернигове и Вщиже. На материале письменных источников и по данным археологических раскопок была воссоздана картина развития крупнейшего стольного города Чернигова и небольшого удельного центра Вщижа³⁵. Б. А. Рыбаков первым среди исследователей перевел решение проблемы малых древнерусских городов в русло практических сравнительных изысканий.

Археологические исследования во многом изменили существовавшие представления о древнерусских городах. Стало очевидным, что ведущей отраслью городской экономики было ремесло. Территория городов благоустраивалась: улицы мостились деревом, сооружались дренажные системы. Дворы-усадыбы горожан огораживались частоколами, внутри которых размещались жилые и хозяйственные постройки. Находки берестяных грамот в Новгороде наряду с многочисленными памятниками вещевой эпиграфики и надписями-граффити на стенах храмов свидетельствовали о высокой степени грамотности городского населения Руси.

Так, благодаря в первую очередь трудам А. В. Арциховского, Н. Н. Воронина, М. К. Каргера, В. И. Равдоникаса, Б. А. Рыбакова, были заложены основы современной городской археологии Руси.

Большое влияние на разработку проблем возникновения и развития древнерусских городов оказала фундаментальная работа М. Н. Тихомирова «Древнерусские города», впервые изданная в 1946 г.³⁶ Автор подсчитал по данным письменных источников количество русских городов до середины XIII в., проследил их географическое размещение, собрал сведения о городской экономике, социальных категориях населения городов. polemизируя с «торговой» теорией происхождения древнерусских городов В. О. Ключевского, М. Н. Тихомиров пришел к выводу, что в сфере экономики причиной появления городов было развитие земледелия и ремесла. Исследователь подметил закономерность размещения древнерусских городов в наиболее густо населенных районах. Именно здесь, по его мнению, сельское хозяйство остро ощущало потребность в высококачественных изделиях специального городского ремесла. Поэтому здесь в первую очередь и появились города. М. Н. Тихомиров непосредственно связывал процесс возникновения городов с углубленным процессом общественного разделения труда. Во многом опираясь на результаты предшествующих археологических изысканий и наблюдения современных археологов, он подчеркнул преобладающее значение развития ремесла в деле станов-

ления городов. Подлинными городами, по убеждению автора, были только поселения с многочисленным ремесленно-торговым населением. Индикатором превращения какого-либо укрепленного пункта в настоящий город М. Н. Тихомиров называл появление у его стен ремесленного посада.

Исследования по истории древнерусского ремесла стали одним из важнейших достижений славяно-русской археологии. Еще в предвоенные годы эта проблема привлекла внимание Б. А. Рыбакова³⁷. Продолжая ее углубленное изучение³⁸, исследователь опубликовал фундаментальный труд, посвященный одной из ведущих отраслей средневековой экономики³⁹. Широкое историческое полотно развития ремесла автор начинает с IV в. н. э. По археологическим данным он прослеживает постепенное выделение из домашнего производства обработки черного металла (VI—VIII вв.), художественного литья из бронзы и серебра (VI—VII вв.), гончарства (IX—X вв.) и др. Успешное развитие ремесленного производства способствовало образованию ремесленных поселков, которые при благоприятных условиях превращались в города.

Подробно и разносторонне Б. А. Рыбаков изучил древнерусское ремесло XI—XIII вв. На археологических материалах и по сведениям письменных источников исследователь рассмотрел деревенское и вотчинное ремесленное производство. Особенно детально описано ремесло в древнерусских городах. Б. А. Рыбаков подсчитал приблизительно число ремесленных специальностей, указал основные виды продукции городских ремесленников, выяснил районы ее сбыта. Анализируя некоторые выдающиеся изделия русских мастеров, он высказал мысль о существовании на Руси института ученичества и ремесленных объединений типа западноевропейских цехов.

На большом количестве примеров было доказано, что расцвет древнерусского ремесла начинается с середины XII в. и продолжается до самого нашествия Батыя. Причем, вопреки бытовавшему суждению о некотором экономическом упадке со второй половины XII в. старых поднепровских центров, оказалось, что ремесленное производство в них не только не сократилось, но продолжало служить эталоном для всей Руси. Эти выводы имели первостепенное значение для выработки новой исторической оценки эпохи феодальной раздробленности.

Капитальная работа Б. А. Рыбакова открыла целое направление в археологических исследованиях. Более детально изучаются отдельные отрасли ремесленного производства. Так, история древнерусской металлургии и металлообработки рассмотрена в монографии Б. А. Колчина⁴⁰. Автор успешно совместил традиционно-археологические методы исследования с методами естественных наук. Металлографический анализ изделий из черного металла, найденных в раскопках, совершенно в новом свете представил сложную технологию, которой владели русские кузнецы. Б. А. Колчин наметил круг предметов (орудия труда из высококачественной стали), поставлявшихся городскими ремесленниками сельской округе.

Большими успехами ознаменовались археолого-архитектурные исследования памятников древнерусского зодчества (Н. Н. Воронин, М. К. Каргер, Б. А. Рыбаков, А. Л. Монгайт). Истории военно-оборонного строительства Южной Руси были посвящены работы П. А. Раппопорта⁴¹. Впервые на широком историческом фоне автор рассмотрел особенности

укреплений десятков городищ и городов, значительная часть которых была им лично обследована и изучена. Исследователь предложил свою типологическую классификацию этих памятников и обосновал хронологическую периодизацию изменений в устройстве и планировке оборонительных сооружений.

Стремительный рост археологических знаний о быте и культуре древнерусских городов нашел отражение в сводных трудах. Новые данные включил во второе издание своей книги М. Н. Тихомиров⁴². Его отличают от первого значительно более полные (благодаря археологии) описания некоторых центров и подробная характеристика городской экономики. Внесены изменения в подсчеты количества городов, а время появления городских посадов отодвинуто к рубежу IX—X вв.

Значительные успехи археологии древнерусских городов получили разностороннее освещение в двухтомной коллективной монографии «История культуры Древней Руси»⁴³.

Результаты исследований сельских, в том числе укрепленных поселений Северо-Восточной и Северо-Западной Руси представлены в первом томе коллективных «Очерков по истории русской деревни X—XIII вв.»⁴⁴. Важным вкладом в науку явилась составленная А. В. Успенской и М. В. Фехнер карта-сводка поселений и могильников. На конкретных фактах авторы подтвердили заключения М. Н. Тихомирова о расположении древнерусских городов в гуще сельских поселений. Однако выработать ясные археологические критерии для разделения известных древнерусских городищ на города и поселения других типов исследователям не удалось. Решающим для зачисления того или иного памятника в разряд городов признавался факт его упоминания в письменных источниках.

Таким образом, к концу 50-х годов выкристаллизовались современные научные представления о древнерусском городе — центре развитого ремесла и торговли. Основная заслуга в их выработке принадлежит А. В. Арциховскому, Н. Н. Воронину, Б. А. Рыбакову и М. Н. Тихомирову. Намечены закономерности развития городов, этапы роста городской территории. Собраны данные об органах городского самоуправления и профессиональных организациях купцов и ремесленников. Выдвинуто положение о типичной социальной топографии города: аристократический детинец и торгово-ремесленный посад, отражающие классовую дифференциацию горожан. Появление посадов у стен первых укреплений рассматривается как важное свидетельство утверждения ремесленно-торговой ориентации городской экономики. Качественно новый шаг в изучении истории русских феодальных городов был сделан прежде всего благодаря успехам археологии.

Получили завершение и многолетние историко-географические исследования. Б. А. Рыбаков составил карту всех населенных пунктов Руси, упомянутых в письменных источниках до середины XIII в.⁴⁵ М. Н. Тихомиров локализовал большинство городов «Списка русских городов дальних и ближних» конца XIV в.⁴⁶

Новый этап изучения древнерусских городов и укрепленных поселений отмечен значительным расширением географии работ и обобщением собранных данных. Опубликованы археологические списки-карты Украины⁴⁷, Белоруссии⁴⁸, Ивановской⁴⁹, Московской⁵⁰, Смоленской⁵¹, Ле-

нинградской⁵² областей. Вышли в свет Своды археологических источников, посвященные средневековым памятникам Припятского Полесья⁵³ и древностям железного века междуречья Днепра и Десны⁵⁴. Во всех перечисленных работах учтены сведения о десятках и сотнях укрепленных поселений древнерусского времени.

Результаты многолетних исследований археологов в верховьях Западной Двины и Ловати, Волго-Окском междуречье, Гродненском Полесье и бассейне верхней Оки изложены в монографиях Я. В. Станкевич⁵⁵, Е. И. Горюновой⁵⁶, Ф. Д. Гуревич⁵⁷ и Т. Н. Никольской⁵⁸. В них дано подробное описание многих средневековых памятников и материалов из раскопок.

В работе о Рязанской земле А. Л. Монгайт привел сведения о 62 древнерусских городищах X—XVI вв.⁵⁹ Автор уточнил локализацию ряда рязанских летописных городов, многие из которых были впервые исследованы раскопками. Новые и ценные материалы по истории городов Полоцкой земли содержит монография Л. В. Алексеева⁶⁰. Исследователь обобщил результаты предшествующих археологических изысканий. На основании данных раскопок и сведений письменных источников Л. В. Алексеев реконструировал историческую топографию Полоцка, Витебска, Минска, Друцка. Развитие полоцких городов рассмотрено в связи с общей историей Полоцкой земли.

Археологические раскопки велись в большинстве столиц древнерусских земель-княжений, а также во многих центрах и укрепленных поселениях Руси. В результате этих работ получен огромный фактический материал, характеризующий повседневный быт, экономику, культуру, оборонительные сооружения и строительство древнерусских городов и других населенных пунктов. Появились реальные возможности для широкого сопоставления различных памятников, подразделения их с помощью археологических данных на отдельные социально-экономические типы. Открылись перспективы более детального изучения связей городов с их сельской округой. Широкая география раскопок позволила наметить особенности городского развития в тех или иных областях Древнерусского государства. Благодаря археологии, источники по истории многих сторон городской жизни Руси не только пополнились, но и приобрели качественно новый характер. Изучение происхождения русских городов, их экономики, внутренней топографии, культуры встало на прочный массовый историко-ведческий фундамент.

Б. А. Рыбаков вскрыл практически всю территорию детинца в Любече. Впервые по археологическим данным была реконструирована целостная картина жизни феодального (княжеского) замка. Исследованы остатки княжеского дворца, сторожевой башни-донжона, деревянной церкви, жилища челяди, мастерские ремесленников, оборонительные сооружения. Внутренняя защищенная гавань для судов обнаружена в детинце Воиня. Усадьбы с жилыми и хозяйственными комплексами найдены на городище Слободка. Раскопки в Ярополче-Залесском (Пировы Городища) позволили в деталях изучить этапы становления и гибели небольшого городка на Клязьме.

Исследования Витичева (Витачов), Чучина (Щучинка), Новгорода-Малого (Заречье), Святополча-Михайлова (Витачов) и на ряде других

городищ рисуют суровый быт русских порубежных сторожевых крепостей. Значительный интерес представляют работы в Изборске, где прослежены непрерывные культурные отложения от VIII до XIII в. (В. В. Седов). Усадьбы должностных лиц и солеварни раскопаны в Старой Руссе. Отдельные постройки и могильник первого периода существования города (конец XI—начало XII в.) обнаружены в Москве.

Многочисленные материалы, свидетельствующие о разносторонних этнокультурных связях, получены при раскопках городов русско-польского порубежья (Перемышль, Червен, Сутеска, Дорогичин, Берестий) и Черной Руси (Городен, Волковыеск, Слоним, Новгородок). В Новгородке (совр. Новогрудок) в пределах окольного города вскрыты усадьбы зажиточных горожан.

Трагическая гибель русских городов под ударами орд Батыя, сопровождавшаяся массовым уничтожением мирного населения, вновь зафиксирована раскопками Изяславля и Серенска. Братские могилы защитников и жителей города вскрыты в Старой Рязани.

Большим успехом ознаменовались раскопки на киевском Подоле. Здесь обнаружены деревянные жилые и хозяйственные постройки, мощенные деревом улицы и переулки, целые усадьбы древних киевлян. Эти работы в новом свете рисуют и внешний облик, и массовую застройку не только Киева, но и других южных городов.

Были завершены исследования на огромном (около 1 га) Неревском раскопе в Новгороде и продолжены работы в различных частях древнего города. Принципиальное значение раскопок в Новгороде не исчерпывается массовыми находками берестяных грамот — нового вида письменных источников. Впервые в практике отечественной археологии изучен целый квартал средневекового города. Разработана абсолютная дендрохронологическая шкала новгородского культурного слоя. Благодаря этому не только конкретные сооружения и категории вещей получили четкие датировки, но выявлена динамика жизни отдельных кварталов и улиц. Именно в процессе раскопок Новгорода стало ясно, что усадьба горожанина являлась первичной хозяйственной и социальной ячейкой сложного городского организма. Данные наблюдения подтверждены теперь материалами из Киева, Рязани, Пскова, Старой Руссы, Смоленска, Ярополча-Залесского, Полоцка, Минска, Турова, Друцка и других городов.

Помимо крупных и относительно малых городских центров, исследовались сельские феодальные усадьбы-замчища. В. В. Седов полностью раскопал городища Церковище (Воищина) и Бородинское под Смоленском. К. А. Смирнов вел работы на городище Хлепень на Вазузе, Т. Н. Никольская — на Спасском городище. Несколько владельческих поселений в верховьях Волги исследовала А. В. Успенская. Провела раскопки Зборовского городища под Рогачевом Г. Ф. Соловьева. В. И. Довженок изучал известное поселение в Сахновке на Роси (Девич-гора). Несколько укрепленных усадеб на левобережье среднего Днепра раскопал М. П. Кучера. В. К. Гончаров вскрыл значительную площадь на городище Ивангора под Ржищевом. В результате этих и других работ археологическую характеристику получили сельские укрепленные усадьбы — центры феодальных вотчин.

Из общегородской тематики в самостоятельное направление выдели-

лись исследования оборонительных сооружений и систем обороны Руси и отдельных княжеств. Большой вклад в изучение южнорусских пограничных городов-крепостей внесли работы Б. А. Рыбакова⁶¹. Этим же вопросам посвятил ряд статей В. И. Довженок⁶². Со второй половины X в. и вплоть до нашествия Батыея укрепление степного порубежья от вторжения кочевников было одной из важнейших государственных задач великих киевских, а затем и черниговских, и особенно переяславских князей. Со времен Владимира Святославича она решалась с помощью строительства укрепленных пунктов — «застав богатырских» — вдоль водных рубежей и размещения там специальных гарнизонов. Сложная и достаточно эффективная система обороны X—XIII вв. юга Руси ныне хорошо изучена археологически.

Истории древнерусского военного зодчества посвящен фундаментальный труд П. А. Раппопорта. В трех книгах, изданных исследователем, собран громадный фактический материал⁶³. На широком историческом фоне автор рассмотрел особенности оборонительных укреплений сотен городищ X—XV вв. П. А. Раппопорт разработал подробную типологическую классификацию этих памятников для различных историко-географических областей Руси. Им убедительно обоснована хронологическая периодизация общественных изменений в устройстве оборонительных сооружений. Впервые датированы десятки городищ, уточнено время их сооружения. Опубликованы сотни планов, разрезов, реконструкций.

Итоги археологического изучения древнерусских городов и укрепленных поселений отражены во многих статьях и очерках. Монографически изданы результаты раскопок Воиня⁶⁴, Родня⁶⁵, Волковыска⁶⁶, Полоцка⁶⁷, Минска⁶⁸, Ярополча-Залесского⁶⁹, Белоозера⁷⁰. Городам Туровской земли посвятил свою работу П. Ф. Лысенко⁷¹, а древнерусским городам северной Белоруссии — Г. В. Штыхов⁷². Итоги раскопок Любеча опубликовал Б. А. Рыбаков⁷³.

Л. В. Алексеев специально исследовал периферийные центры Смоленской земли⁷⁴. Опираясь на результаты археологических раскопок и обследований Торопца, Мстиславля, Ростиславля, Вержавска, Жижеча, Копыса, Ельни, Дорогобужа и данные о них в комплексе грамот Смоленской епископии, автор подробно охарактеризовал эти пункты. Л. В. Алексеев наметил три стадии в развитии смоленских городов. Причем оказалось, что большинство из них было отстроено князьями в третий период (середина XII—XIII в.).

Древнерусские укрепленные поселения в земле вятичей стали предметом изучения Т. Н. Никольской⁷⁵. Она подразделила их на три группы: города — центры развитого ремесла и торговли; города-крепости; города типа феодальных замков. Во всех трех группах имеются населенные пункты как упомянутые в летописях, так и неизвестные письменным источникам. Критерием для подобного членения послужили размеры поселений, материалы археологических раскопок и сведения летописей.

Большое значение для понимания сущности древнерусских городов и особенностей их быта имеют публикации новых материалов из раскопок Киева⁷⁶, Новгорода⁷⁷ и Старой Рязани⁷⁸. Именно в сравнении с такими не вызывающими сомнения центрами Руси представляется возможным надежно выявить другие, менее развитые поселения городского типа.

Собран значительный материал, характеризующий быт сельских феодальных замков — центров землевладельческих вотчин. В. В. Седов разработал набор археологических признаков феодальной усадьбы-замка⁷⁹. В него автор включил наличие укреплений; находки предметов вооружения, типичных для быта феодалов; находки обломков стеклянных браслетов; следы значительной имущественной дифференциации среди населения. Отличают феодальную усадьбу от города незначительные размеры; хорошо прослеживаемая связь с сельским хозяйством; слабое, одностороннее развитие ремесла.

Для сторожевых городов (крепостей) пока еще не выработаны общепризнанные критерии. П. А. Раппопорт полагает, что военными крепостями были поселения с особым устройством вала, в насыпи которого с внутренней стороны размещались жилые и хозяйственные помещения⁸⁰. Эти поселения строились по заранее намеченному плану. Их укрепления одновременно служили жилищами для гарнизона. Выводы П. А. Раппопорта оспорили В. И. Довженок и М. П. Кучера⁸¹. Широко распространение памятников с аналогичными конструктивными особенностями валов, в том числе городищ самой различной плановой структуры, по всей территории Руси заставляет с осторожностью отнестись к заключениям П. А. Раппопорта. Поэтому пока наиболее надежным признаком для выявления сторожевых крепостей остается их месторасположение вдоль границ и на стратегических направлениях возможного удара противника.

Собранные и систематизированные археологами материалы из раскопок древнерусских укрепленных поселений, накопленный опыт их исторической интерпретации открыли путь сплошной социально-типологической классификации этой категории памятников. Особое внимание обращалось на обоснованное выявление городов, вполне отвечающих социологическому значению этого слова. Систематизируя данные о древнерусских укрепленных поселениях, П. А. Раппопорт применил принцип группировки памятников по размерам укрепленной площади⁸². Он определил наиболее распространенный тип планировки городов: сложный, состоящий из нескольких укрепленных частей и окружающих открытых селищ-посадов. По мнению П. А. Раппопорта, укрепленными на Руси в различные периоды ее развития были центры свободных крестьянских общин (крестьянская самооборона), феодальные замки, сторожевые крепости и города.

В. И. Довженок большинство укрепленных поселений считает феодальными замками, часть — подлинными городами, а остальные — сторожевыми крепостями⁸³. Однако четких археологических критериев своей классификации исследователь не привел. Впрочем, и В. И. Довженок, и П. А. Раппопорт при определении социального лица памятника больше доверяют прямым указаниям письменных источников, чем археологическим данным.

Вопрос о критериях городского облика поселения непосредственно связан с проблемами определения понятия русский средневековый город и социальной типологии городов⁸⁴. Я. Е. Водарский специально рассмотрел различные взгляды исследователей на понятие город, имеющиеся в отечественной историографии, и распределил их по четырем основным точкам зрения⁸⁵. Сторонники первой считают городами все населенные

пункты, поименованные так в источниках. Другие полагают, что городами эпохи феодализма были торгово-промысловые поселения. Третьи видят в городах торгово-промысловые поселения и военно-административные центры. Четвертые предлагают называть городом торгово-промысловое поселение с оформившейся или формирующейся посадской общиной. Именно это определение города вслед за М. Н. Тихомировым, Л. В. Черепниним и П. Г. Рындзюнским поддерживает Я. Е. Водарский. Причем наличие городской (посадской) общины приравнивается к существованию особого «городского строя». А «городской строй» и торгово-ремесленная деятельность большинства горожан и были наиболее яркими чертами западноевропейских средневековых городов.

Как ни привлекательны изложенные взгляды, но они все же не исчерпывают столь многогранного исторического явления, каким был средневековый город. Даже в письменных источниках XV—XVI вв. нелегко найти факты, убедительно подтверждающие справедливость данного определения. Почти нет их и в источниках более ранних. Поэтому для практического выявления городов X—XIII вв. указания на наличие городской общины и торгово-ремесленную деятельность большинства населения совершенно не достаточно. Мало известно, какой была городская община, что отличало ее от сельских «миров»? Не установлено даже приблизительно, какой процент населения и какими ремеслами должен был заниматься, чтобы данное поселение превратилось в город.

Приходится признать, что определить город одним-двумя показателями трудно. Исследователь должен оперировать суммой признаков, отражающих основные функции города в системе феодального государства. Именно взгляд на древнерусские города как на многофункциональные поселения, решавшие, помимо экономических (торгово-ремесленных), задачи военно-политические, административно-хозяйственные и культурно-идеологические, открывает возможность и их определения, и классификации⁸⁶.

Б. А. Рыбаков полагает, что «первичные классовые отношения зарождаются конвергентно, в тех округах, где общество dorосло до вычленения центров с небольшим набором функций»⁸⁷. Эти центры, своеобразные «узлы прочности» своих округ, как их называет исследователь, «государство повсеместно наделяет. . . административно-фискальными функциями, добавляя нередко к ним и военные»⁸⁸. Многие из них со временем превращаются в настоящие средневековые города в социологическом значении этого слова. «Типичным, — пишет Б. А. Рыбаков, — следует считать сочетание в городе следующих элементов: крепости, дворов феодалов, ремесленного посада, торговли, административного управления, церквей»⁸⁹. Каждый из перечисленных элементов отражает ту или иную функцию города в феодальном обществе, а вместе они дают не только историческую, но и археологическую его характеристику.

В советской историографии неоднократно разными исследователями изучалась роль городов в политической, социальной, военной и культурной жизни Древнерусского государства. Особо подчеркивалась связь городов с тянувшими к ним волостями. Обобщая достигнутые результаты, В. В. Карлов определяет русский город эпохи феодализма как «многофункциональное поселение, отвечавшее различным потребностям феодального общества (развитие ремесел и торговли, оборона от врагов, организа-

ция политической власти и административного управления сельской округой, культурный и религиозный центр); возможно преобладание (иногда существенное) одной из функций над другими или полный „набор” этих функций; необходимые признаки городского поселения — торговоремесленная деятельность значительной части жителей и наличие посадской общины (или возникновение предпосылок для ее оформления)»⁹⁰.

Если дореволюционная историческая наука в попытках классифицировать древнерусские города исходила из юридического принципа (владельческая принадлежность городской территории), то современные исследователи используют экономические и социальные критерии в их диалектическом взаимодействии. В литературе выделяется несколько групп или типов городов⁹¹. Во-первых, старшие или вольные города — столицы земель-княжений, которые заключали договор-ряд с князьями и которым были свойственны все перечисленные функции феодального города. Во-вторых, города княжеские — удельные и волостные центры с развитыми административно-финансовыми и судебными функциями. В-третьих, города-крепости, строившиеся на рубежах княжеств для защиты их территории от военных вторжений. В-четвертых, города частновладельческие — центры крупных феодальных вотчин. Таким образом, тип города определяется особенностями сочетания выполнявшихся им функций. Изложенная классификация в известной мере условна. «Города Руси были многообразны как по характеру их социальной структуры, так и по принадлежавшей им политической роли»⁹². Однако в целом эта классификация соответствует принципу организации феодального общества.

Таковы некоторые итоги изучения проблемы древнерусского города советскими археологами и историками. Они свидетельствуют о значительных успехах и в разработке общих вопросов становления городов как особого социально-экономического явления, и в их классификации, и в исследовании конкретных поселений городского типа.

Среди письменных источников наиболее важны для изучения древнерусских городов летописи. Большинство сведений о городах Руси IX—XIII вв. содержится в Ипатьевской⁹³, Лаврентьевской⁹⁴ и Новгородских⁹⁵ летописях. Прочие своды (Воскресенская и Радзивилловская летописи, Летопись Переяславля-Суздальского и др.) почти не имеют дополнительных данных о городах указанного времени. Лишь Никоновская летопись⁹⁶ сообщает много новых названий городов XII—XIII вв., особенно рязанских. Однако исследователи справедливо считают эти записи поздними⁹⁷.

По подсчетам М. Н. Тихомирова, во всех летописных сводах и иных письменных источниках до нашествия орд Батыя упомянут 271 город (IX—X вв. — 25 городов; XI в. — 64; XII в. — 135; XIII в. — 47)⁹⁸. Ученый полагал, что к середине XIII в. на Руси существовало около 300 городов, хотя и оговаривал определенную условность выводов, построенных только на сведениях письменных источников.

Помимо данных о месторасположении того или иного города, летописи иногда сообщают интересные подробности о городских укреплениях и церквях, о населении города, его политическом статусе (центр удела,

волости). Эти известия особенно ценны, так как содержат материал для выяснения места городов и иерархии поселений феодальной Руси.

Из 271 летописного города, отмеченного М. Н. Тихомировым, 240 сегодня надежно отождествлены с конкретными археологическими памятниками. Однако археологические исследования значительно пополнили список древнерусских городов X—XIII вв., известных письменным источником. Правда, они появляются на страницах летописей и различных документов лишь во второй половине XIII—XIV в. Но археологические раскопки и обследования убедительно свидетельствуют, что эти укрепленные населенные пункты существовали значительно раньше. Таковы Волковеськ (1252 г.), Городецк (1257 г.), Гороховец (1239 г.), Губин (1241 г.), Деревич (1241 г.), Колодяжин (1240 г.), Коломыя (1240 г.), Кудин (1241 г.), Любомль (1287 г.), Мельница (1247 г.), Новгородок (1252 г.), Переяславль-Рязанский (1301 г.) и др.

Из источников XIV в. самым ценным историко-географическим памятником для исследования численности древнерусских городов является «Список русских городов дальних и ближних». Это единственный документ, в котором перечислено большинство населенных пунктов, считавшихся в XIV в. на Руси городами. Причем в «Список» включены города, не только входившие в состав русских княжеств конца XIV в., но и сохранившиеся в памяти современников как древнерусские.

Древнейший «Список» помещен в дополнительных статьях, следующих за Комиссионным списком Новгородской первой летописи младшего извода⁹⁹. Его более поздние списки находятся в различных сборниках XVI—начала XVII в. Составитель «Списка» размещал города в нем не произвольно, а по разделам, снабженным специальными подзаголовками: «А се болгарский и волоцкий гради», «А се Польские», «А се Киевский гради», «А се Волыньские», «А се Литовские», «А се Смоленские», «А се Рязанские», «А се Залеские». В Новгородском Софийском сборнике 1602 г. к ним добавлены «Тверские» города. Всего в «Списке» названо 358 городов.

Наиболее детальное исследование «Списка» предпринял М. Н. Тихомиров¹⁰⁰. Ученый сличил сохранившиеся тексты и предположил время (конец XIV—начало XV в.) появления протографа. Главные усилия М. Н. Тихомиров направил на локализацию поименованных в «Списке» городов. Ему удалось определить местоположение 304 городов. М. Н. Тихомиров предположил, что «Список» возник в Новгороде между 1387 и 1392 гг., возможно в торговых кругах, близко связанных постоянными торговыми поездками с различными городами в русских княжествах и Великом княжестве Литовском¹⁰¹. Его источником могли быть дорожники для купцов и паломников.

Новые работы, посвященные «Списку», внесли в выводы М. Н. Тихомирова существенные коррективы. Вслед за его исследованием вышла в свет статья Б. А. Рыбакова «Древние русы», где автор широко использовал данные «Списка» для реконструкции древнерусской территории и опубликовал свою карту городов¹⁰². Уже тогда Б. А. Рыбаков связывал происхождение этого памятника с деятельностью митрополита Киприана. К выводу о церковном источнике «Списка» в свете общерусских претензий московско-киевского митрополита пришел А. Н. Насонов¹⁰³.

Б. А. Рыбаков вновь вернулся к изучению «Списка» в монографии «Русские карты Московии XV—начала XVI в.»¹⁰⁴ Ученый установил, что перечни различных групп городов составлены неодновременно: список залесских городов — после 1387 г., смоленских — ранее 1386 г., киевских — относится ко времени после 1394 г. По мнению Б. А. Рыбакова, в общий «Список» были объединены около 1395 г. отдельные, областные, списки городов. Произошло это в канцелярии митрополита киевского и московского Киприана. «Список представляет, по всей вероятности, сводку тех городов и старинных маленьких полузабытых городков, которые должны были платить какую-то дань митрополиту»¹⁰⁵. Но составление «Списка» преследовало и важную идейную задачу «напомнить всем русским людям от Дуная до Устюга, от Немана до Дона о том, что некогда все они составляли единое целое»¹⁰⁶. Это заключение позволяет широко привлекать данные «Списка» для изучения древнерусских городов X—XIII вв.

Выводы Б. А. Рыбакова перекликаются с итогами опубликованного одновременно исследования Е. П. Наумова¹⁰⁷. Е. П. Наумов убедительно доказал причины включения в «Список», помимо собственно русских, также молдавских, валашских и части болгарских городов. Они внесены в перечень (проект расширенного диоцеза Киевской митрополии) в связи с претензиями Киприана на галицкую и молдавскую церкви¹⁰⁸. Исследователь уточнил время (1394—1396 гг.) составления всего «Списка». Киприану подчинялась и православная церковь Великого княжества Литовского, что объясняет присутствие среди «русских» городов таких исконно литовских центров, как Вильно, Троки, Ковно, Пуна и др.

Таким образом, мысль о создании «Списка русских городов дальних и ближних» в непосредственном окружении киевско-московского митрополита Киприана получила признание в науке¹⁰⁹. Надо полагать, что составители «Списка» привлекли какие-то документы о доходах митрополии, многие из которых отражали картину, сложившуюся в древнерусское время. Во всяком случае, А. В. Поппе убедительно показал, что перечень волыньских городов рисует ситуацию в Галицко-Волыньских землях первой половины XIII в.¹¹⁰ Этот перечень понадобился Киприану, стремившемуся подчинить себе Галицкую митрополию. По-видимому, города «Списка» — это центры епархий и приходов, с которых когда-либо русская митрополия получала доходы или пыталась распространить на них свою власть. Для интересующей нас темы важен другой вывод: городами в конце XIV в., по крайней мере в церковных кругах, считались центры приходов.

Все сказанное выше позволяет ввести «Список русских городов дальних и ближних» в круг важных источников по истории городской жизни Руси X—XIII вв. Нельзя не согласиться также с мнением В. А. Кучкина о возможности уточнить локализацию некоторых городов, о том, что «только археология в состоянии дать если не исчерпывающий, то близкий к нему ответ о географии центров прошлого»¹¹¹.

В «Списке» названо 130 городов, упомянутых в летописях до середины XIII в. В их числе поименованы все столицы древнерусских земель-княжений: Киев, Чернигов, Галич, Владимир-Волынский, Туров, Полоцк, Смоленск, Новгород, Ростов, Суздаль, Владимир, Рязань и Муром. Указаны также крупные центры уделов и волостей: Вышгород, Белгород,

Василев, Канев, Юрьев, а также Вручий в Киевской земле; Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, Стародуб, Трубчевск, Курск — в Черниговской; Остерский Городец и Ромен — в Переяславской; Перемышль, Теробовль, Звенигород — в Галицкой; Луческ, Острог, Холм, Дорогобуж, Берестий — на Волини; Пинеск, Мозырь, Ключеск и Случеск — в Припятском Полесье; Городен и Новый городок Литовский (летописный Новгородок, совр. Новогрудок) — в Понеманье. Очень подробно перечислены города Полоцкой земли: Менеск, Изяславль, Борисов, Дрютеск, Логойск, Лукомль, Видбеск и Рша (Орша). Не менее полно представлены города смоленские, новгородские, суздальские и особенно рязанские.

В «Списке» отмечено еще 70 городов и укрепленных пунктов, которые по археологическим данным уже существовали к середине XIII в. Это Глинеск, Синец, Снепород в Посулье, Хотмышль на Псле, Житомиль (Житомир) на Тетереве, Кременец-Волинский и Другобец (Дрогобыч) Галицкий, Переров на Припяти, Навоз на Днепре, Горволь и Свислочь на Березине, Тетерин на Друти, а также Могилев, Дроков, Копыль. Оказалось, что центры мелких верхневолжских волостей XIV—XV вв. — Осечен, Сижка, Горошон, Вселук, Березовец, Кличен — возникли еще в конце X—XIII в. Тогда же жизнь началась в Серпейске, Мещовске, Перевитске, Михайлове, Новом Ольговом городке, Мстиславле и Ярополче Залесских. Безусловно, «Список» в процессе археологического исследования поименованных в нем пунктов поможет установить названия еще ряда укрепленных поселений, возникших в древнерусскую эпоху (X—XIII вв.).

Помимо летописей и «Списка», некоторые города и городки X—XIII вв. упомянуты в актовых материалах XII—XV и даже XVI в. В духовных и договорных грамотах великих и удельных князей названы Перемышль-Московский (р. Моча), Тушков, Хотунь. Смоленскому князю Ф. К. Красному-Фомину принадлежали в XIV в. известные на р. Вазуза городища Степановское, Хлепень, Большой Березуй и Фоминское, основанные значительно раньше. Из документов XIV в. известны Рай, Ратно и Ветлы на Волини, Рогатин и Тустань в Поднестровье.

Очень важным источником по истории малых городов Руси является комплекс грамот Смоленской епископии¹¹². Они были обнаружены в Швеции в середине прошлого века С. А. Соловьевым в списках XVI в. Эти документы привлекли внимание Я. Н. Щапова, А. В. Поппе и Л. В. Алексеева¹¹³. Особый интерес представляют учредительная грамота князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископии и завершающая комплекс грамота «А се погородие. . .» Историческое значение обоих документов трудно переоценить, так как они касаются всего княжества. В первом подробно перечислены княжеские дани, от которых епископу поступала десятая часть (десятина); во втором указано 12 смоленских городов, плативших епископу погородие.

Учредительная грамота Устав убедительно датирована Я. Н. Щаповым 1137 г. и А. В. Поппе — 1136 г. Время составления другой грамоты постарался уточнить Л. В. Алексеев¹¹⁴. Исследователь считает, что в ней идет речь о двух видах епископских податей: погородии и почестье. Почестье рассматривается как вознаграждение епископу за личную службу в городских соборах. Если погородие платят все города, то почестье — только пять. Среди них — все крупные смоленские центры, за исключением То-

ропца. Какие причины заставили епископа отказаться от службы в нем, хотя он бывал в соседнем Жижеце? Л. В. Алексеев полагает, что это могло случиться, когда в Торопце присутствовал другой иерарх. Такой факт известен: в 1211—1218 гг. здесь отбывал ссылку новгородский архиепископ Митрофан. Следовательно, грамота «А се погородие. . .» составлена между 1211 и 1218 гг., и от Устава Ростислава ее отделяют 75 лет, а «все упоминания в ней городских поселений крайне важны, так как показывают развитие смоленских периферийных центров за это время»¹¹⁵.

В грамоте названы Мстиславль, Крупля, Вержавск, Копысь, Пацынь, Лучин, Ростиславль, Ельна, Изяславль, Торопец, Жижец и Дорогобуж. Следовательно, к началу XIII в. в Смоленском княжестве, помимо самой столицы, было еще 12 городов, вносивших епископу специальную «городскую» дань. Прочие укрепленные населенные пункты (свыше 120) того времени такой дани не платили¹¹⁶. Достоверно определено местоположение Мстиславля, Вержавска, Копыси, Ростиславля, Елны, Торопца, Жижеца и Дорогобужа. О локализации Крупля, Пацыни, Лучина и Изяславля единого мнения нет¹¹⁷. Возможно, в названии города Крупля, неизвестного другим источникам, вкралась ошибка. По наблюдениям Я. Н. Щапова, в тексте Устава 1136 г. слово «Прупои» (будущий Пропешек) написано необычно: первая буква П близка по написанию букве К¹¹⁸. Не является ли слово Крупля испорченным при переписке словом Прупои (современный г. Славгород)?

Согласно Учредительной грамоте Ростислава Мстиславича специальную десятину города отдельно от десятины волости платил в 1136 г. только Вержавск. Поэтому прочие периферийные центры Смоленщины приобрели статус городов позже¹¹⁹.

Однако из общего контекста грамоты, стандартно перечисляющей размеры погородия со смоленских городов, выпадает абзац о Торопце. В нем детально регламентированы натуральные поборы в пользу епископа: 15 лисиц, 10 черных кунниц, невод, тре. . ца (по-видимому, курица — рыболовная снасть), бередник, трое саней рыбы, полавочник, две скатерти, три убруса, берковеск меда¹²⁰. В предшествующем Уставе 1136 г. просто указано, что князь «от всех рыб», что идут к нему из Торопца, дает десятину епископу. Видимо, раздел производился в Смоленске на княжеском дворе, в присутствии епископских чиновников. Новое, весьма подробное перечисление натуральных податей с Торопца понадобилось в связи с появлением там удельного княжеского стола. Грамота «А се погородие. . .» регулировала отношения епископа не только со смоленским, но и с торопецким князем. Денежный взнос Торопца составлял 40 гривен, т. е. равнялся десятине с него в 1136 г.¹²¹ В обоих случаях, надо полагать, Торопец платил подати вместе с волостью. Не следует ли из этого, что в 1136 г. он был весьма значительным центром Смоленского княжества?

Другое наблюдение касается отсутствия в числе плательщиков дани во всех документах самого Смоленска. В Учредительной грамоте князь Ростислав Мстиславич утверждал, что дает десятину епископу «от всех даней смоленских». Их вносят все волости и населенные пункты княжества, за исключением столицы. По-видимому, стольные (старшие) города отдельных земель-княжений Руси пользовались особыми правами и привилегиями, отличавшими их от прочих поселений городского типа.

Центры многих волостей, плативших дань смоленскому князю по Уставу 1136 г., выявлены В. В. Седовым¹²². Большинство из городов грамоты о погородии обследованы и изучены Л. В. Алексеевым¹²³.

В совокупности археологические материалы и сведения письменных источников позволяют реконструировать облик и социальные особенности смоленских периферийных городов. Есть основания попытаться определить причины и время превращения рядовых волостных центров в поселения городского типа.

Заканчивая обзор письменных источников, нельзя не отметить, что археологам удалось обнаружить укрепленные центры боярских вотчин (Мстибогов, Голые Горы, Вишня, Кодень), имена владельцев которых знают летописи. Обследованы также некоторые из летописных погостов. Наконец, раскопки были проведены в столицах и крупных укрепленных поселениях двинских княжеств, упомянутых немецким хронистом Генрихом Латвийским. Всего на сегодня насчитывается 414 укрепленных поселений с культурными напластованиями X—XIII вв., известных по письменным источникам (см. вкладку)^{*1}. Из них стационарными археологическими работами охвачено 126 (около 30 %) памятников.

Археологические источники имеют первостепенное значение для изучения истории древнерусских городов. Памятники археологии несут в себе исключительно важную информацию: от остатков древних сооружений и тысяч предметов до возможности установить в узких хронологических пределах систему взаимосвязей между ними. Иными словами, археологические исследования позволяют решать вопросы возникновения городов, этапов их развития, реконструировать особенности городской экономики и быта, воссоздавать социальную топографию городов и т. д. Раскопки древнерусских городов ввели в науку совершенно новый вид письменных источников — берестяные грамоты, число которых ежегодно увеличивается. Благодаря этому в круг археологических изысканий вошли проблемы, еще недавно являвшиеся уделом традиционной исторической науки. Именно раскопки городов и поселений открыли нам повседневный мир средневекового человека.

Основным археологическим источником комплексных исследований по истории городов Руси являются древние укрепленные поселения. Подразделять их сразу, без специального анализа, на города и прочие памятники было бы методической ошибкой. Отдельные элементы городского быта свойственны каждому из них¹²⁴. Но чтобы достоверно судить о степени сходства и различия как конкретных поселений, так и целых групп памятников, необходимо оценить качественное состояние данного источника. На территории, некогда принадлежавшей Древнерусскому государству, автором учтено 1395 укрепленных поселений X—XIII вв. В их число входят и надежно локализованные летописные города, и другие населенные пункты, упомянутые в памятниках письменности. Естественно, итоговая цифра укрепленных поселений по мере дальнейших изыскательских работ будет увеличиваться. Часть из них за истекшие века была уничтожена силами природы и хозяйственной деятельностью людей. Другие еще

^{*1} В архиве автора карта сохранилась в плохом фотовоспроизведении, и полностью восстановить все пункты не удалось (Ред.).

не обнаружены. Культурно-хронологический облик третьих требует уточнений. Однако трудно ожидать столь существенных колебаний в подсчетах, чтобы они отразились на конечном результате. Во-первых, укрепленные поселения хорошо заметны на местности и сравнительно легко выявляются специалистами. Во-вторых, они, благодаря размерам и наличию искусственных укреплений, довольно успешно противостоят всяким разрушениям. Поэтому есть основания полагать, что собраны сведения о большинстве существовавших древнерусских укрепленных поселений X—XIII вв. Но исследованы они далеко не равнозначно. Объем и качество извлекаемой из материалов раскопок и обследований информации различны. Сравнить и оценить ее можно, предварительно систематизировав все памятники по степени их археологической изученности.

С этой целью укрепленные поселения разделены на четыре группы. В первую группу вошли поселения, стационарно исследованные широкой площадью; во вторую — изученные разведочными раскопками и шурфами; в третью — обследованные без целенаправленного вскрытия культурного слоя; в четвертую — поселения, культурно-хронологический облик которых определен недостаточно четко.

Следует оговориться, что в первую группу сведены памятники, исследованные далеко не равномерно. Практически нет поселений, территория которых была бы вскрыта раскопками полностью. С другой стороны, сами укрепленные поселения имеют площадь от нескольких сотен квадратных метров до нескольких десятков гектар. Поэтому в одном случае раскопы в 300—500 кв. м соответствуют 10—70 % площади памятника, а в другом — 1—3 га составляют только 1,5—2 %. Наконец, сохранность и мощность культурных отложений на поселениях совершенно различна. Там, где слой хорошо консервирует органические вещества, его информационные возможности чрезвычайно высоки. Но и памятники с обычным, не сохраняющим дерево и прочую органику культурным слоем исторически не менее важны, тем более что количественно их в несколько раз больше.

Как правило, хорошо изученными считаются поселения, раскопанные не менее чем на половину или треть. Но даже исследованные археологами 1—2 % площади таких средневековых гигантов, как Киев и Новгород, во многом изменили существовавшие представления о путях развития и социально-экономических особенностях древнерусских городов. Нельзя не учитывать также, что раскопки широкими площадями всегда сочетаются с целенаправленным обследованием остальной территории памятника и его окрестностей. В результате удается относительно полно восстановить картину жизни данного поселения.

Древнерусские укрепленные поселения IX—XIII вв. распределились по степени археологической изученности следующим образом (см. вкладку): первую группу составили 236 (16,9 %) памятников; вторую — 626 (44,9 %); третью — 458 (32,8 %) и четвертую — 75 (5,4 %). Высокий процент (61,8) памятников двух первых групп определяет значительные информационные возможности основного источника, пригодного для дальнейшего многоаспектного анализа.

Этот вывод справедлив как для территории Руси в целом, так и для ее частей. Картографирование памятников и аналогичные подсчеты по отдельным историко-географическим регионам не обнаруживают сколько-

нибудь обширных лакун (за исключением географически объяснимых: Полесье, Мещера, районы сплошных лесов и т. п.). Доля поселений первой и второй групп, как правило, не меньше 50 % от числа выявленных памятников. Следовательно, работа обеспечена источниковедчески качественным и представительным материалом.

- ¹ Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959; *Хорошкевич А. Л.* Русский город XI—XVI вв. в современной буржуазной науке // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962; *Она же.* Основные итоги изучения городов XI—первой половины XVII в. // Города феодальной России. М., 1966; *Ширина А. Д.* Изучение русского феодального города в советской исторической науке 1917—начала 1930-х годов // Ист. зап. М., 1970. Т. 86; *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья: К постановке вопроса // Русский город: Историко-методологический сб. М., 1976; *Она же.* К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город: Проблемы горообразования. М., 1980. Вып. 3; Советская историография Киевской Руси. Л., 1978; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 216—222.
- ² *Воронин Н. Н.* К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // КСИИМК. М., 1951. Вып. XLI; *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Археологическое изучение древнерусского города // КСИА. М., 1963. Вып. 96; *Куза А. В.* Археологическое изучение древнерусских городов в 1962—1976 гг. // КСИА. М., 1978. Вып. 155.
- ³ *Ходаковский З. Д.* Разыскания касательно русской истории // Вестник Европы. 1819, октябрь. № 20; *Она же.* Проект ученого путешествия по России // Сын отечества. СПб., 1820. № XXXIII; Путевые записки Ходаковского // ЖМНП. СПб., 1838. Ч. 20, № 12; Донесение о первых успехах путешествия в России Зоряна Долуго-Ходаковского // РИС. М., 1844. Т. VII.
- ⁴ *Погодин М. П.* Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г. СПб., 1848.
- ⁵ *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции. М., 1846. Т. 2. С. 400; *Срезневский И.* Святилища и обряды языческого богослужения древних славян. Харьков, 1846. С. 35; *Корсаков Д.* Мера и Ростовское княжество. Казань, 1872. С. 59.
- ⁶ Письма К. Калайдовича об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М., 1823. С. 62; *Пассек В.* Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов // РИС. М., 1839. Т. III, кн. 2. С. 220; *Фундуклей И.* Обзорение могил и городищ Киевской губернии. Киев, 1848. С. 94, 114; *Уваров А. С.* Меры и их быт по курганным раскопкам. М., 1872. С. 94.
- ⁷ *Самоковасов Д. Я.* Древние города России. СПб., 1873.
- ⁸ *Самоковасов Д. Я.* Историческое значение городищ // Тр. III АС. Киев, 1878. Т. I; *Она же.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908.
- ⁹ *Антонович В. Б.* О городищах докняжеского и удельно-вечего периода, находящихся в западной части древней Киевской земли // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1889. Кн. 3.
- ¹⁰ *Спицын А. А.* Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. СПб., 1899. Нов. сер. Т. XI, вып. 1/2; *Она же.* Сведения 1873 г. о городищах и курганах // ИАК. СПб., 1903. Вып. 5.
- ¹¹ *Антонович В. Б.* О городищах. . .; *Андряшев А. М.* Очерки истории Вольнской земли до конца XIV ст. Киев, 1887; *Лякоронский В. Г.* Городища, курганы и длинные (змеевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы // Тр. XI АС. М., 1901. Т. I; *Падалка Л. В.* О древних городках, городищах и насыпных валах на территории нынешней Полтавской губернии // Тр. Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1905. Вып. 1.
- ¹² *Городищев В. А.* Майданы // ЗОРСА. СПб., 1906. Т. VIII, вып. 1.
- ¹³ *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига. М., 1871. Т. II: Атлас исторический, географический и археологический; *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии: География начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1885; *Грушевский М.* Історія України—Руси. Львів, 1904. Т. I. 1905. Т. II; *Любавский М.* Историческая география России в связи с колонизацией: Курс лекций. М., 1909; *Середонин С. М.* Историческая география: Лекции. Пг., 1916.
- ¹⁴ *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 1848; *Голубовский П. В.*

- История Северской земли. Киев, 1881; *Он же*. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895; *Багалея Д. И.* История Северской земли до половины XIV ст. Киев, 1882; *Андряшев А. М.* Очерки истории Волынской земли...; *Довнар-Запольский М. В.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до начала XIII ст. Киев, 1891; *Иванов П. А.* Исторические судьбы Волынской земли до конца XIV в. Одесса, 1895; *Ляскоронский В. Г.* История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст. Киев, 1903.
- ¹⁵ *Хвойко В. В.* Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура с доисторических времен. Киев, 1913. См. также: *Хвойко В. В.* Городища Среднего Поднепровья // Тр. XII АС. М., 1905. Т. I.
- ¹⁶ *Стицын А. А.* Археология в темах начальной русской истории // Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922.
- ¹⁷ *Воронин Н. Н.* Развитие славяно-русской археологии в СССР // Славяне. 1948. № 7; *Рыбаков Б. А.* Место славянской археологии в советской исторической науке // СА. 1957. № 4.
- ¹⁸ *Киселев С. В.* Поселение // Тр. секции теории и методологии РАНИОН. М., 1928. Т. 2.
- ¹⁹ *Ляданский А. Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского ун-та. Смоленск, 1926. Т. IV, вып. 3; *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и восточной Белоруссии. М., 1980. С. 8, 9.
- ²⁰ *Ариховский А. В.* Социологическое значение эволюции земледельческих орудий // Тр. социологической секции РАНИОН. М., 1927. Т. 1.
- ²¹ *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. М.; Л., 1961. № 104.
- ²² *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое // МИА. М.; Л., 1958. № 74.
- ²³ *Воронин Н. И.* Древнее Гродно // МИА. М.; Л., 1954. № 41.
- ²⁴ *Монгайт А. Л.* Старая Рязань // МИА. М., 1955. № 49.
- ²⁵ *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев, 1950.
- ²⁶ *Пастернак Я.* Старый Галич. Львів, 1944.
- ²⁷ *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958; Т. I.; 1961. Т. 2.
- ²⁸ *Довженко В. И.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр. // Археологія. Київ, 1950. Т. III; *Он же*. Розкопки древнього Вишгорода // АП. Київ, 1952. Т. III.
- ²⁹ *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // МИА. М.; Л., 1949. № 11.
- ³⁰ *Равдоникас В. И.* Старая Ладога // СА. М.; Л., 1949. Т. XI. Ч. I; 1950. Т. XII. Ч. II.
- ³¹ *Тараканова С. А.* О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИИМК. М., 1950. Вып. XXXV; *Она же*. Псковское городище // КСИИМК. М., 1956. Вып. 62.
- ³² *Тарасенко В. Р.* Древний Минск // Материалы по археологии БССР. Минск, 1957. Т. 1.
- ³³ *Воронин Н. Н.* Оборонительные сооружения Владимира XII в. // МИА. М.; Л., 1949. № 11; *Он же*. Раскопки в Ярославле // Там же.
- ³⁴ Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. I // МИА. М., 1956. № 55; Т. II // МИА. М., 1959. № 65.
- ³⁵ *Рыбаков Б. А.* Вщиж — удельный город XII в. // КСИИМК. М., 1951. Вып. XXXVIII; *Он же*. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур: Древняя Русь. М., 1953.
- ³⁶ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города // Уч. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 99.
- ³⁷ *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. // СА. М.; Л., 1940. Т. VI.
- ³⁸ *Рыбаков Б. А.* Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. // Уч. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 93, кн. I.
- ³⁹ *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948.
- ⁴⁰ *Колчан Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период) // МИА. М., 1953. № 32.
- ⁴¹ *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. // МИА. М.; Л., 1956. № 52.
- ⁴² *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956.
- ⁴³ История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. I; 1951. Т. II.
- ⁴⁴ Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. // Тр. ГИМ. М., 1956. Вып. 32.
- ⁴⁵ История культуры Древней Руси. Т. I. Вклейка между с. 30 и 31.
- ⁴⁶ *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // Ист. зап. М., 1952. Т. 40. С. 214—259.
- ⁴⁷ Археологічні пам'ятки Української РСР (короткий список). Київ, 1966.
- ⁴⁸ *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии: Памятники железного века и эпохи феодализма. Минск, 1971. Вып. 2.
- ⁴⁹ *Ерофеева Е. Н.* Археологические памятники Ивановской обл.: Материалы к археологической карте. Ярославль, 1965.
- ⁵⁰ *Розенфельдт Р. Л., Юшко А. А.* Список археологических памятников Московской обл. М., 1973.

- ⁵¹ Шмидт Е. А. Археологические памятники Смоленской обл. (с древнейших времен до VIII в. н. э.) Смоленск, 1976.
- ⁵² Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской обл. Л., 1977.
- ⁵³ Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья // САИ. М., 1961. Вып. Е1-57.
- ⁵⁴ Древности железного века в междуречье Десны и Днепра // САИ. М., 1962. Вып. Д1-12.
- ⁵⁵ Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // МИА. М.; Л., 1960. № 76.
- ⁵⁶ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. // МИА. М., 1962. № 94.
- ⁵⁷ Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Помонья. Л., 1962.
- ⁵⁸ Никольская Т. Н. Культура племен бассейна верхней Оки // МИА. М., 1959. № 72.
- ⁵⁹ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961.
- ⁶⁰ Алексеев Л. В. Полоцкая земля: Очерки истории северной Белоруссии в IX—XIII вв. М., 1966.
- ⁶¹ Рыбаков Б. А. Владимировы крепости на Стугне // КСИА. М., 1965. Вып. 100; *Он же*. «Застава богатырская» на Стугне // Города феодальной России. М., 1966.
- ⁶² Довженко В. И. Древнерусские городища на среднем Днепре // СА. 1967. № 4; *Он же*. Сторожевые города на юге Киевской Руси // Славяне и Русь. М., 1968.
- ⁶³ Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества. .; *Он же*. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. // МИА. М.; Л., 1961. № 105; *Он же*. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. // МИА. Л., 1967. № 140.
- ⁶⁴ Довженко В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньоруське місто Воїнь. Київ, 1966.
- ⁶⁵ Мезенцева Г. Г. Древньоруське місто Родень. Київ, 1968.
- ⁶⁶ Зверуго Я. Г. Древний Волковыск (X—XIV вв.). Минск, 1975.
- ⁶⁷ Штыхов Г. В. Древний Полоцк (IX—XII вв.). Минск, 1976.
- ⁶⁸ Загорюльский Э. М. Древний Минск. Минск, 1963.
- ⁶⁹ Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978.
- ⁷⁰ Голубева Л. А. Вещь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973.
- ⁷¹ Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974.
- ⁷² Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. Минск, 1978.
- ⁷³ Рыбаков Б. А. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей // КСИА. М., 1964. Вып. 99.
- ⁷⁴ Алексеев Л. В. Периферийные центры домонгольской Смоленщины // СА. 1979. № 4; *Он же*. Смоленская земля. . . С. 155—186.
- ⁷⁵ Никольская Т. Н. Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. М., 1981. С. 72—96, 120—173.
- ⁷⁶ Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1976; *Он же*. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв. Киев, 1980; Новое в археологии Киева. Киев, 1981.
- ⁷⁷ Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. III // МИА. М., 1963. № 117; Т. IV // МИА. М., 1963. № 123; Археологическое изучение Новгорода. М., 1978; Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981; Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
- ⁷⁸ Археология Рязанской земли. М., 1974.
- ⁷⁹ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.) // МИА. М., 1960. № 92. С. 123, 124.
- ⁸⁰ Раппопорт П. А. О типологии древнерусских поселений // КСИА. М., 1967. Вып. 110.
- ⁸¹ Довженко В. И. Про типи городищ Київської Русі // Археологія. Київ, 1975. Т. XXVI; Кучера М. П. Про один конструктивний тип давньоруських укріплень в Середньому Подніпров'ї // Археологія. Київ, 1969. Т. XXII.
- ⁸² Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель. . . С. 187—191.
- ⁸³ Довженко В. И. Про типи городищ Київської Русі.
- ⁸⁴ Седов В. В. Городища Смоленской земли // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 143—149.
- ⁸⁵ Водарский Я. Е. Города и городское население России в XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII в.: Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 98—113.
- ⁸⁶ Карлов В. В. К вопросу о понятии раннефеодального города. . . С. 68—72.
- ⁸⁷ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 95.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же. С. 433.
- ⁹⁰ Карлов В. В. К вопросу о понятии раннефеодального города. . . С. 73.
- ⁹¹ Паицго В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. М., 1966.
- ⁹² Там же. С. 98.
- ⁹³ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II.
- ⁹⁴ ПСРЛ. Л., 1926—1928. Т. I.

- ⁹⁵ НПЛ. М.; Л., 1950.
- ⁹⁶ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX; 1885. Т. X.
- ⁹⁷ *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 208—215.
- ⁹⁸ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 32—43.
- ⁹⁹ НПЛ. С. 475—477.
- ¹⁰⁰ *Тихомиров М. Н.* «Список...» С. 214—259.
- ¹⁰¹ Там же. С. 221.
- ¹⁰² *Рыбаков Б. А.* Древние русы // СА. М., 1953. Т. XVII.
- ¹⁰³ *Насонов А. Н.* Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. IX. С. 355, 356.
- ¹⁰⁴ *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV—начала XVI в. М., 1974. См. также: Очерки русской культуры XII—XV вв. М., 1970. Ч. II. С. 202—205.
- ¹⁰⁵ *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии... С. 14.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 14, 15.
- ¹⁰⁷ *Наумов Е. П.* К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники, 1973 г. М., 1974. С. 150—163.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 341—380; *Подосинов А. В.* О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних» // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 40—48.
- ¹¹⁰ *Поппе А. В.* Деякі питання заселення польско-руського рубежа в ранньому середньовіччі // Український історичний журнал. 1960. № 6.
- ¹¹¹ *Кучкин В. А.* Комментарий № 6 // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 359.
- ¹¹² Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 140—146.
- ¹¹³ Историографию изучения смоленских епископских грамот см.: *Алексеев Л. В.* Смоленская земля... С. 20—25.
- ¹¹⁴ Там же. С. 24—25.
- ¹¹⁵ Там же. С. 25.
- ¹¹⁶ *Седов В. В.* Городища Смоленской земли.
- ¹¹⁷ *Алексеев Л. В.* Периферийные центры...
¹¹⁸ Древнерусские княжеские уставы... С. 143, примеч. п.
- ¹¹⁹ *Алексеев Л. В.* Периферийные центры...; *Он же.* Смоленская земля... С. 158.
- ¹²⁰ Древнерусские княжеские уставы... С. 146.
- ¹²¹ Там же. С. 141, 146.
- ¹²² *Седов В. В.* Смоленская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.
- ¹²³ *Алексеев Л. В.* Периферийные центры...
¹²⁴ *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии древнерусского города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978.

Глава вторая

ГОРОДА И УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ РУСИ В X—XIII вв.

Пока проблема древнерусских городов решалась прежде всего по данным письменных источников, вопрос об их отличительных признаках имел скорее теоретическое, чем практическое значение. Тем более что из века в век число городов (по сведениям летописей и других документов) росло, наглядно демонстрируя успехи процесса феодализации и градообразования на Руси: в IX—X вв. — 25 городов; в XI в. — 64; в XII в. — 135; в XIII в. (до 1237 г.) — 47. И если некоторые из них в своем развитии еще не достигли городского уровня, это не слишком нарушило сложившуюся картину. Конечно, цифра 300 городов (по 20—25 в среднем на одно княжество) может показаться несколько преувеличенной для Древнерусского государства середины XIII в. Однако, учитывая интенсивное развитие самостоятельных русских княжеств во второй половине XII—начале XIII в., она не вызывала принципиальных сомнений.

Положение изменилось в связи с накоплением и постепенным вводом в научный оборот огромного археологического материала. Оказалось, что трем-четырем сотням летописных городов противостоит около тысячи «безымянных» укрепленных поселений. Соотношение тех и других по разным регионам колеблется от 1 : 3 до 1 : 7. Исследователи столкнулись с необходимостью систематизировать и обоснованно интерпретировать многие десятки памятников. В историографическом разделе отмечены определенные достижения на этом пути. Но выработать единую шкалу археологических критериев социального облика поселений до сих пор не удалось. В письменных источниках нет развернутой характеристики древнерусских городов. А специфика «мертвых» археологических источников затрудняет их однозначное толкование. Поэтому остается дискуссионным вопрос: каковы социально-экономические особенности городов и как они отражаются в материалах раскопок?

Совершенно очевидно, что все 1395 учтенных в работе укрепленных поселений X—XIII вв. не были и не могли быть городами. Следует, хотя бы предварительно, ограничить круг возможных памятников городского типа. Иначе возникает опасность в массе второстепенных и случайных признаков потерять характерные особенности, свойственные именно городам. Предстоит сопоставить летописные поселения с прочими, чтобы подтвердить сходство или определить различия между ними. Помогает решить эту задачу диаграмма соотношения размеров укрепленных площадей тех и других (рис. 1).

Размеры территории поселения, защищенной оборонительными сооружениями, в известной мере указывают на численность его населения. Даже без специальных исследований правомерно утверждать, что

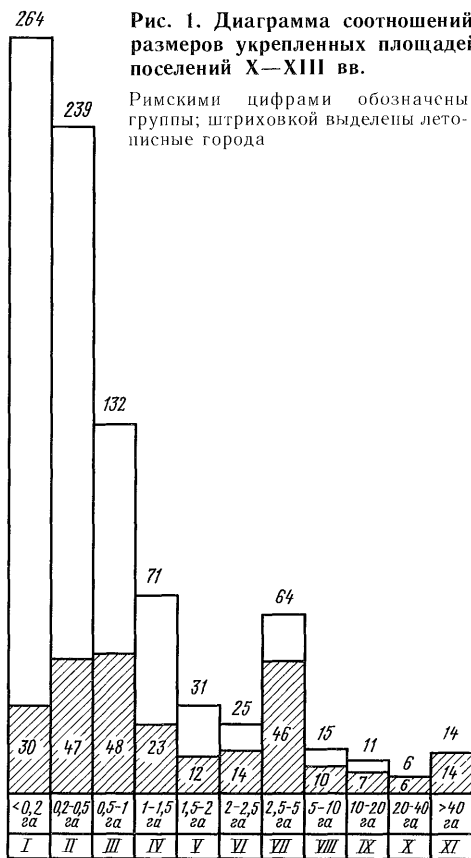
по количеству жителей города в массе превосходили поселения других типов. Следовательно, систематизируя укрепленные пункты Руси по данному признаку, можно объединить их в какие-то предварительные группы, пригодные для дальнейшего изучения.

Выше отмечено, что из 1395 укрепленных поселений Руси X—XIII вв. 862 тщательно обследованы археологами. Именно данные об этих памятниках внесены в диаграмму. Они распределены по 11 группам: в группу I включены поселения с укрепленной площадью до 0,2 га; II — от 0,2 до 0,5 га; III — от 0,5 до 1 га; IV — от 1 до 1,5 га; V — от 1,5 до 2 га; VI — от 2 до 2,5 га; VII — от 2,5 до 5 га; VIII — от 5 до 10 га; IX — от 10 до 20 га; X — от 20 до 40 га; XI — свыше 40 га. Минимальным пределом избрана площадь от 0,2 га (2000 кв. м). Существовали поселения и значительно меньше. Но 2000 кв. м — площадь крупной городской боярской усадьбы, известной по раскопкам в Новгороде. Естественно, населенный пункт размером в боярский двор городом в социологическом значении этого слова быть не мог. Укрепленная площадь свыше 40 га зафиксирована только у столиц земель-княжений, что предопределило наибольший показатель шкалы. Единицей измерения служит одно поселение.

На диаграмме штриховкой выделено 257 летописных памятников. Хорошо видны две группы, образующие самые многочисленны скопления поселений. Памятников с укрепленной площадью от 0,2 до 1 га насчитывается вместе 95, а площадью от 2,5 до 5 га — 46. Минимум поселений (12) приходится на группу памятников площадью от 1,5 до 2 га. Четко прослеживается своеобразный разрыв между крупными (укрепленная площадь свыше 2 га) и мелкими (укрепленная площадь менее 1 га) поселениями. Поскольку вправо от намечившегося рубежа находятся Киев, Новгород, Чернигов и другие столицы княжеств, а также центры уделов типа Новгорода-Северского, Перемышля, Звенигорода-Галицкого, Витебска, Минска, Турова, Пинска, Пскова, Пронска и многих других, нельзя не предположить, что в большинстве своем перед нами города. Влево картина меняется. В группе памятников с наименьшей укрепленной площадью оказались Лодейницы, Каспля, Витрин, Жижец — центры неко-

Рис. 1. Диаграмма соотношений размеров укрепленных площадей поселений X—XIII вв.

Римскими цифрами обозначены группы; штриховкой выделены летописные города

торых смоленских волостей Устава 1136 г. Рядом с ними — Морева, Молвотицы, Стерж — центры новгородских волостей. Сюда же попали Селук, Кличен и Горошон — укрепленные городки одноименных волостей XIV в.; Воищина и Спашь — феодальные усадьбы-замки, небольшие укрепления Воыни (Рай, Ветлы, Стожек), известные по сведениям XIV в. Словом, на одном полюсе концентрируются поселения городского типа, на другом — укрепленные административно-хозяйственные центры погостов, мелких волостей, феодальных вотчин. Именование многих из них городами в письменных источниках отражает, надо полагать, многозначность этого термина в древнерусском языке.

Наблюдения над особенностями группировки летописных городов получают подтверждение при обращении к верхней части диаграммы. Укрепленные поселения, неизвестные из летописей и документов, распределяются в порядке увеличения их площади так: 234—182—84—48—18—11—18—5—4. Памятников с территорией свыше 20 га, защищенной оборонительными сооружениями, здесь нет. В целом диаграмма в верхней части повторяет нижнюю половину. Относительно плавное уменьшение числа поселений по мере возрастания их площади прерывается в группе памятников с укрепленной территорией от 2,5 до 5 га. Вновь прослеживается рубеж, отделяющий друг от друга, по-видимому, социально различные категории поселений.

Сравнивая обе половины диаграммы, нельзя не заметить, что в группах VI—XI (наибольшая укрепленная площадь) преобладают летописные города (соответственно: 14—11; 46—18; 10—5; 7—4; 6; 14), а в первых пяти группах, наоборот, — «безымянные» поселения (234—30; 182—47; 84—48; 48—23; 19—12). Закономерность очень четкая: чем меньше укрепленная площадь поселения, тем реже вероятность встретить его имя в письменных источниках. Исходя из этого, поселения городского типа в первую очередь следует искать в группах памятников, где господствуют летописные города. С другой стороны, больше половины (493) учтенных в диаграмме поселений имело укрепленную площадь менее 0,5 га. Последнее обстоятельство делает маловероятным их городской характер.

Однако предварительные выводы, основанные только на сравнении укрепленных территорий поселений, могут оказаться случайными, не отражающими исторической реальности. Проверить возникшие сомнения позволяет летопись. В 1158 г. Святослав Ольгович жаловался, что получил «Чернигов с 7-ю город пустых: Моровиеск, Любеск, Оргощь, Всеволожь, а в нех седять псареве же и половци»¹. Речь идет о собственно черниговской территории, Черниговской волости в узком смысле. Ее границы определены А. Н. Насоновым и А. К. Зайцевым². Здесь зафиксировано больше 25 укрепленных поселений XII в. Но городами Святослав Ольгович считает только семь, а поименно называет четыре. Из них Любеч, Оргощь и Моровиеск, расположенные на правом берегу Десны, хорошо известны археологам. Укрепленная площадь этих городов превышала 2,5 га (группа VII). Всеволожь находился уже в Задесенье (совр. село Сиволожь). К сожалению, памятник полностью разрушен, и данных о его размерах нет. Но есть все основания полагать, что Всеволожь был относительно крупным центром, так как в 1147 г. во время осады «ина в нем бяста два города»³. Тогда же из Задесенья бежали в поле жители Уненежа,

Белой Вежи, Бохмача и «инии гради мнози»⁴. Глебль осаду Мстиславичей выдержал. Из сравнения летописных известий 1147 и 1158 гг. видим, что городов — укрепленных пунктов в Черниговской волости было много, но городов, представлявших интерес для князя, считавшихся его «властью», — только семь, причем наиболее крупных. В их число, вероятно, входил и Глебль, укрепленная площадь которого также была больше 2,5 га.

Другой эпизод связан с трагическими событиями времени нашествия на Русь Батыя. Рассказывая о разорении Суздальской земли, летописец говорит, что в ней осталось мало весей и сел, где бы не воевали враги, которые «взяша городов 14 опрочь свобод и погостов»⁵. Из этих городов в Лаврентьевской летописи перечислено восемь: Москва, Суздаль, Владимир, Ростов, Ярославль, Городец, Галич-Мерский, Переяславль⁶. Академический список по новгородскому источнику добавляет к ним еще четыре: Юрьев, Дмитров, Волок и Тверь⁷. Таким образом, из 14 городов поименовано 12. В поздних Устюжских летописях находим также Кострому и Кашин⁸. Однако во Владимирском княжестве во второй половине XII—XIII в. существовало более 100 укрепленных поселений и среди них Боголюбый, Княтин, Углеце Поле, Городище на Сарре, Унжа, Нерехоть, Соль Великая, Нижний Новгород, Дубна, Шоша, Микулин, Зубцев, Кидекша, Мстиславль, Устюг, известные летописям и другим письменным источникам. Большинство из них расположено в местах, где огнем и мечом прошли войска Батыя. Но в перечень 14 городов они не попали. Следовательно, эти и другие укрепленные поселения считались погостами и слободами, а городами — только 14 упомянутых выше. Все они входят в число крупнейших центров Суздальской земли, укрепленная площадь которых превышала 2,5 га.

Рассмотренные сюжеты еще раз демонстрируют, что словом «город» в широком смысле именовался любой укрепленный пункт и даже его жители. Вместе с тем существовало и более узкое понятие города — жизненно важного центра в территориально-административной системе земель-княжений. Гибель или запустение таких городов свидетельствовали о тяжелом разорении всего княжества. Именно эти центры выявила диаграмма. Они сосредоточены в ее правой части.

Обращает на себя внимание и крайняя правая часть диаграммы. Количество памятников с укрепленной площадью более 5 га падает с 64 до 15 (5—10 га), затем до 11 (10—20 га) и шести (20—40 га). Лишь последняя группа крупнейших поселений (укрепленная площадь свыше 40 га) численно вновь возрастает. Таким образом, между массой предполагаемых поселений городского типа и столицами земель-княжений (группа XI) наблюдается грань. Старшие города (Киев, Чернигов, Переяславль, Новгород, Галич и др.) размерами значительно превосходили остальные укрепленные поселения. В итоге предпринятых наблюдений удается отметить группу поселений (укрепленная площадь от 2,5^{*1} до 40 га), в числе которых (96), по всей вероятности, находились малые города. Во всяком

*1 Как стало ясным из сохранившихся записей, А. В. Куза намеревался изменить в классификации минимальные размеры этой группы городищ до 2 га, но это осталось неосуществленным. Мы оставляем прежнюю градацию, так как произвести все пересчеты в соответствии с намерением автора не представляется возможным (*Ред.*).

случае эта группа по размерам укрепленной площади занимает достаточно обособленное положение. Летописных городов в ней насчитывается 69 (72 %). С целью избежать ошибки при дальнейшем анализе материала и для сравнения к исследованию привлекаются также поселения с укрепленной площадью от 0,5 до 2,5 га (259). Письменным источникам из них известны 94 (36,5 %).

Теперь предстоит по археологическим данным выявить черты сходства и различия этих памятников, возможно, отражающие их социально-экономический ранг. Однако решить эту задачу без уточнения хронологии исследуемых поселений нельзя. Необходимо восстановить динамику их развития. Иначе разновременные памятники, смешавшись, запутают общую историческую картину.

Датируя конкретные укрепленные поселения по результатам археологических обследований, приходится учитывать вероятность ошибки из-за фрагментарности исходных данных.

Возникает также препятствие со строгим распределением хронологической информации по шкале веков. Дело в том, что массовый археологический материал, по характерным особенностям которого и датируется большинство поселений, не укладывается прямо в повековую шкалу. Поэтому в ряде случаев нельзя установить время возникновения поселения с точностью до четверти века. Например, плохо разделяются материалы конца X и начала XI в., последней четверти XI и первой трети XII в., второй половины XII и начала XIII в. Приходится использовать иное хронологическое членение. Основанием для него служат современные возможности датировать определенные категории археологических находок.

При ограниченных масштабах раскопок без применения специальных методов датировки (дендрохронологический, радиоуглеродный), лишь по стратиграфии, формам и соотношению лепной и гончарной посуды, а также сопутствующему инвентарю (определенные типы стеклянных и каменных бус, замков и ключей к ним, топоров, наконечников копий и стрел, фибул и т. п.) в принципе на поселениях достаточно надежно фиксируются слои конца IX—начала XI в. Горизонт середины XII в. обозначен массовым появлением стеклянных браслетов, некоторых типов бытового инвентаря, исчезновением ножей, изготовленных в технике сварочного пакета, и т. д. Словом, выявить поселения, возникшие в X—начале XI в. или середине XII—XIII в., археология позволяет вполне определенно.

Сложнее обстоит вопрос с памятниками последних двух третей XI—начала XII в. Здесь индикатором скорее служит отсутствие перечисленных выше категорий находок. Отделив поселения двух хорошо датированных периодов, оставшиеся с вероятной интересующей нас датой мы включаем в третий.

Таким образом, в археологической практике и сейчас древнерусские поселения по времени их возникновения подразделяются на три хронологических периода: 1) X—начало XI в.; 2) XI—первая половина XII в.; 3) середина XII—середина XIII в. Эта хронологическая шкала вполне удовлетворяет задачам изучения и количественной, и качественной сторон развития поселений. Она хорошо согласуется с общепризнанной периодизацией истории феодальной Руси.

Памятники первого периода целиком относятся к раннему феодализму. Поселения второго периода приходятся на конец этого этапа и переходный этап к развитому феодализму, т. е. несут в себе информацию о времени, когда количественные изменения переходят в качественные. Памятники третьего хронологического периода принадлежат началу развитого феодализма. Эти три периода стали основными рубриками хронологической шкалы, использованной в данной работе.

Первоначально целесообразно сосредоточить внимание на укрепленных поселениях третьего периода (середина XII—середина XIII в.), характеризующегося ярким расцветом русской культуры и бурным ростом городских центров⁹. Многие явления в экономической и социальной сферах жизни общества, свойственные феодальному строю, обозначились тогда рельефно и четко. Поэтому в археологических материалах эта эпоха оставила наиболее зримый отпечаток. Следовательно, возможности обнаружить конкретные археологические признаки городского облика памятника именно у поселений XII—XIII вв. особенно перспективны.

Хорошо датированных поселений указанного времени с укрепленной площадью свыше 2,5 га насчитывается 87, а вместе со столичными центрами — 101. Из них в X—начале XI в. были основаны или уже существовали 32 населенных пункта, в XI—первой трети XII в. к ним прибавилось 40 новых памятников, а в середине XII—середине XIII в. — еще 29. Поселений с укрепленной площадью от 0,5 до 2,5 га к середине XIII в. зафиксировано 237. В первый хронологический период жизнь началась только на 16 из них, во второй возникло еще 88 поселений, а в третий — 133. Всего же с учетом самых мелких укрепленных пунктов в середине XII—середине XIII в. существовало 758 поселений из рассмотренных 862^{*2}. Таким образом, крупные укрепленные центры составляют лишь 13,3 % общего количества памятников этого типа. Представляется существенным, что большинство (71 %) значительных укрепленных центров Руси возникло уже в X—начале XII в. Этот факт косвенно свидетельствует об их устойчивом, вероятно городском, характере.

Конечно, произведенные подсчеты не абсолютны. Основой для них послужило только 62 % известных автору древнерусских укрепленных поселений. Но общую динамику изменения численности укрепленных населенных пунктов Руси они отражают верно.

Процесс феодализации Руси, постепенно изживавший и видоизменявший старые, родо-племенные, порядки, порождал на местах сложное переплетение общественных отношений и пеструю мозаику социально неоднородных поселений, переходивших в своем развитии из одной категории в другую¹⁰. Поэтому лишь детальный анализ археологических данных из раскопок различных памятников с последующим сравнением полученных результатов может выявить объективные критерии-признаки, характерные для поселений городского типа. Необходима своеобразная шкала признаков. Однако при ее разработке возникают некоторые трудности. Вопрос заключается в принципах отбора исторически значимых, существенных признаков из массы общих, случайных и второстепен-

*2 Карта в архиве А. В. Кузы не сохранилась. См. сходную карту в кн.: Древняя Русь: Город, замок, село. Сер. Археология СССР. М., 1985. С. 119. Табл. 19 (Ред.).

ных материалов. Установить, какие из археологических характеристик определяют социальный облик изучаемого поселения, позволяют исследования Киева, Чернигова, Переяславля, Галича, Смоленска, Полоцка, Новгорода, Суздаля, Рязани и других стольных городов русских княжеств XII—XIII вв. Письменные источники рисуют многогранный социально-экономический облик этих крупнейших центров Руси. Им присущи многие атрибуты городского строя, включая вечевые собрания и некоторые другие свидетельства корпоративной организации горожан. Археологическое изучение большинства столиц древнерусских земель-княжений ведется систематически и давно. Хотя вскрытые раскопками площади колеблются от почти 2 га в Киеве и Новгороде до полутора — нескольких тысяч кв. м в других городах, все они входят в число археологически наиболее исследованных памятников. Благодаря этому имеются хорошие возможности анализировать данные раскопок сквозь призму сведений письменных источников.

Перечисленные центры были обнесены к XIII в. мощными и сложными системами укреплений. Они прикрывали детинец и один или несколько околных городов. Причем везде защищенная площадь превышала 40 га ¹¹. Каждый из указанных городов одновременно был и княжеской резиденцией. Территория княжеских дворов частично изучена в Киеве, Чернигове, Галиче, Владимире на Клязьме и Рязани. В процессе раскопок почти повсеместно обнаружены дворы феодалов (площадь около 1000—2000 кв. м). В Новгороде, Киеве, Рязани, Смоленске зафиксированы и дворы непривилегированных горожан (площадь до 600 кв. м).

Существенно, что границы дворовых участков, хорошо прослеживаемые по остаткам заборов и частоколов, на протяжении длительного времени почти не менялись. Устойчивость внутригородских земельных владений, отмеченная археологией, свидетельствует об их частнособственническом характере. Из письменных источников известно, что в древнерусских городах дворы покупались, продавались, передавались в дар или по наследству. Этот факт не просто примечателен, а чрезвычайно важен для понимания особенностей городского устройства Руси. Владея на правах собственности отдельными участками городской территории, дворохозяева вместе оказывались ее коллективными собственниками. Каждый в отдельности и все вместе они выступали по отношению к внешнему миру, в том числе и к княжеской власти, как городские землевладельцы или корпорация землевладельцев.

В указанных городах в это время было от двух (Суздаль)-трех (Рязань) до нескольких десятков (Киев, Смоленск, Новгород) каменных церквей. Большинство из них открыто археологами. Раскопками обнаружены разнообразные производственные комплексы: по обработке черного металла, ювелирные, стеколделательные, кожевенные, сапожные, резчиков по камню, столярные, бондарные, косторезные, гончарные и пр. Характерно, что везде ремесленная деятельность представлена не одним-двумя направлениями, а множеством часто узкоспециализированных профессий. В XII—XIII вв. в этих городах насчитывалось более 100 ремесленных специальностей. Правда, подсчеты производились в основном по видам и характерным особенностям готовой продукции. Самых мастерских найдено значительно меньше.

Относительно редки в столичных городах находки сельскохозяйственных орудий, особенно пахотных. Чаще всего встречаются косы, что свидетельствует о развитии городского скотоводства. Орудия промыслов, в первую очередь рыболовства, входят в число массовых находок.

О торговле и денежном обращении в XII—XIII вв. говорят обнаруженные при раскопках или случайно серебряные денежные слитки (гривны). Широкие международные связи столиц древнерусских княжеств подтверждены находками высокохудожественных импортных изделий из Византии, Западной Европы и стран Востока, высокоортных привозных тканей, поделочной древесины (самшит), предметов из цветного металла (на Руси не было собственных месторождений серебра, меди, свинца и пр.). В византийских амфорах, обломки которых найдены во всех перечисленных городах, привозились вино и растительное масло.

Менее обширны данные о внутренней торговле. Некоторые изделия (предметы из золота и серебра, стеклянные посуда и браслеты, кресты-энколпионы, глиняные писанки и пр.) киевских мастеров широко расходились по Руси и за ее пределами. Особенно показательны повсеместные находки пряслиц из розового овручского шифера.

К числу редких находок, но характерных для всех столичных городов, относятся памятники сфрагистики — вислые свинцовые печати. Правда, большинство печатей из южных центров датируется XI—началом XII в. Однако есть среди них и буллы середины XII—XIII в. с изображением святых на обеих сторонах. Таким образом, документ, снабженный печатью, утверждавшей его официальный характер, был хорошо знаком горожанам Киева, Новгорода, Суздаля, Галича, Полоцка, Рязани. Правом прикладывания печати на Руси пользовались лишь представители высшей светской и духовной власти. Поэтому находки свинцовых булл косвенно указывают на политико-административные функции должностных лиц города (князей, посадников, епископов).

В стольных городах встречены все виды древнерусского вооружения: мечи, сабли, кинжалы, наконечники копий и сулиц, боевые топоры, булавы, кистени и многочисленные наконечники стрел, а также арбалетные болты. Найдены фрагменты кольчуг, пластинчатых и чешуйчатых доспехов. В археологических коллекциях широко представлены предметы снаряжения коня и всадника. Обилие оружия красноречиво подчеркивает военное значение городов. Помимо полностью или частично вскрытых боярских дворов, постоянное присутствие в столицах феодалов отмечено находками отдельных вещей и целых кладов боярско-княжеского парадного убора, драгоценной утвари, дорогого оружия.

Самобытная и яркая городская культура Руси известна прежде всего по материалам из раскопок княжеских столиц. Прекрасные произведения прикладного искусства и художественного ремесла являются ее неотъемлемой составной частью. Особенно наглядным свидетельством высокого уровня развития культуры населения этих городов служат находки предметов с надписями, стилей-писал, книжных накладок и застежек, а также берестяные грамоты и процарапанные на стенах церквей и каменных зданий надписи-граффити.

По данным археологических раскопок и сведениям письменных источников русский город—столица княжества XII—XIII вв. рисуется вполне

отчетливо. Он представлял собой обширное поселение, имевшее минимум две укрепленные части (детинец и окольный город). К валам укреплений примыкали околицы-посады. Город окружали монастыри. Общая площадь таких центров превышала 100 га, хотя плотность застройки в разных частях не была одинаковой. Укрепления охватывали огромную по тем временам территорию (более 40 га), и в минуту опасности за ними могло укрыться все население города и его окрестностей.

Стольные города были одновременно резиденциями князей и епископов. В одних случаях представители высшей светской и духовной власти размещались вместе в детинцах (Чернигов, Переяславль, Владимир на Клязьме). В других (Новгород, Смоленск) в детинцах находились дворы епископов, а князья жили в загородных замках. В Киеве княжеский двор располагался на территории детинца (Город Владимира), а вечевая площадь — у резиденции митрополита, близ Софийского собора (Город Ярослава).

Летописи и археологические материалы свидетельствуют, что в столицах постоянно проживало значительное количество бояр-феодалов. Хорошо известные современникам наследственные боярские дворы — обязательный элемент данных городов. Но дворами владели и рядовые горожане. Правда, их усадьбы по площади в два-три раза уступали боярским. Дворовая застройка, в отличие от городов средневековой Европы, — характерный признак русских городов. Она сочеталась с уличной планировкой. Обычно одна или две основные улицы (Пробойные, Великие), вытянутые вдоль реки, пересекались менее значительными поперечными магистралями.

Подразделение территории столиц на дворы отдельных горожан — примечательный факт. Городской двор оказывается первичной социальной ячейкой всего города. Возможно, удивительно устойчивые территориально дворы являются социальной особенностью поселений городского типа.

Письменные источники не оставляют сомнений в том, что столицы княжеств были одновременно и их военным оплотом. Однако оружием располагали не только бояре и младшие княжеские дружинники, но и многие горожане — купцы и ремесленники.

Экономическая жизнь стольных городов почти не отражена в памятниках письменности. Но материалы археологических раскопок доказывают, что ведущей отраслью городской экономики в XII—XIII вв. было ремесло. Именно в это время часть городских ремесленников переходит от работы на заказ к работе на рынок. Изделия городских мастеров шире проникают в сельскую округу. В крупных городах идет интенсивный процесс дифференциации ремесленного производства, его узкой специализации и стандартизации. Имеются косвенные свидетельства о возникновении института ученичества и зачатках корпоративных организаций ремесленников. В важнейших городских центрах Руси ремесло представлено несколькими десятками профессий. Помимо свободных ремесленников, в городах работают вотчинные мастера. Производственные комплексы неоднократно встречены в боярских усадьбах.

Средоточием экономической и общественной жизни столиц был городской торг. О царившем здесь оживлении, вздорожании цен на хлеб и другие продукты, взрывах классового недовольства, перекидывавшегося

из торговых рядов на жилые кварталы города, сообщают летописи. В XII в. в городах уже сформировался высший слой купечества — гости, занимавшиеся международной торговлей. Они объединились в свои профессиональные организации, получавшие определенные привилегии.

На торговых площадях или в непосредственной близости от них находилась одна или несколько церквей. Дело здесь не только в стремлении церкви держать под контролем самое беспокойное место в городе, но и в ее прерогативе следить за правильностью весов и мер. Соответствующий раздел, включенный в текст Устава Владимира в XII в., передавал в ведение епископов эталоны торговых мер и, следовательно, пошлины с пользующихся этими мерами¹². Торговые мерила, как свидетельствуют документы XIII в., хранились в центральных городских соборах или церквях на торгу, среди которых были патрональные храмы купеческих корпораций. Высокий уровень торговли, ее строгая организация и регламентация — характерная черта большинства средневековых городов.

В жизни стольных городов Руси церковь занимала значительное место. Недаром во второй половине XII—начале XIII в. в большинстве из них строятся все новые и новые храмы, складываются свои архитектурные школы. Церковь укрепляла устои феодального общества, своей проповедью утверждала господство феодалов. Она способствовала распространению письменности, освоению культурных достижений Византии.

К середине XII в. крупнейшие города Руси превратились в очаги грамотности и «книжной премудрости». Здесь составлялись летописные своды и звучали вдохновенные строки великолепных литературных произведений, расцветало творчество зодчих и талантливых художников, создавались шедевры прикладного искусства. В городской культуре прослеживается сочетание «господствующей культуры дворцов и усадеб, возглавляемой в значительной мере церковью, и демократической культуры, наиболее прогрессивное крыло которой представлено городскими посадскими людьми»¹³.

Конечно, перечисленными особенностями характеристика стольных городов Руси не исчерпывается. Однако они подчеркивают социально-экономическую сущность русского города, это центр развитого ремесла и торговли, но одновременно и административно-хозяйственный, и военнополитический центр большой округи-волости, очаг культуры и господствующей идеологии. В отличие от деревни, город — многофункциональное поселение, отвечавшее различным потребностям феодального общества. Его основные функции опосредованно отражены в материалах раскопок. Важнейшие среди них — военная (укрепления, оружие), экономическая (ремесло, торговля), административное управление (государственный аппарат, печати, пломбы), идеологическое господство (церкви, монастыри), культурное влияние (письменность, искусство). С социальной точки зрения русский город был местом концентрации феодальной знати. Его внутреннюю топографию отличает усадебно-дворовая застройка. Именно на эти признаки городов Руси обратил внимание Б. А. Рыбаков, и именно они наиболее явственно проступают в облике ее столиц¹⁴. Сравнивая с ними другие древнерусские укрепленные пункты, представляется возможным и среди последних выделить поселения городского

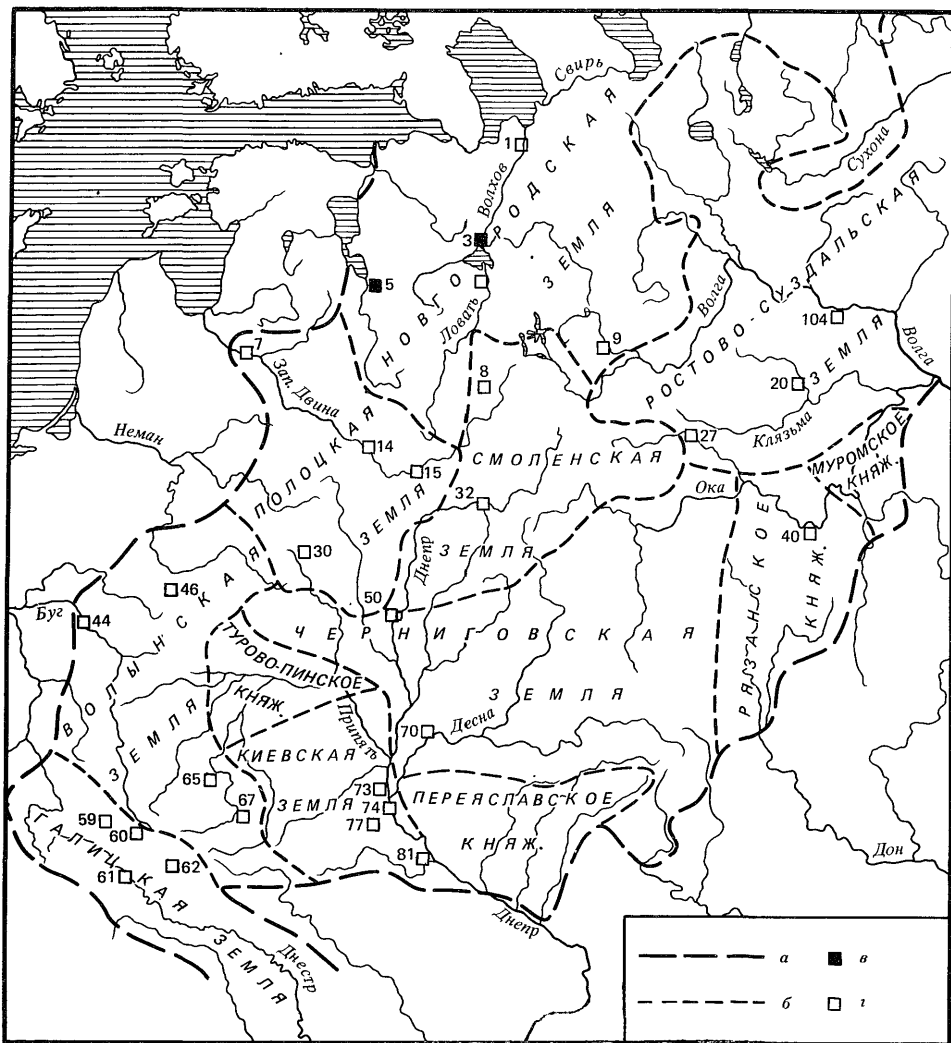

Рис. 2. Археологические признаки городов середины XII—XIII в. Печати

a — границы Древнерусского государства; *б* — границы земель и княжеств; *в* — городища с большим числом находок печатей; *г* — городища с малым числом находок

Список городов, помещенных на рис. 4—11 (в скобках указан номер по «Списку древнерусских укрепленных поселений X—XIII вв.» из кн.: Древняя Русь. Город, замок, село // Сер. Археология СССР. М., 1985. С. 412—416. Табл. 1. С. 30—31, 412—416; см. также вкладку)

1(46) — Ладога; 2(530) — Белоозеро; 3(43) — Новгород; 4(28) — Руса; 5(14) — Псков; 6(6) — Изборск; 7(116) — Кокнесе; 8(55) — Торонец; 9(507) — Торжок; 10(535) — Ярославль; 11(532) — Ростов; 12(544) — Городец; 13(110) — Браслав; 14(98) — Полоцк; 15(87) — Витебск; 16(122) — Вязьма; 17(514) — Дмитров; 18(522) — Переяславль-Залесский; 19(743) — Юрьев-Польский; 20(754) — Суздаль; 21(745) — Семьинское городище; 22(747) — Владимир; 23(749) — Боголюбый; 24(762) — Ярополч-Залесский; 25(545) — Нижний Новгород; 26(736) — Муром; 27(679) — Москва; 28(308) — Городен; 29(282) — Новгородок; 30(217) — Минск; 31(80) — Друцк; 32(147) — Смо-

типа и поселения иных социальных категорий. Для этого необходимо рассмотренные выше «городские» признаки систематизировать по нескольким основным рубрикам и подрубрикам.

I. Экономика: 1) ремесло (производственные комплексы, орудия труда, полуфабрикаты); 2) торговля (привозные вещи, монеты, денежные слитки); 3) сельское хозяйство (орудия обработки почвы, орудия уборки урожая)^{*3}.

II. Административное управление (печати, пломбы) (рис. 2).

III. Военное дело: 1) оружие; 2) доспехи; 3) снаряжение коня и всадника.

IV. Монументальное зодчество: 1) каменные храмы (рис. 3); 2) гражданские каменные здания.

V. Письменность: 1) памятники эпиграфики; 2) орудия письма (рис. 4).

VI. Быт феодалов: 1) предметы боярско-княжеского парадного убора; 2) дорогая утварь.

VII. Топография: 1) укрепления сложного плана; 2) укрепления простого плана; 3) усадебно-дворовая застройка (рис. 5).

Предложенный перечень, конечно, не исчерпывает всех возможностей археологии в интересующем нас аспекте исследований. Но сгруппированные в нем показатели принадлежат к числу наиболее распространенных и легко устанавливаемых. Первые пять рубрик охватывают экономическую, административно-военную и культурно-идеологическую сферы. Шестая помогает зафиксировать наличие или отсутствие имущественной и социальной дифференциации среди жителей изучаемых поселений. Седьмая касается особенностей топографии памятников. Некоторые руб-

окончание подписи к рис. 2

ленск; 33(129) — Дорогобуж; 34(169) — Копыс; 35(238) — Мстиславль; 36(242) — Ростиславль; 37(611) — Серенск; 38(701) — Переяславль-Рязанский; 39(723) — Новый Городок Ольгов; 40(724) — Рязань (Старая); 41(690) — Коломна; 42(713) — Пронск; 43(710) — Ижеславль; 44(816) — Дорогичин; 45(811) — Берестий; 46(303) — Волковьеск; 47(294) — Слоним; 48(329) — Клеческ; 49(334) — Случеск; 50(177) — Рогачев; 51(367) — Вщиж; 52(323) — Пинск; 53(337) — Туров; 54(387) — Трубчевск; 55(414) — Новгород-Северский; 56(376) — городище Слободка; 57(767) — Перемышль; 58(795) — Владимир-Волянский; 59(1202) — Звенигород-Галицкий; 60(1224) — Плеснеск; 61(1209) — Галич; 62(1230) — Теревовль; 63(1236) — Василев-Галицкий; 64(1186) — Ленковецкое городище; 65(894) — Пересопница; 66(890) — Дорогобуж; 67(869) — Изяславль; 68(935) — Овруч; 69(195) — Любеч; 70(453) — Чернигов; 71(1030) — Путивль; 72(470) — Городец-Остерский; 73(200) — Вышегород; 74(201) — Киев; 75(962) — Белгород; 76(1060) — Юрьев; 77(971) — Тумаш; 78(980) — Чучин; 79(993) — Переяславль; 80(983) — Заруб; 81(997) — Канев; 82(999) — Родень; 83(1130) — Воишь; 84(546) — Вологда; 85(1064) — Торческий; 86(941) — Городск; 87(967) — Звенигород-Киевский; 88(456) — Оргоц; 89(372) — Брянск; 90(570) — городище Воротынцисво; 91(620) — городище Спас-Городок; 92(785) — Белз; 93(792) — Червен; 94(775) — Сутеска; 95 — Городец; 96(903) — Давид-Городок; 97(204) — Логойск; 98(113) — Ерсике; 99(681) — Перемышль-Московский; 100(1174) — Коломыя; 101(1193) — Ступница; 102(529) — Устюжина; 103(989) — Лыто; 104(541) — Плес; 105 — церковь Покрова на Нерли; 106(166) — Орша; 107(523) — Кашин

*3 В последующих работах А. В. Куза изменил пункт I, 3 на «добывающие промыслы». В пункте VII из признаков внутренней топографии оставлена только «усадебно-дворовая застройка» (см.: Древняя Русь: Город, замок, село. Сер. Археология СССР. М., 1985. С. 46) (Ред.).

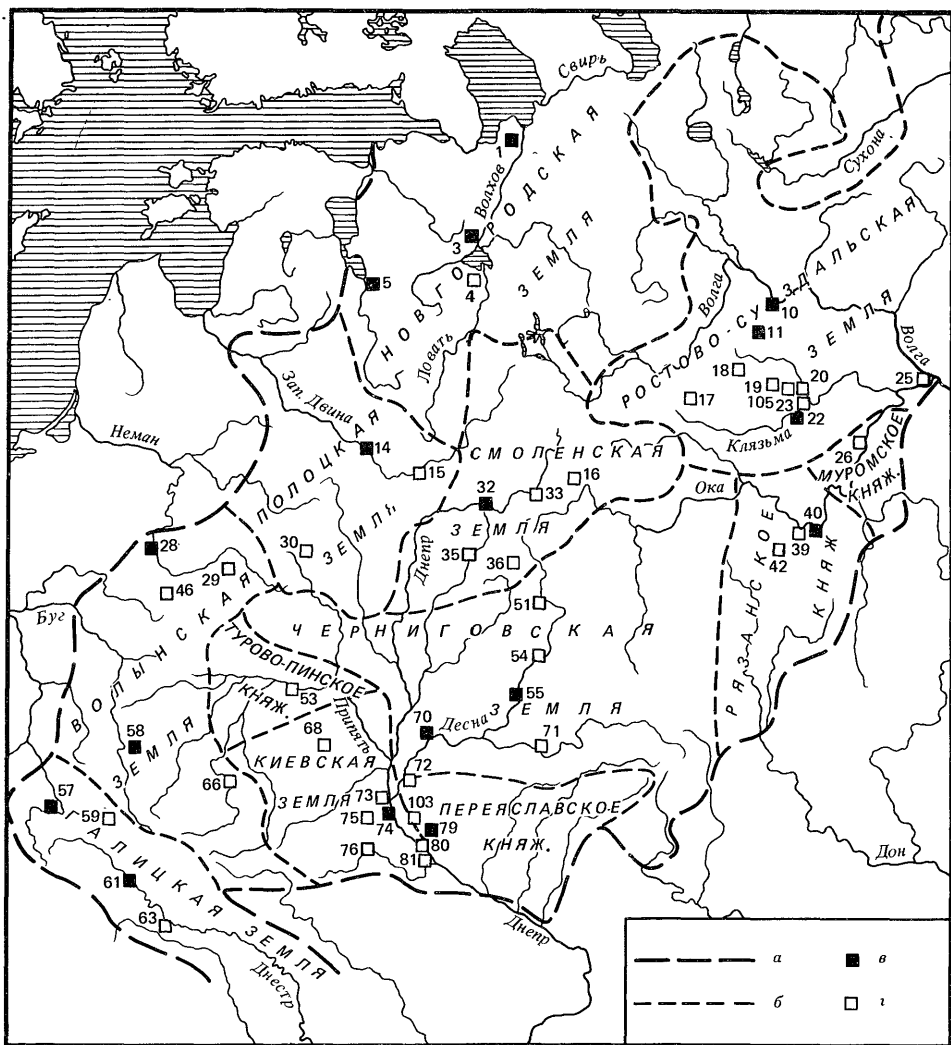

Рис. 3. Археологические признаки городов середины XII—XIII в. Каменные храмы а — границы Древнерусского государства; б — границы земель и княжеств; в — городища с двумя и более храмами; г — городища с одним выявленным храмом
Города см. в списке к рис. 2

рики намеренно сужены, чтобы важные признаки не растворились в массе вторичных. Содержание других определяется возможностями традиционной археологии.

Используя эти рубрики, можно составить корреляционную таблицу для выявления близких по своим характеристикам групп поселений середины XII—середины XIII в. (табл. 1). Однако установить сходство

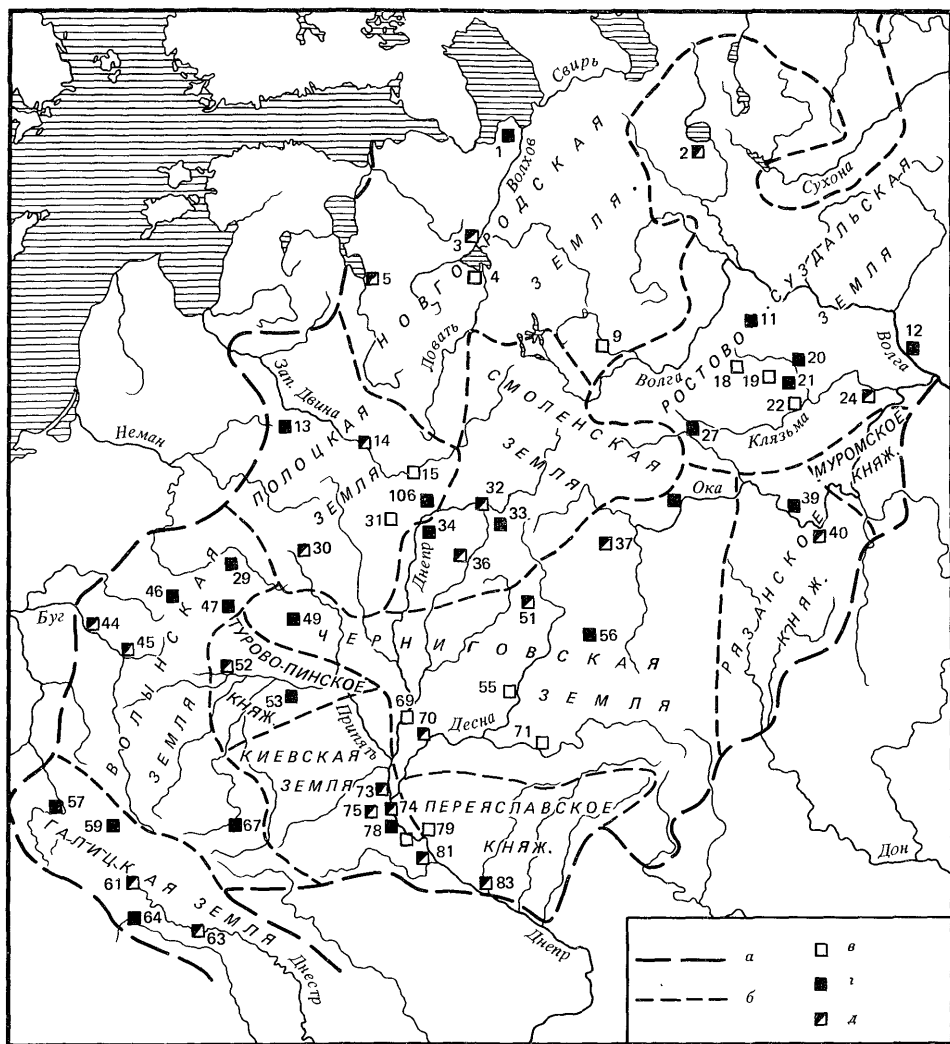

Рис. 4. Археологические признаки городов середины XII—XIII в. Писала и эпиграфические памятники

а — границы Древнерусского государства; б — границы земель и княжеств; в — городища, на которых найдены эпиграфические памятники; г — городища, на которых найдены писала; д — городища, на которых найдены эпиграфические памятники и писала

Города см. в списке к рис. 2

или отличие памятников без хотя бы приблизительных количественных оценок учтенных показателей нельзя. Поэтому для ряда граф корреляционных таблиц предусмотрены дополнительные обозначения: много-мало. Подобная градация условна. Но в каждом конкретном случае разграничение двух понятий проводилось в зависимости от характера материала

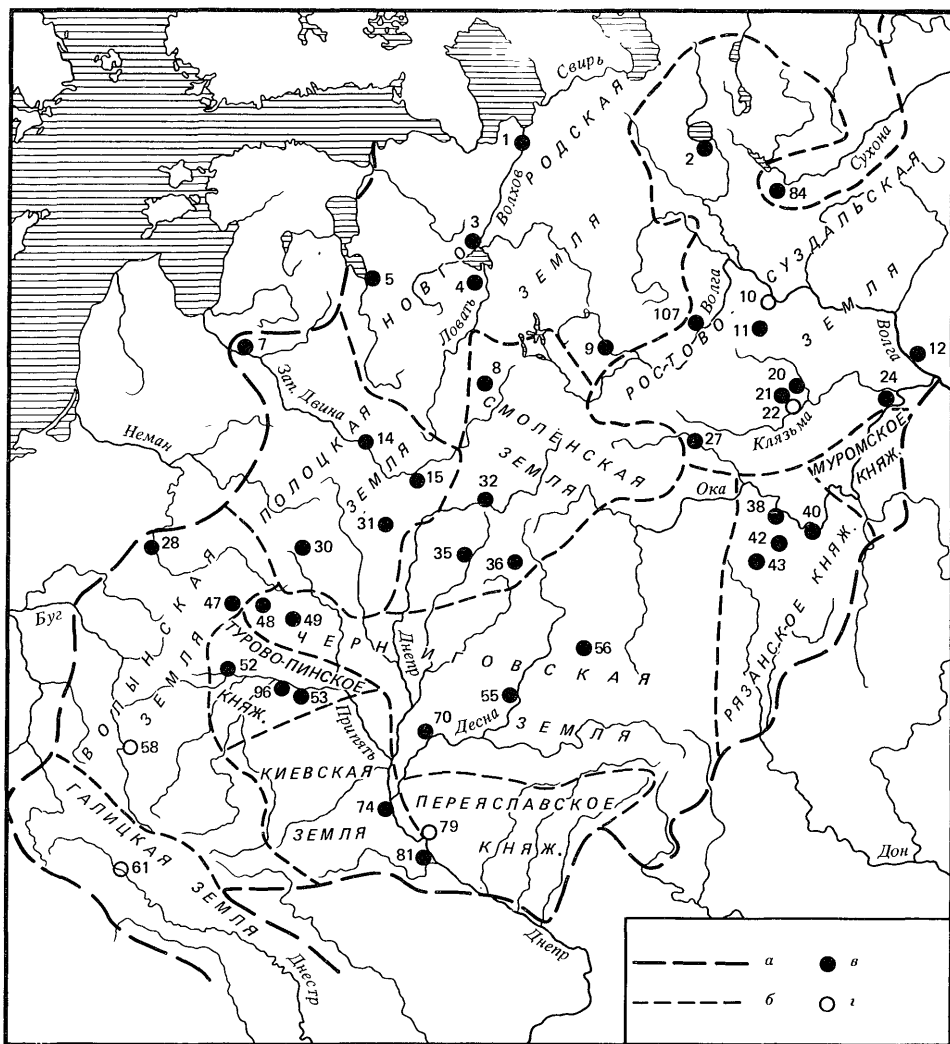

Рис. 5. Археологические признаки городов середины XII—XIII в. Усадебная застройка а — границы Древнерусского государства; б — границы земель и княжеств; в — города с усадебной застройкой, известной по археологическим данным; г — города с усадебной застройкой, известной по письменным источникам
Города см. в списке к рис. 2

и размеров вскрытой площади. В первую очередь речь идет о таких массовых находках, как предметы вооружения и орудия труда. Для каменных построек, свинцовых печатей, эпитафических памятников, орудий письма, типов планировки и случаев усадебно-дворовой застройки указывается число памятников, где они обнаружены.

Реконструкция социального облика поселений предъявляет повышен-

Таблица 1

Сводная археологическая характеристика укрепленных поселений середины XII—XIII в.

Размеры укрепленной площади (га)	Количество памятников	Археологическая характеристика *																	
		I			II			III			IV		V		VI		VII		
		1	2	3	1	2	3	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	3	
Более 2,5	56	×	×	/	15	×	×	×	22	4	23	16	×	×	41	11	28		
0,5—2,5	79	×	/	/	3	×	/	×	5	—	4	5	/	/	6	73	5		

* × — много; / — мало.

ные требования к качественному состоянию источника. Поэтому к анализу привлечены материалы памятников, изученных стационарными раскопками. Из подсчетов исключено 14 крупнейших центров Руси: Киев, Белгород, Переяславль, Чернигов, Галич, Владимир-Волынский, Полоцк, Смоленск, Новгород, Ростов, Суздаль, Владимир, Муром, Рязань.

Как показывает табл. 1, для поселений с укрепленной площадью свыше 2,5 га характерен весь набор «городских» показателей. Важно, что развитие ремесленного производства зафиксировано здесь не только значительным количеством находок, но и их разнообразием. Типично сочетание нескольких видов ремесел: железоделательного, кузнечного, медно-литейного и ювелирного, косторезного, гончарного, кожевенно-сапожного, стеклоделательного и пр. Сельскохозяйственная деятельность, наоборот, представлена в первую очередь орудиями уборки урожая и его переработки: косы, серпы, жернова. Почвообрабатывающие орудия встречаются редко. Об интенсивности торговли говорят многочисленные находки привозных вещей, денежных слитков, гирь и деталей весов.

Таким образом, с экономической точки зрения данные памятники выделяются многообразием направлений и внутренней специализации ремесла, обширными международными и внутренними торговыми связями, подсобным характером сельскохозяйственного производства.

Существенно, что именно на этих поселениях (15 пунктов) найдено много древнерусских свинцовых печатей и пломб. На 22 из них обнаружены остатки каменных храмов. А в Пронске, Дмитрове и Дорогобуже-Смоленском зафиксированы древнерусские кирпичи-плинфы. Больше чем на половине этих поселений найдены различные предметы с надписями и орудия письма, а в Пскове, Русе и Витебске — берестяные грамоты. В 28 случаях раскопками подтверждена усадебно-дворовая застройка поселений. Наблюдается как внутриусадебная, так и междворовая имущественная дифференциация их обитателей.

Для выводов о социально-экономическом облике исследуемой группы поселений определяющим является сходство их археологических характеристик с характеристиками крупнейших центров Руси: Киева, Чернигова, Переяславля, Галича, Полоцка, Смоленска, Новгорода, Суздаля, Рязани. О том, что столицы древнерусских земель-княжеств XII—XIII вв. были вполне сформировавшимися городами, говорилось выше. Это заключение покоится на надежном фундаменте многих свидетельств письменных и археологических источников. Степенью концентрации населения, разви-

тием экономики, средоточием представителей господствующего класса, высоким уровнем общественно-политической жизни столичные города значительно опережали все прочие населенные пункты. Но особенности, типичные для крупных городов, оказываются свойственными и меньшим поселениям. И здесь и там обнаружены дворы знати и непривилегированных жителей, каменные храмы, печати и пломбы, эпитафические памятники, разнообразное вооружение, дорогие украшения, богатая утварь и иные вещественные следы имущественной дифференциации. Даже сложной планировкой оборонительных линий вторые соответствуют первым. Это детальное сходство позволяет всю данную группу укрепленных поселений считать городами.

Два обстоятельства кажутся особенно показательными. Абсолютное большинство каменных храмов обнаружено именно на поселениях с укрепленной площадью более 2,5 га, именно здесь прослеживается дворово-усадебная застройка. Таким образом, проведенное независимо от изложенных выше наблюдений подразделение поселений по размерам укрепленной площади носит не случайный характер, а отражает закономерности социального порядка. Всякое древнерусское поселение XII—XIII вв. с укрепленной территорией площадью около 2,5 га и более может рассматриваться как город, если этому не противоречит отсутствие других данных: дворов-усадеб, церквей, развитого ремесла, административного управления.

В 56 укрепленных поселений, включенных в табл. 1, попали: Вышегород, Тумащ, Чучин, Заруб, Канев, Родень и Торческий из Киевской земли; Воишь и Городец-Остерский (Городец-Востровский) из Переяславской земли; Любеч, Оргощ, Новгород-Северский, Путивль, Трубчевск, Брянск, Вщиж, Серенск и городище Слободка из Черниговской земли; Перемышль, Теробовль, Звенигород, Плеснек из Галицкой земли; Белз, Сутеска, Червен, Пересопница, Дорогобуж, Изяславль, Берестий, Дорогичин, Слоним, Новгородок, Городен из Владимиро-Волынской земли; Туров и Пинск из Турово-Пинской земли; Минск, Витебск, Друцк, Кокнесе и Ерсике из Полоцкой земли; Псков, Руса и Торжок из Новгородской земли; Переяславль, Дмитров, Ярославль, Городец, Боголюбый, Ярополч, Семейское городище, Москва, Белоозеро, Переяславль-Рязанский, Пронск из Владимиро-Суздальской земли; Переяславль, Ижеславль и Пронск из Рязанского княжества.

Только два поселения — городища Слободка и Семейское — неизвестны письменным источникам. Конечно, все перечисленные памятники изучены далеко не равномерно. Полной или почти полной совокупностью «городских» признаков обладают: Вышегород, Любеч, Новгород-Северский, Вщиж, Перемышль, Звенигород-Галицкий, Берестий, Городен, Новгородок, Туров, Пинск, Минск, Витебск, Друцк, Псков, Руса, Переяславль-Залесский, Городец, Москва, Белоозеро, Переяславль-Рязанский, Пронск. У остальных этот набор индикаторов менее выразителен. Однако нет оснований и исключать какое-либо из этих поселений из списка вероятных городов второй половины XII—XIII в. Наоборот, его можно пополнить за счет крупных укрепленных поселений, еще недостаточно изученных археологами. В указанное время городами, по-видимому, были: киевские — Василев, Овруч, Треполь, Юрьев на Роси; черниговские — Попашь, Вя-

хань, Вырь, Курск, Рыльск, Сновск, Моровиеск, Глебль, Корачев, Козельск, Клеческ; галицко-волынские — Ярославль, Холм, Луцк, Волынь, Шумск; ростово-суздальские — Тверь, Кострома, Галич-Мерский, Унжа, Нижний Новгород, Юрьев-Польский, Мстиславль, Стародуб Ряполовский; рязанские — Ростиславль на Оке, Белгород, Ольгов и некоторые другие населенные пункты.

Обратимся теперь к группе поселений, защищенная площадь которых занимает от 0,5 до 2,5 га (табл. 1). Здесь учтены данные по 79 памятникам. В сравнении с поселениями первой группы они не имеют столь четких характеристик. Большинство показателей выражено слабо. Лишь рубрика вооружений представлена достаточно полно. Каменные храмы обнаружены в Ладоге, смоленском Ростиславле, Волковыске и Василеве на Днестре. В Мстиславле найдены обломки плинф. Усадебная планировка надежно выявлена только в Торопце, Мстиславле, Ростиславле, Ладоге и Давид-Городке. Печати известны из Ладоги, Торопца и Волковыска. Эпиграфические памятники и писала найдены в Браславе, Копыси, Мстиславле (берестяная грамота), Ладоге, Изборске, Спасском Городке, Волковыске и на городище Ленковцы.

Из этих поселений по всем показателям выделяется Ладога. В ней имелось шесть каменных церквей — больше, чем в некоторых столицах. В середине XII в. Ладога занимала территорию, превышающую 16 га, но ее крепость-детинец, окруженная каменной стеной посадника Павла, охватывала только 1 га. Надо полагать, что следы окольного города (острога?) пока не обнаружены раскопками. Детинец Торопца еще меньше — 0,66 га. Но есть данные о существовании здесь второй линии укреплений¹⁵. Судя по сообщениям летописи, была в Торопце и церковь¹⁶. Вряд ли может вызывать сомнения городской облик Мстиславля (детинец 1,45 га), смоленского Ростиславля (1,3 га), Волковыска (детинец и окольный город — около 1,5 га), Василева на Днестре (около 1,3 га), Юрьева на Роси (около 2 га), Логойска (1,5 га), полоцкого Изяславля (около 1,5 га), Борисова (около 1 га), Копыси (0,46 га), Орши (0,57 га), Звенигорода-Киевского (около 1,5 га), Городеска (около 1 га), Рогачева (около 1 га), Гороховца (около 2 га), Микулина (около 1,5 га) и др. Своеобразна застройка Изборска. Судя по достаточно развитым ремеслу и торговле, он в XII—XIII вв. достиг городского уровня. Однако хорошо укрепленный каменной стеной с башней детинец Изборска был плотно застроен домами-срубами. Дворовые участки не прослеживаются. Местоположение на западных рубежах Новгородско-Псковской земли, мощные укрепления, находки разнообразного вооружения с очевидностью свидетельствуют о военной ориентации поселения. Возможно, ввиду постоянной военной опасности детинцы порубежных городов-крепостей заселялись особенно плотно. Аналогичная картина обнаружена и в Бресте (Берестий).

Из не упомянутых в летописи, но исследованных археологами поселений городами могли быть Осовик (детинец — около 1 га), Спас-Городок на Оке (около 0,5 га), Браслав (около 1,5 га), городища у д. Дивная на р. Мнюта (около 1 га) и д. Масковичи (около 1 га), Давид-Городок (около 1 га). К поселениям городского типа, вероятно, следует отнести Ржевку (Ржев), Зубцов, Дорогобуж-Смоленский, Вязьму, Ельну, Микулин, Корсунь, Перемиль, Бужеск, Шеполь, Деревич, Княтин и некото-

рые другие памятники, еще не исследованные стационарными раскопками.

Наряду с археологическими материалами установить городской характер интересующих нас поселений помогают сведения письменных источников. В них упомянут 41 (Изборск, Логожеск, Борисов, Перемиль, Данилов, Колодяжин и др.) из 79 пунктов. Относительно большая площадь поселений свидетельствует, что население их могло насчитывать 300—1000 человек. По данным археологии трудно выделить какое-либо ведущее направление в хозяйственной деятельности жителей этих городков. Ремесленное производство представлено железоплавильным, кузнечным, ювелирным (медно-литейным), гончарным, косторезным и деревообрабатывающим. Доказательств обособления двух последних от прочих домашних промыслов нет. Узкая специализация ремесла также не прослеживается. Определенное значение имели торговые связи. Среди сельскохозяйственных занятий преобладало скотоводство. Почвообрабатывающие орудия в значительном количестве найдены только при раскопках Колодяжина и Райковецкого городища. Впрочем, и там серпов и кос обнаружено в несколько раз больше. Лишь предметы вооружения, включая мечи и сабли, булавы, шпоры, стремена, встречаются постоянно. Дифференциация жилых построек по размерам и сопутствующему инвентарю прослеживается плохо.

Военная ориентация этой группы поселений вырисовывается довольно отчетливо. Но многие из них (Логожеск, Борисов, Гомий, Перемиль и пр.), судя по сообщениям летописей, были центрами волостей и удельных княжеств. Следовательно, оказались соединенными вместе сторожевые крепости, административные центры и, вероятно, феодальные замки. Противоречия здесь нет. Обе функции (военная и управление) присущи им всем. Археологически отделить ремесло вотчинное от ремесла свободного удастся далеко не всегда. В целом же складывается впечатление об определенной незавершенности процесса социального развития этих поселений, что затрудняет их историческую интерпретацию.

Предложенная выше сумма признаков, на основе которой древнерусские города выделяются из массы прочих поселений, не отражает в полном объеме сущность столь сложного явления, каким был реальный город эпохи феодализма. В зависимости от конкретных исторических условий менялись его отдельные признаки. Каждый город обладал более ярким и своеобразным обликом. Однако без определенной условности и схематизации обойтись при их исследовании нельзя. Опираясь на археологические данные и сведения письменных источников, из общего числа хорошо изученных 758 укрепленных поселений середины XII—середины XIII в. городами можно признать 82 (10,8 %) населенных пункта, включая и крупнейшие столичные центры (рис. 6). Всего же в то время на Руси существовало около 150 городов.

Изучив особенности ряда древнерусских укрепленных населенных пунктов середины XII—середины XIII в. и выявив (с известной долей вероятности) среди них поселения городского типа, можно, пользуясь ретроспективным методом, исследовать характер аналогичных памятников XI—первой половины XII в. С этой целью используется тот же набор признаков, что и в первом случае (рис. 7—9). Данный прием представляется

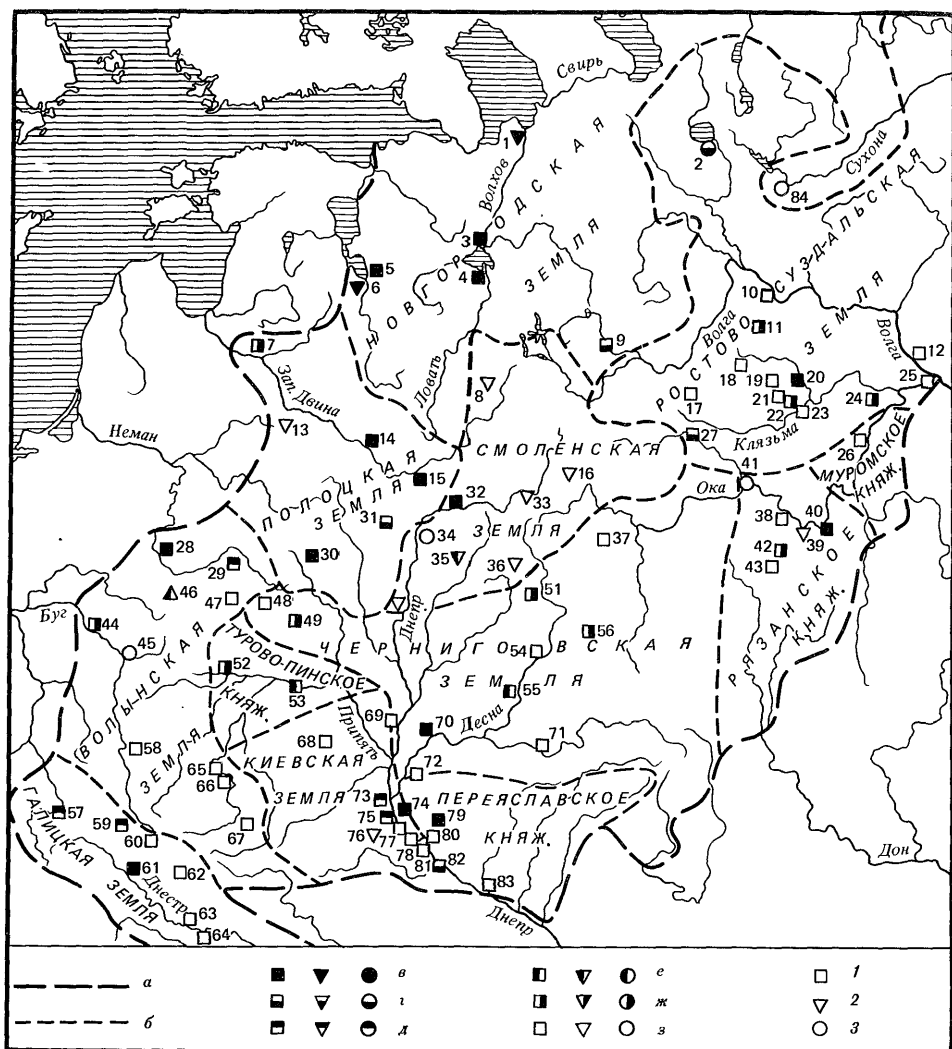

Рис. 6. Города середины XII—XIII в. по археологическим данным

a — границы Древнерусского государства; *b* — границы земель и княжеств; *в*—*з* — «городские» признаки: *в* — все признаки, *г* — все признаки без каменного храма, *д* — все признаки без усадебной застройки, *е* — все признаки без печатей, *ж* — четыре-пять признаков, включая один ведущий, *з* — три-четыре признака или один ведущий; *1*—*3* — площадь городищ: *1* — свыше 2,5 га, *2* — от 0,5 до 2,5 га; *3* — менее 0,5 га или площадь не установлена

Города см. в списке к рис. 2

оправданным, так как большинство археологических показателей, свойственных поселениям городского типа середины XII—середины XIII в., оказывается вполне характерным для Киева, Переяславля, Чернигова, Полоцка и Новгорода предшествующего времени. Следовательно, архео-

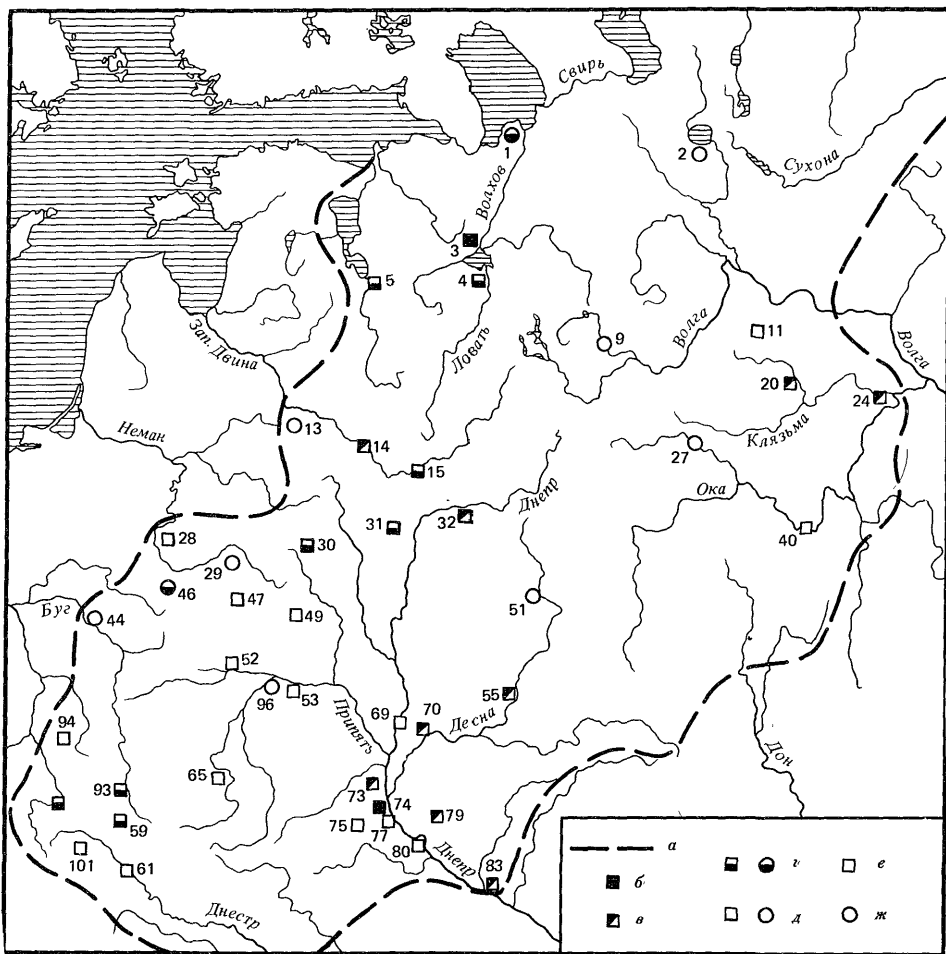

Рис. 7. Города XI—начала XII в. по археологическим данным

a — граница Древнерусского государства; *б—д* — «городские» признаки: *б* — все признаки, *в* — все признаки без одного, *г* — более двух ведущих признаков, *д* — один ведущий признак; 1, 2 — площадь городищ: 1 — свыше 2,5 га, 2 — менее 2,5 га или площадь не установлена
Города см. в списке к рис. 2

логически уловимые черты городского уклада и быта Руси активно формировались в XI—начале XII в. Данные сводной археологической характеристики укрепленных поселений того времени, исследованных стационарными раскопками, помещены в табл. 2. В нее не включены материалы из перечисленных выше столичных центров, а также Владимира-Волынского, Ростова и Мурома.

При сравнении данных таблиц 1 и 2 бросается в глаза значительное увеличение количества памятников — с 84 (табл. 2) до 135 (табл. 1). Эти цифры отражают закономерный рост числа укрепленных поселений во

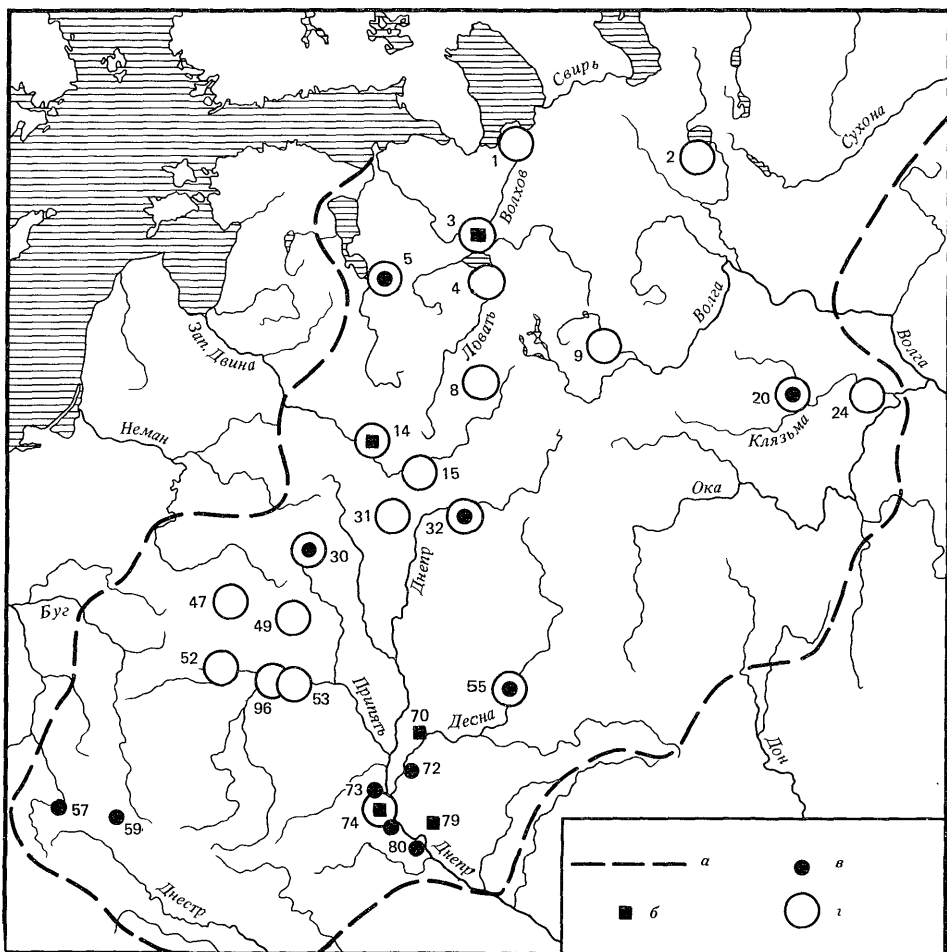

Рис. 8. Археологические признаки городов XI—начала XII в. Каменные храмы, усадебная застройка

a — границы Древнерусского государства; *б* — городища с двумя и более храмами; *в* — городища с одним выявленным храмом; *г* — городища с усадебной застройкой

Города см. в списке к рис. 2

второй половине XII—XIII в. С точки зрения совместности археологических признаков — показателей социального лица памятника — характеристика поселений первой группы (укрепленная площадь — свыше 2,5 га) XI—первой половины XII в. мало отличается от характеристики подобных поселений середины XII—XIII в. Лишь каменные храмы XI—начала XII в. известны на 11 поселениях, а усадебная застройка достоверно зафиксирована только в 14 случаях. Но массовое каменное строительство началось на Руси с середины XII в., а остатки деревянных церквей обнаружить значительно сложнее. Следы заборов,

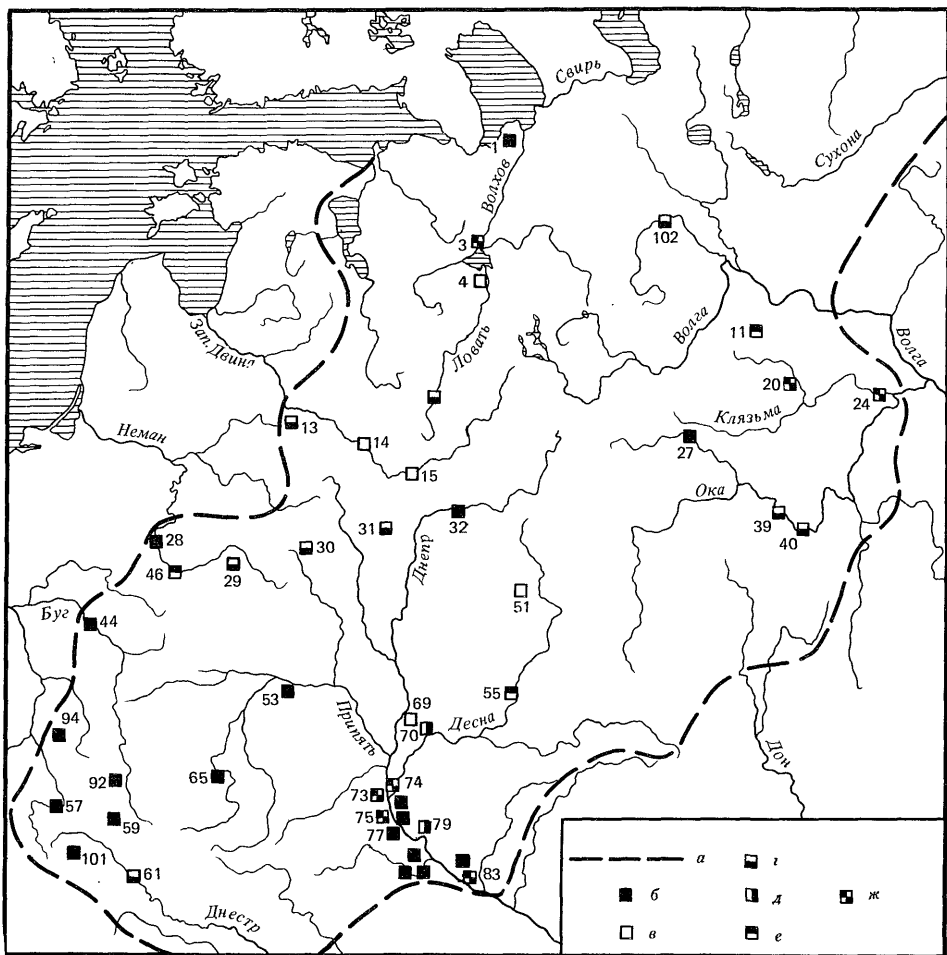

Рис. 9. Археологические признаки городов XI—начала XII в. Печати, писала, эпиграфические памятники

а — границы Древнерусского государства; *б* — городища, на которых найдены печати; *в* — городища, на которых найдены эпиграфические памятники; *г* — городища, на которых найдены писала; *д* — городища, на которых найдены печати и эпиграфические памятники; *е* — городища, на которых найдены печати и писала; *ж* — городища, на которых найдены печати, эпиграфические памятники и писала

Города см. в списке к рис. 2

частоколов, разделявших дворы-усадебьы горожан, долгое время не привлекали особого внимания археологов, исследовавших в первую очередь остатки жилых, производственных и хозяйственных построек. Учитывая минимальную по имеющимся данным площадь древнерусских городских дворов (200—400 кв. м), можно полагать, что раскопки меньших размеров часто не захватывают пограничные участки.

На трети данных поселений обнаружены вислые свинцовые печати вто-

Таблица 2

Сводная археологическая характеристика укрепленных поселений XI — первой половины XII в.

Размеры укрепленной площади (га)	Количество памятников	Археологическая характеристика *																					
		I			II			III			IV			V			VI			VII			
		1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	
Более 2,5	35	×	×	/	11	×	×	×	11	3	8	9	×	×	21	12	14						
0,5—2,5	49	/	/	/	4	×	/	×	—	2	—	4	/	/	2	47	5						

* × — много; / — мало.

рой половины XI—начала XII в., на восьми — железные и бронзовые писала XI—первой половины XII в. 21 пункт имел сложную планировку оборонительных сооружений.

В письменных источниках упомянуты все 35 поселений этой группы. Из них 13 уже были столичными и удельными центрами. Таким образом, археологические материалы вместе со сведениями письменных источников позволяют достаточно надежно интерпретировать все памятники первой группы как сформировавшиеся города. В их числе оказались: Вышегород, Тумаш, Чучин, Заруб и Торчешский из Киевской земли; Воишь и Городец-Остерский из Переяславской земли; Любеч, Оргоц, Новгород-Северский и Путивль из Чернигово-Северской земли; Перемышль, Звенигород, Теробовль и Галич из Галицкой земли; Сутеска, Червен, Волянь, Белз, Луческ, Дорогобуж, Пересопница и Городен на Воляни; Туров и Пинск; Минск, Друцк и Витебск из Полоцкой земли; Смоленск; Псков из Новгородской земли; Суздаль, Владимир и Ярополч из Ростово-Суздальской земли; Рязань и Пронск из Муромской земли.

Сложнее обстоит вопрос с укрепленными поселениями второй группы (укрепленная площадь — от 0,5 до 2,5 га). Их характеристика близка характеристике памятников той же группы середины XII—XIII в. Однако более или менее уверенно можно судить о городском облике только таких пунктов, как Канев, Гургев (Юрьев), Вщиж, Плеснеск, Берестий, Дорогичин, Новгородок, Логожеск, Изяславль, Браслав, Торопец, Изборск, Руса, Ладога, Новый Торг, Ярославль, Москва и Пронск. Гургев, Берестий, Браслав, Изборск, Ладога являлись, по-видимому, городами-крепостями, жители которых несли постоянную сторожевую военную службу. Одновременно здесь развивались ремесла и торговля. В Гуреве была организована епископия, а Ладога управлялась посадником, присланным из Новгорода.

Существовали и крепости, военные функции которых решительно преобладали над всеми остальными сторонами жизни. В период сильного натиска половцев (конец XI—начало XII в.) южные рубежи Древнерусского государства интенсивно укреплялись. Об этом свидетельствует появление многих новых укрепленных поселений в Посулье, Поросье, Киевском Поднепровье. От других городищ их отличает время возникновения, месторасположение в лесостепном пограничье или на направлениях вероятного прорыва кочевников к Киеву, слабая насыщенность культурного слоя.

Примером такого укрепления может служить южное городище в Витачове, на правом берегу Днепра, раскопанное экспедицией Б. А. Рыбакова¹⁷. По мнению Б. А. Рыбакова, здесь находился Новгород-Святополч, впоследствии именовавшийся Михайловым. Крепость построена по приказу киевского князя Святополка-Михаила в 1095 г. Мысовая площадка (0,75 га) окружена по периметру мощным валом, а по склону — сухим рвом. Культурный слой маловыразителен. Открытое селище отсутствует. Крепость контролировала древний Витичевский брод через Днепр.

Вместе с тем, руководствуясь только данными раскопок, детально классифицировать поселения второй группы XI—первой половины XII в. трудно. Сопоставление памятников XI—начала XII в. и середины XII—XIII в. обнаруживает ряд существенных моментов. Оказывается, что 15 укрепленных поселений (Плеснеск, Торопец, Вщиж, Пронск, Новгородок, Кокнесе, Ерсике, Дорогичин, Путивль и др.) переместились в середине XII в. из второй группы в первую. Значительно увеличилась их укрепленная площадь, появились дворы-усадьбы и производственные комплексы, были отстроены церкви. Словом, они превратились в подлинные города, в большинстве своем — столицы удельных княжеств. Из этого наблюдения следует, что увеличение числа городов на Руси в XII—XIII вв. шло за счет как развития старых волостных центров, обраставших посадами, становившихся средоточием экономической, политической и культурной жизни своих округ, так и строительства новых. Здесь наглядно сказались две стороны одного процесса: дальнейшего распространения вширь и вглубь феодализации русских земель, выразившейся в становлении самостоятельных княжеств, укреплении их внутриэкономических и политических связей.

Нельзя пройти мимо обратного явления. В конце XI—начале XII в. затухает жизнь на некоторых поселениях. Так, отложения середины XII и последующих веков не обнаружены на городищах в Судовой Вишне, Ступнице и Листвине на юго-западе Руси. Судя по материалам раскопок, они обладали некоторыми «городскими» признаками. Их гибель явственно не связана с военным погромом. Трудно предполагать и какие-то конкретные причины экономического порядка. Дело заключается, по-видимому, в обстоятельствах политического характера. На городище в Ступнице найдена печать Давыда Игоревича. Возможно, судьба данных памятников оказалась в зависимости от перипетий политической карьеры этого беспокойного князя.

Есть еще несколько значительно меньших поселений (Строчицкое городище на Менке, Городок на Ловати, Гнездово под Смоленском, Кветунь под Трубчевском), также не получивших дальнейшего развития. Думается, что причиной их упадка явился расцвет соседних крупных центров: Минска, Великих Лук, Смоленска и Трубчевска.

Полнонить список вероятных городов XI—первой половины XII в. помогают данные письменных источников. Таковыми, надо полагать, были: в Киевском Поднепровье — Звенигород, Василев и Треполь; в Переяславской земле — Курск; в Черниговской — Моровиеск, Всеволож, Глебль, Сновск и Стародуб; на Волыни — Бужск, Шумск; в Смоленской земле — Вержавск; в Ростовской — Стародуб. Всего же на Руси в то время насчитывалось около 75 городов. Из них 28, если судить по данным раскопок

и обследований, были основаны не ранее 20—30-х годов XI в. Конечно, изложенные наблюдения в процессе дальнейших работ будут корректироваться. Ведь большинство археологических признаков города обнаружено лишь у 19 наиболее исследованных памятников.

Теперь предстоит рассмотреть поселения IX—первой трети XI в. с целью выяснения особенностей социального облика. Раскопки относительно широкими площадями проведены на 83 памятниках, имеющих культурные отложения этого времени. Однако использовать для их исторической интерпретации археологические признаки городов XI—XIII вв. не представляется возможным. Во-первых, нигде, за исключением Киева и, возможно, Перемышля, не обнаружены следы монументального зодчества X в. Во-вторых, памятники письменности столь ранней эпохи исчисляются единицами. В-третьих, усадебно-дворовая застройка X—начала XI в. надежно зафиксирована только в Киеве, Новгороде и отчасти в Ладоге и Полоцке.

Наконец, древнейшие горизонты культурного слоя, особенно в населенных пунктах, существовавших длительное время, сохраняются плохо. Поэтому приходится привлекать дополнительные данные.

Существенными представляются прямые свидетельства ремесленной деятельности (кузнечное, ювелирно-литейное, гончарное ремесла) жителей таких поселений, с одной стороны, и ослабленной связи с сельским хозяйством — с другой. Не менее важны доказательства особой военной роли отдельных поселений (находки оружия, совершенный тип укреплений). О том же говорят расположенные рядом дружинные могильники IX—X вв. Эти погребения указывают также на социально-имущественную дифференциацию в среде оставившего их населения, т. е. на появление феодально-классовых отношений. Находки денежных и вещевых кладов, изделий из драгоценных металлов, привозных вещей также подчеркивают возникшее неравенство и одновременно фиксируют вовлечение населенного пункта в орбиту международных торговых связей. Наличие рядом с укреплениями открытого поселения свидетельствует об усложнившейся структуре всего памятника. Упоминание тех или иных поселений в письменных источниках в связи с событиями IX—XI вв., безусловно, подразумевает их неординарный характер.

Все перечисленные признаки группируются по 13 рубрикам: 1) производственные комплексы; 2) сельскохозяйственные орудия; 3) отдельные находки дорогих и привозных вещей; 4) денежные и вещевые клады; 5) простой тип укреплений (валы и рвы только с одной стороны); 6) усовершенствованный тип укреплений (валы по всему периметру поселения); 7) сложный тип укреплений (несколько укрепленных частей); 8) наличие открытого селища; 9) находки оружия в слое поселения; 10) дружинный некрополь; 11—13) упоминание в письменных источниках в связи с событиями: 11) IX в., 12) X в., 13) XI в. В соответствии с этими рубриками сопоставляются и характеризуются группы археологически изученных укрепленных поселений IX—начала XI в. (табл. 3). Их разделение по размерам укрепленной площади сохранено, но к первым двум группам добавлена третья, в которую включены памятники площадью до 0,5 га. Таким образом, сравниваются между собой все исследованные археологами укрепленные поселения этого времени.

Таблица 3
Сводная характеристика укрепленных поселений IX—начала XI в.

Размеры укрепленной площади (га)	Количество памятников	Археологическая характеристика *										Данные письменных источников		
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Более 2,5	30	×	/	×	11	5	9	14	22	×	6	6	11	8
0,5—2,5	22	/	/	/	3	14	6	2	19	×	4	2	2	7
До 0,5	31	/	×	/	3	25	4	—	17	/	3	—	—	1

* × — много; / — мало.

В табл. 3 по сравнению с таблицами 1 и 2 многие показатели не получили четкого выражения. Это обстоятельство необходимо учитывать при выводах.

Тем не менее, крупнейшие поселения разнообразием находок, развитием экономики, явственными признаками имущественной дифференциации отличаются от остальных памятников. Однако рассматривать их в совокупности, не выделяя отдельные поселения, все же нельзя. Дело в том, что далеко не везде культурные отложения IX—X вв. хорошо сохранились и исследованы достаточно полно. Лишь Киев и Новгород, Чернигов и Полоцк по данным археологических раскопок имеют вполне «городской» характер уже во второй половине X—начале XI в. Здесь обнаружен не один-два, а почти исчерпывающий набор признаков, свойственных как ранним, так и более поздним городам. Существенная особенность этих памятников состоит в том, что они развивались на основе предшествующих славянских поселений. К ним близки по характеристикам Вышегород, Белгород, Переяславль, Новгород-Северский, Любеч, Перемышль, Галич, Витебск, Ладога, Псков.

Не совсем ясен характер юго-западных центров Руси: Сутески, Белза, Червена. Они стоят на месте поселений IX—X вв. Но сохранившиеся укрепления относятся к началу XI в., причем оборонительные линии детинцев и окольных городов возведены одновременно. Эта деталь сближает указанные памятники с крепостями, построенными по приказу Владимира Святославича на южных рубежах Русской земли. Как показали раскопки (Б. А. Рыбаков, П. А. Раппопорт, В. И. Довженок), валы детинцев и окольных городов в Белгороде, Василеве (Васильков), Новгороде-Малом (Заречье), Переяславле и Воине (Воинская Гребля) насыпались одновременно по единому плану. Вторая линия укреплений защищала обширную слабозаселенную территорию — «Твердь», предназначенную для укрытия воинских резервов и окрестного населения. Такая схема организации обороны сторожевой крепости сложилась уже в середине X в. (Витичев). Ее гарнизон нес воинскую службу, а продуктами питания, по-видимому, снабжался централизованно. Эти характерные особенности позволяют выделить укрепленные поселения преимущественно военного назначения из числа памятников второй половины X—начала XI в.

Сооружение аналогичных укреплений в Сутеске, Белзе и Червене приходится на период, следующий по времени за походом Владимира

(981 г.) на Червенские земли. По всей вероятности, эти пункты также были укреплены для защиты юго-западных границ Руси. Во второй половине X в. по той же схеме перестраивается Изборск. Таким образом, схожие принципы строительства порубежных крепостей применяются на всей территории Руси в указанное время. Организующая и направляющая роль государственной власти угадывается здесь достаточно отчетливо.

Судьба первых древнерусских крепостей была различной. Одни (Витичев, Новгород-Малый) с ослаблением военной опасности и передвижением рубежей Руси на юг прекратили существование. Другие (Белгород, Василев, Воинь, Сутеска, Белз, Червен) уже в следующем столетии приобрели городской характер, впрочем, не утратив военного значения. Третьи (Изборск, Берестий) продолжали оставаться порубежными твердынями, гарнизон которых нес постоянную военную службу.

В числе крупнейших поселений IX—X вв. оказались и городища типа Титчихи на Дону, Горнальского на Псле, Червоной Дибравы на Днестре, Ревного на Пруте. Все они были вовсе заброшены к началу XI в. или продолжали существовать как открытые селения. Но в период расцвета каждый поселок состоял минимум из двух укрепленных частей общей площадью 5—10 га. Как свидетельствуют раскопки, жители городищ занимались ремеслом (добыча железа, обработка черных и цветных металлов, кости, кое-где и гончарство), торговлей (привозные вещи, монеты, денежные клады). Найдены оружие и предметы снаряжения коня и всадника. Отмечены случаи имущественной и профессиональной дифференциации обитателей поселков.

Однако их внутренняя планировка отличается неустойчивым характером. Жилища свободно разбросаны по площади поселения. Единые хозяйственные комплексы, как правило, не прослеживаются. В зданиях жителей большинства этих поселков преобладали земледелие, скотоводство и промыслы. Детали пахотных орудий, косы и серпы встречаются здесь при раскопках постоянно. Охота на копытных животных, особенно на поселениях IX—X вв. левобережья Днепра и бассейна Дона, по значению не уступала или почти не уступала скотоводству. Повсеместно было развито рыболовство. Весьма характерным представляется соотношение лепной и гончарной керамики из этих памятников. На поселениях роменско-боршевского круга лепная керамика многократно преобладает над гончарной вплоть до конца X в. На поселениях Поднестровья и бассейна Прута ее доля достигает 30—50 %, и она встречается еще в комплексах XI в. В таких центрах, как Киев и Новгород, посуда, изготовленная на гончарном круге, абсолютно господствует на протяжении всего X в., а лепная керамика составляет лишь незначительную долю процента.

Показательно, что городища этого типа окружены полутора-двумя десятками одновременных, в большинстве своем не укрепленных поселений. Совокупность имеющихся данных позволяет признать подобные городища центрами малых племен, входивших в один из крупных восточнославянских племенных союзов. Они погибли под ударами врага или под напором новых феодально-классовых отношений.

Исследователь Ревнянского комплекса поселений на р. Прут, Б. А. Тимошук, считает его одним из первых древнерусских городов северной

Буковины¹⁸. Однако подобной интерпретации противоречат микротопография памятника и характер застройки и находок в предполагаемом детинце. Между укрепленным поселением ремесленников (урочище Царицина — Ревное II) и «военно-феодальным» детинцем (урочище Городище — Ревное I) существует разрыв в 0,5 км. Каждое из поселений обладало собственной системой укреплений, что подрывало их обороноспособность. Обнаруженные при раскопках в урочище Городище железные наконечники стрел и обломки шпоры не служат прямым доказательством постоянного пребывания здесь военно-феодальной знати. Наконец, жизнь на поселении в урочище Царицина продолжалась почти столетие после гибели детинца. Весь комплекс памятников в Ревном выглядит как агломерация поселений, отвечающих представлениям о развитом общинно-племенном центре. Вероятно, данные поселения стояли на пороге образования классового общества и государственности. Но лишь окончательное подчинение Поднестровья и окрестных земель власти Киева в конце X в. способствовало ускоренному завершению этого процесса.

Близки по характеру находок и особенностям месторасположения к только что охарактеризованным памятникам некоторые поселения третьей группы (укрепленная площадь до 0,5 м): Алчедар, Екимауцы, Рудь, Хотомель и др.

Городище Хотомель на Горыни в VII в. было убежищем для окрестного населения и не имело постоянных жилых сооружений. В VIII в. его укрепления перестраиваются. Состав находок меняется. Помимо керамики и ножей, тут найдены наконечники копий и стрел, пластинка от панциря, серебряные браслет и височное кольцо. Рядом разрастается обширное неукрепленное сельское поселение. Малая площадь (0,1 га) укрепленной части Хотомеля никак не позволяет отнести его к ранним городам и даже протогородам. Перед нами небольшой дружинный поселок, имевший тенденцию к превращению в феодальный замок¹⁹.

Во второй группе (укрепленная площадь 0,5—2,5 га) оказались поселения, возникшие в конце X—начале XI в. (Руса?, Друцк, Логожск, Изяславль-Полоцкий, Новгородок, Вишня, Галич) и выросшие на месте еще более древних поселков (Луцк, Плеснеск). Общим для тех и других, помимо размеров, являются присутствие военного элемента, следы ремесленного производства и торговых связей, слабое развитие сельского хозяйства. Большинство из них превратилось впоследствии в настоящие города, столицы удельных княжеств. Эти поселения конца X—начала XI в. выполняли роль новых военно-административных центров в процессе организации Киевом постоянного управления различными территориями Древнерусского государства.

Особым вниманием исследователей в последние годы пользуются памятники IX—X вв. типа Гнездова, ранней Ладоги, Сарского и Рюрикова городищ. В один ряд с ними ставятся Тимеревское селище и древний Клещин на Плещеевом озере, Шестовицы и Седнев под Черниговом, Строчицкое городище на Менке, первоначальный Витебск, Торопец. По размерам укрепленной площади большинство из них включено во вторую группу табл. 3. Археологическая характеристика подобных поселений близка характеристике только что рассмотренных городищ. Отличия заключаются в более определенной торгово-ремесленной ориентации эконо-

номики; дружинном облике расположенных рядом могильников; различном, как правило, составе населения. Возникли они на 100—150 лет раньше, частично были заброшены в XI в. или превратились в города. Перечисленными признаками данные памятники выделяются из среды окружающих поселений и вполне отвечают представлениям о дружинных лагерях-станах. Они были расположены на оживленных путях сообщения и активно участвовали в международной транзитной торговле. Вероятно, они использовались киевскими князьями как пункты для сбора дани с окрестного населения. В них на время или постоянно оседали ремесленники и купцы, а также дружинники. С упорядочением административно-фискальной системы на Руси, распространением княжеского и церковного суда, появлением на местах профессионалов-купцов многие поселения этого типа пришли в упадок. Их сменили города и новые волостные центры.

Последняя группа городищ IX—начала XI в. (укрепленная площадь до 0,5 га), за исключением нескольких упомянутых выше, отличается от рядовых сельских поселений того же времени лишь примитивными укреплениями. По существу они были укрепленными деревнями, примерами общинной самообороны от внешней опасности. В XI—XII вв., в условиях упрочения феодализма и государственности, им уже не было места.

Из 83 памятников, данные которых внесены в табл. 3, по сведениям письменных источников до XII в. известно 37 (44,5 %), в том числе по первой группе — 25 (83 %) из 30, по второй — 11 (50 %) из 22, по третьей — 1 (3,2 %) из 31. 24 поселения указанного времени прекратили существование к началу XI в. Всего из 242 археологически изученных древнерусских укрепленных поселений не дожили до середины XII в. 37 (15,3 %). Гибель большинства из них на рубеже X—XI вв. объясняется не только ударами кочевников, но и становлением единого государства Руси. Опорные пункты местного сепаратизма и сопротивления уничтожались центральной властью.

В целом интерпретировать по археологическим данным социальное лицо поселений IX—начала XI в. значительно труднее, чем двух следующих хронологических периодов. Меньше ярких фактов, нет близких аналогий, лаконичны сведения письменных источников. В результате сравнительного анализа археологических материалов социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX—середины XIII в. представляется в следующем виде:

Для IX—начала XI в. — укрепленные поселения сельских общин, племенные центры, зарождающиеся усадьбы-замки, дружинные лагеря-станы, укрепленные центры волостей и погостов, ранние города, сторожевые крепости (со второй половины X в.).

Для XI—первой половины XII в. — феодальные усадьбы-замки, административно-фискальные центры волостей и погостов, сторожевые крепости, города.

Для середины XII—середины XIII в. — феодальные усадьбы-замки, административно-фискальные центры волостей и погостов, сторожевые крепости, старшие и младшие (пригороды) города, в число которых входят и удельные центры.

Между отдельными категориями укрепленных поселений существуют

переходные типы. Не прослеживаются в чистом виде культовые центры и специализированные ремесленные поселки.

Для IX—начала XI в. выделить малые города как особый тип городских поселений нельзя. Это — время активных градообразовательных процессов на Руси, особенно в Среднем Поднепровье и на Волыни. Русский феодальный город еще только обретал черты и свойства, ставшие характерными для него в последующую эпоху. Даже в Киеве и Новгороде, Чернигове и Полоцке основные элементы городской структуры только формируются. Расширяются и перестраиваются детинцы. Застройка постепенно занимает территорию старых языческих могильников. Усадебно-дворовая планировка посадов приобретает устойчивый характер. Складываются административно-культовые центры городов. Прочие поселения, городской облик которых кристаллизовался в XI—начале XII в., обладали лишь большей или меньшей суммой городских признаков, функций.

Только в XI в., в основном со второй его половины, малые города занимают определенное место в государственной системе Киевской Руси. Как правило, в них развиваются волостные центры, подчиненные непосредственно Киеву или одной из столиц образовавшихся земель-княжеств. Однако связи между ними еще не прочны, и отдельные малые города со своими волостями часто переходят из одних владений в другие.

Ко второй половине XII в. в каждом княжестве складывается достаточно устойчивая система из старших городов-столиц и младших городов-пригородов. Судя по сообщениям летописи и некоторым актовым материалам, взаимоотношения между ними регулируются традицией и юридическими документами. Хотя малые города (пригороды) и отличались друг от друга по экономическому, военному и политическому значению, но по отношению к старшему городу они находились в подчиненном положении.

¹ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 500.

² Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 59; Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 78—80.

³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 358.

⁴ Там же.

⁵ ПСРЛ. М., 1962. Т. I. Стб. 464.

⁶ Там же. Стб. 460—464.

⁷ Там же. Стб. 518; НПЛ. М., 1950. С. 76, 288.

⁸ ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 30, 69.

⁹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 470.

¹⁰ Пашуго В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. М., 1966. С. 98.

¹¹ Раппопорт П. А. Военное зодчество запад-

норусских земель X—XIV вв. // МИА. Л., 1964. № 140. С. 188.

¹² Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972. С. 66.

¹³ Рыбаков Б. А. О двух культурах русского феодализма // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 33.

¹⁴ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 433.

¹⁵ Раппопорт П. А. Оборонительные сооружения Торопца // КСИА. М., 1961. Вып. 86.

¹⁶ НПЛ. С. 77, 289.

¹⁷ Плетнева С. А., Макарова Т. И. Южное городище у с. Витачова // КСИА. М., 1965. Вып. 104.

¹⁸ Тимошук Б. О. Давньоруська Буковина. Київ, 1982. С. 121—137.

¹⁹ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964. С. 22.

Глава третья

МАЛЫЕ ГОРОДА СЕРЕДИНЫ XII—XIII в.

В предшествующей главе по совокупности признаков определены вероятные города середины XII—XIII в. Теперь предстоит последовательно рассмотреть каждый из них. Во-первых, необходимо проверить и подтвердить полученные результаты. Во-вторых, следует обратить внимание как на общие, так и на своеобразные черты этих населенных пунктов, причем не только с археологической точки зрения, но и в свете сведений письменных источников. Обзор ведется по землям-княжениям, начиная с Киевской.

КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Вышегород. Впервые упомянут в летописи под 946 г. как город княгини Ольги, в который поступала треть древлянской дани¹. Древнее городище находится на территории современного г. Вышгород (Киевская обл.), в 15—16 км выше Киева, на правом обрывистом берегу Днепра. Поселение состоит из детинца (площадь около 7,5 га), окольного города (площадь около 6 га) и неукрепленных селищ-посадов. До сегодняшнего дня сохранились остатки мощных земляных валов и рвов, окружавших центральную часть поселения.

Наряду с Киевом Вышегород был одним из главных древнерусских центров Среднего Поднепровья. Как важный пункт в системе киевского полюдья его упоминает Константин Багрянородный. С X в. в городе располагалась, по-видимому, одна из резиденций великих князей. Здесь рано образовался слой собственного боярства, поддерживавший в начале XI в. Святополка Владимировича. Особую роль стал играть Вышегород в связи с канонизацией в XI в. первых русских национальных святых Бориса и Глеба, похороненных в городе. Над их усыпальницей был возведен специальный храм, перестраивавшийся и украшавшийся несколькими поколениями русских князей. В 1072 г. здесь состоялся съезд князей Ярославичей. Город тогда «держал» известный киевский боярин Микула Чудин. Начиная со второй половины XI в. в городе почти постоянно сидели удельные князья — подручники великого князя киевского. Вышегород в известной мере был северными воротами Киева. Он контролировал водный путь по Днепру, Ирпени, Десне. Борьба за столицу Руси не раз начиналась с осады и штурма Вышегорода. Во второй половине XII в. в нем укрепился Давыд Ростиславич Смоленский. Как и другие центры Среднего Поднепровья, город пострадал во время Батыева нашествия.

Стационарные археологические исследования, проводившиеся в Вышгороде в 30-е годы и в 1947 и 1972 гг. (Б. А. Рыбаков, В. И. Довженок, М. К. Каргер)², возобновлены сейчас Киевской экспедицией Института

археологии АН УССР. Раскопками обнаружены остатки десятков наземных и углубленных в землю жилищ, производственные (железодельные, кузнечные, ювелирные, косторезные, гончарные) комплексы, многочисленные вещевые находки X—XIII вв. Среди них выделяются серия русских и византийских свинцовых печатей, пряслице с надписью, поливная посуда и изделия из стекла. Церковь Бориса и Глеба в Вышегороде была одним из крупнейших трехнефных храмов Руси. К сожалению, до сих пор в городе не удалось выявить четких непо потревоженных отложений X в.

Тумащ. Один из городов, прикрывавших Киев с юга, упомянут в летописи под 1150 и 1170 гг.³ Остатки городского детинца, треугольного в плане (площадь 1,6 га), занимают высокий мыс левого берега р. Стугна, на окраине с. Старые Безрадицы Киевской обл. Поселение по периметру окружено валом и рвом с напольной стороны. Въезд на городище прослеживается с юго-запада. Отсюда к детинцу примыкал обширный окольный город (площадь около 8 га), валы которого ныне полностью распаханы. Но в начале века В. В. Хвойка отметил укрепления (две линии валов и ров) в 400 м к югу от детинца.

Тумащ был одним из важных опорных пунктов на пути вражеских войск к Киеву. Вместе с Треполем и Василевым он обеспечивал в XI—XIII вв. оборону столицы Руси от набегов половцев.

Городище Тумаща неоднократно обследовалось археологами. Оборонительные укрепления исследовал П. А. Раппопорт⁴. По длинной оси вала впритык друг к другу стояли забитые землей срубы. В 1963—1964 гг. стационарные раскопки памятника провел Б. А. Рыбаков⁵. В детинце были обнаружены отложения зарубинецкой культуры и древнерусского (XI—XIII вв.) времени. Найдены следы углубленных в землю жилищ, обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, орудия труда, наконечники стрел, монетная гривна киевского типа, различные украшения. Ранее на поселении была обнаружена печать греко-русского типа с погрудным изображением св. Романа, принадлежавшая, по-видимому, князю Роману Святославичу. Во второй половине XIII в. город после Батьева нашествия пришел в упадок и прекратил существование.

Чучин. Назван в летописи под 1110 г. в связи с нападением половцев⁶. Город занимал отдельную возвышенность правого берега Днепра у современного с. Щучинка Киевской обл. Поселение состояло из детинца (площадь 1,2 га), окольного города (площадь 3,7 га) и расположенного у подножия возвышенности, на берегу небольшой речки селища-посада. Чучин входил в число укрепленных населенных пунктов, охранявших правобережье Днепра от половецких вторжений. Город погиб в годы разорения Руси Батыем.

Памятник изучен В. И. Довженком⁷. В валу детинца прослежено два ряда деревянных клетей, внутренний из которых был жилым. Одна из крепостных башен предположительно была сигнальной. Обнаружены остатки углубленных в землю жилищ (более ранних) и наземных столбовых построек (более поздних). Собрана большая коллекция древнерусских предметов XI—XIII вв.: наральники, серпы, косы, ручные жернова, топоры, скобели, ножи, стеклянные браслеты, металлические украшения, пряслица, разнообразная посуда. Выделяется серия предметов вооружения и конского снаряжения: боевой топор, кистени, наконечники стрел и копий,

стремена и удила. Таким образом, население Чучина занималось земледелием, ремеслом, военным делом. Судя по массовым находкам, поселение было основано во второй половине XI в.

Заруб. Впервые упомянут летописью под 1096 г.⁸ Следы древнего города обнаружены у хут. Монастырек, в 1,5 км к северу от с. Зарубинцы Киевской обл. Здесь на высоком выступе правого берега Днепра расположено городище (площадь около 5 га), окруженное селищами. Памятник исследован Е. В. Максимовым и В. А. Петрашенко⁹. На городище вскрыто около 3 тыс. кв. м. Сохранились отложения трипольской культуры, начала нашей эры, раннеславянских (VIII—X вв.) и древнерусского времени. Обнаружено восемь жилищ XI—XIII вв. Их нижние части углублены в землю. Печи глинобитные куполообразные. Помимо гончарной керамики, найдены стеклянные браслеты, железный серп. Укрепления сооружены в древнерусское время.

Город Заруб охранял брод через Днепр. В 0,5 км от городища, на первой надпойменной террасе, в урочище Церковище, находятся руины знаменитого Зарубского монастыря. Н. Ф. Беляшевский и М. К. Каргер исследовали фундаменты двух каменных храмов XI и XII вв. По мнению П. П. Толочко, город Заруб включал в себя не только городище Монастырек, но и поселение в урочище Церковище, где встречена в изобилии древнерусская гончарная керамика конца XI—XIII в.¹⁰

Канев. По письменным источникам известен с середины XII в. (1149 г.)¹¹. Город был одним из крайних южных укрепленных центров Руси на правобережье Днепра. Он охранял важный брод через реку. Сюда не раз приходили киевские князья на переговоры с половцами. На Каневских высотах подолгу стояли войска, оберегая рубежи Русской земли от вторжения кочевников. Около 1144 г. в Каневе князь Всеволод Ольгович построил Юрьевскую церковь, сохранившуюся до наших дней. В середине XII в. в Каневе уже существовал удельный княжеский стол. В конце этого столетия киевские князья передавали Канев своим родственникам в качестве «причастья» в Русской земле за оборону ее границ.

В городе на горе Московка сохранились остатки городища. Оно занимает изолированный со всех сторон останец правобережного плато. Памятник исследован В. А. Богусевичем¹². Культурный слой сильно перемешан и содержит отложения эпохи бронзы, позднескифского времени, зарубинецкой культуры и периода Древней Руси (XI—XIII вв.). Обнаружены жилища того времени и гончарные горны.

П. П. Толочко считает, что на горе Московка располагался не детинец Канева, а какое-то укрепление или феодальный замок. Центр древнего города, по мнению исследователя, находился в районе Юрьевской церкви. Днепр здесь наиболее близко подходил к коренному берегу. Плато с трех сторон защищено оврагами и крутым обрывом к реке. Вокруг церкви собрано много обломков древнерусской гончарной керамики XI—XIII вв.¹³

Родень. Упомянут в летописи под 980 г.¹⁴ Сюда бежал Ярополк Святославич от своего брата Владимира. Древнее городище — Княжая Гора — находится в 7 км ниже г. Канев и в 2,5 км выше с. Пекари по течению Днепра, на возвышенности его правого берега. Поселение состоит из двух укрепленных частей — детинца (1,5 га) и окольного города (2,5 га),

разделенных валом и рвом. С двух сторон оно окружено глубокими оврагами, а с третьей — обрывается к реке. Городище исследовалось многими археологами. Основные работы осуществлены Н. Ф. Беляшевским и Г. Г. Мезенцевой¹⁵. Обнаружены десятки жилых и хозяйственных построек, множество наконечников стрел, копий, орудий труда, украшений. Найдены пряслица с надписью, писала, кресты-энколпионы, змеевики, иконки, паникадила и подсвечники. В состав кладов, зарытых на городище, входили великолепные золотые украшения, исполненные в технике перегородчатой эмали. Большинство исследователей вслед за Н. Ф. Беляшевским отождествляет городище Княжая Гора с остатками древнерусского Родня.

В детинце окольного города зафиксированы следы дворов-усадеб. От разделявших их частоколов сохранились канавки. Обращают на себя внимание находки трех свинцовых печатей. Две из них принадлежали киевскому метрополиту Кириллу I (1225—1233)¹⁶.

П. П. Толочко считает, что летописный Родень находился на месте городища в самом с. Пекари. Памятник занимает площадку верхнего плато коренного левого берега р. Рось. При обследовании здесь найдены обломки древнерусской глиняной посуды X—XI вв.¹⁷

Гургев (Юрьев). Входил в число городов, построенных по распоряжению Ярослава Мудрого по берегам р. Рось. Здесь была организована новая епископия. Юрьевский епископ Михаил принимал участие в торжественном перенесении мощей Бориса и Глеба в Вышегороде в 1072 г.¹⁸ Следы древнего городища обнаружены в центре г. Белая Церковь (Киевская обл.), в урочище Замковая гора. Его площадь около 2 га. Исследования в городе ведет Р. С. Орлов¹⁹. Вскрыто более 300 кв. м. Мощность культурного слоя достигает 4,5 м. Найдены жилища XI—XIII вв., различные хозяйственные постройки. Собрана обширная коллекция древних вещей: обломки византийских амфор и стеклянных сосудов, наконечники стрел, копий, железные ножи, замки, ключи, стеклянные браслеты, бусы, шиферные пряслица. Встречены строительные материалы от церкви XII в. Древнейшие культурные отложения датируются серединой XI в.

Как важный укрепленный центр Поросья Гургев не раз отражал нападения половцев. Епископская кафедра в городе просуществовала до самого нашествия орд Батыя. Последний раз юрьевский епископ упомянут в летописи под 1231 г.²⁰ По-видимому, юрьевской епископии вменялось в обязанность распространять христианство среди «своих поганых» — кочевников, находившихся в вассальной зависимости от Киева.

Торческий. Отождествляется с остатками древнего укрепленного поселения у с. Шарки Киевской обл. Огромное (около 90 га) городище расположено в 1 км к югу от села, на левом берегу р. Гороховака, притока р. Рось. Торческий впервые упомянут в летописи под 1093 г.²¹

Городище состоит из двух полукруглых укреплений, соединенных большим валом (протяженность 1400 м), ныне почти полностью распаханым. В середине восточного укрепления — круглый детинец, также укрепленный заплывшим валом и рвом (по мнению Б. А. Рыбакова — русский квартал торческого города). Поселение исследовалось В. В. Хвойкой и Б. А. Рыбаковым²². Обнаружены углубленные в землю и наземные жилища с глинобитными печами. Найдены многочисленные предметы (кера-

мика, стеклянные браслеты, кресты-энколпионы, обломки хороса, орудия труда, украшения, оружие) древнерусского (XI—XIII вв.) времени, а также ордынская монета XIV в. Собрана коллекция майоликовых плиток, вероятно украшавших пол деревянной церкви. Рядом вскрыто кладбище с полянскими погребениями XI—XII вв. Обширное внешнее укрепление использовалось, по-видимому, как загон для скота. Сюда в случае опасности помещали стада и табуны лошадей. Торческий был политическим и административным центром тюркских племен — федератов Киева. С середины XII в. здесь образовался удельный княжеский стол, которым распоряжались великие киевские князья.

Городек (с. Городек Житомирской обл.). На смежных возвышенностях левого берега р. Тетерев около села — городище из трех укрепленных частей: остатки древнерусского Городеска, упомянутого в летописи под 1257 г.²³ Укрепления носят названия Большого и Малого городищ, Красной горы. Все они подвергались археологическим исследованиям. Наиболее полно изучено Малое городище (Р. И. Выезжев)²⁴. Здесь обнаружено около 30 жилых и хозяйственных комплексов, найдены мастерские литейщика-ювелира, гончара. Раскопано несколько сыродутных горнов. В коллекции находок — серпы, косы, наральники, ножницы, топоры, ножи, замки, обломок меча, различные украшения, множество стеклянных браслетов. Большинство материалов хорошо датируется XII—XIII вв. Особого внимания заслуживает находка нескольких западноевропейских колоколов. Основу вала городища составляли два ряда дубовых клетей, из которых внутренний был приспособлен для жилья.

Звенигород-Киевский. В с. Почтовая Вета Киевской обл., на небольшом холме-останце, возвышающемся над поймой р. Вета — овальное городище (наибольший диаметр до 50 м), укрепленное по периметру валом. К детинцу примыкает с северо-востока окольный город (140×100 м), также обнесенный валом. Общая укрепленная площадь поселения достигает 2 га. По мнению ряда исследователей, здесь находился древнерусский Звенигород, впервые упомянутый в летописи под 1096 г.²⁵ Памятник неоднократно обследовался и изучался археологами (Л. П. Добровольский, Н. В. Линка, П. А. Раппопорт)²⁶. Культурный слой поселения содержит обломки гончарной посуды и различные бытовые вещи XI—XIII вв.

Любопытно, что уже в первом летописном известии Звенигородом назван «город мал», лежащий в 10 верстах от Киева. Судя по сведениям письменных источников, Звенигород был последним укрепленным пунктом на пути к Киеву с юга.

ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Воинь. Пограничный город Переяславского княжества, впервые упомянут в летописи под 1055 г., когда около него Всеволод Ярославич победил торков²⁷. Древнее городище Воиня находилось в пойме правого берега р. Сула, у ее впадения в Днепр, близ бывшего с. Воинская Гребля Полтавской обл. Теперь оно залито водами Кременчугского моря. Детинец (площадь 4,6 га) был укреплен подковообразным валом (длина 400 м), упиравшимся концами в берег реки. С внешней стороны вала проходил ров (ширина около 20 м, глубина 3 м). За валом располагался окольный город

(площадь 23 га), укрепленный естественными преградами (старицы, бота). К западу от него находился грунтовой могильник.

Во всех известиях летописи Воинь выступает как важный порубежный укрепленный пункт, к югу от которого простирались половецкие земли. Около Воиня неоднократно сталкивались русские и половецкие войска.

На месте городища у с. Воинская Гребля впервые локализовал Воинь в конце XIX в. В. Г. Ляскоронский. Затем городище осматривали и описывали Л. Падалка, Н. Е. Макаренко, Ф. Б. Копылов, И. И. Ляпушкин. В 1956—1959 гг. памятник исследован экспедицией Института археологии АН УССР (В. И. Довженок, В. К. Гончаров, Р. А. Юра)²⁸. Вскрыто около 8 тыс. кв. м.

Основу сохранившегося вала составляли два ряда деревянных клетей, забитых грунтом. Третий (внутренний) ряд клетей был жилым. Здесь обнаружены остатки глинобитных печей и различные бытовые вещи. Укрепления детинца защищали гавань, образованную протокой (старицей) Сулы. Здесь останавливались в безопасности караваны судов, следовавшие вверх и вниз по Днепру. В детинце и окольном городе исследованы также наземные и углубленные в землю жилища. Въезд в детинец находился с запада.

Судя по конструктивным особенностям и вещевым находкам, изученные укрепления были сооружены в конце XI—начале XII в. Но под ними обнаружены остатки более древних оборонительных линий конца X в. Они состояли из двух валов и рва между ними. В валах применялась сырцовая кладка, столь характерная для строительства времени Владимира Святославича. У этой крепости имелся также окольный город. Его ров (вероятно, и вал), впоследствии спланированный, был зафиксирован в 100 м от укреплений детинца.

Таким образом, первая крепость в Воине была построена при Владимире Святославиче на месте небольшого (временного?) поселения роменской культуры. По плановой структуре она вполне соответствует порубежным укреплениям той эпохи: детинец предназначался для военного гарнизона, а незаселенный постоянно окольный город — для укрытия окрестных жителей и воинских резервов. К середине XII в. Воинь превращается в относительно большой город с детинцем-гаванью и обширным окольным городом. По-видимому, клетки в валу детинца имели прежде всего хозяйственное значение. В них хранились запасы хлеба и других продуктов. В мирное время население Воиня жило в обычных домах в детинце и окольном городе. Клетки в валу занимали во время осады. Поэтому в пустых жилищах на посаде найдено мало предметов, тогда как в сгоревших клетях собрана обширная вещевая коллекция. При раскопках обнаружены остатки мастерской кузнеца-оружейника, детали ткацкого станка. Многочисленны находки оружия (лезвия мечей, перекрестья сабель, наконечники стрел и копий, боевые топоры, булавы, кистени, фрагменты кольчуг и панцирей), орудий труда ремесленников (кузнецов, ювелиров, косторезов) и сельскохозяйственных (наральник, чересло, пять серпов, две косы). Среди находок — вислая свинцовая печать XI в., византийские монеты, предметы с надписями, обломки привозных амфор, стеклянная посуда.

Город неоднократно горел. Он был разрушен половцами в 1185 г. и окончательно погиб по ударами войск Менгу-хана в 1239 г.

Городец-Вострый (Городец-Остерский). Находился на правом берегу р. Остер, при ее впадении в Десну (г. Остер Козелецкого р-на Черниговской обл.). О строительстве Городца летопись сообщает под 1098 г.: «Того же лета заложи Владимир Мономах город на Вьстри»²⁹. Поселение состоит из округлого детинца (площадь 0,75 га), занимающего холм-останец, и примыкающих к нему двух укрепленных частей — околных городов (площадь 4,8 и около 25 га). В детинце сохранились руины небольшой каменной церкви (Юрьева Божница), построенной, вероятно, Владимиром Мономахом на рубеже XI—XII вв.

Городище исследовано В. А. Богусевичем³⁰. При раскопках обнаружены разнообразные материалы конца XI—XIII в.

Городец-Остерский играл важную политическую роль во взаимоотношениях южнорусских княжеств. Его строительством Мономах стремился поставить под контроль связи Чернигова с Киевом. С середины XII в. Городец превращается в форпост суздальских князей на юге Руси. Город и волость фактически обособляются от Переяславля, образуя самостоятельный удел.

ЧЕРНИГОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Новгород-Северский. Второй по значению город Черниговского княжества (ныне — районный центр Черниговской обл.). Впервые назван в «Летописи путей» Владимира Мономаха, который зимой 1078—1079 гг. разбил в окрестностях Новгорода половецкий отряд³¹. Город расположен на высоком обрывистом правом берегу Десны, при впадении в нее ручья. Детинец (площадь в древности около 3 га) занимал отдельный холм-останец (частично обвалившийся в реку). Его с юга и востока полукольцом охватывал окольный город (площадь около 30 га). В 4 км ниже по течению Десны на высоком береговом выступе находился древний Спасо-Преображенский монастырь. В окольном городе-остроге, существовавшем уже в середине XII в., имелись двое ворот: Курские и Черниговские. Острожные ворота вели из окольного города в детинец.

Княжеский стол в Новгороде-Северском образовался в конце XI в., когда после Любечского съезда город с волостью получил Олег Святославич. Его потомки владели Новгородом-Северским почти без перерыва до середины XIII в. Здесь последовательно княжили сыновья Олега Всеволод, Игорь и Святослав. Новгороду-Северскому принадлежали обширные земли от Подесенья, Лесной земли и Вятичей на севере до города Донца на юге и от Сновска и Стародуба на западе до Курска с Посеймьем на востоке. Расцвета Новгород достиг во второй половине — конце XII в. при Олеге и Игоре Святославичах. Эти князья вели вполне самостоятельную политику (знаменитый поход Игоря на половцев в 1185 г.). На территории княжества образовались удельные владения с центрами в Трубчевске, Путивле и Рыльске. Город окружали боярские и княжеские села, в том числе Мелтеково и Игорево сельцо. На тучных лугах в пойме Десны паслись табуны княжеских коней.

Первые археологические раскопки в Новгороде-Северском были проведены еще в начале XIX в. Однако их материалы не сохранились. В дальнейшем древности города не раз осматривались и описывались археоло-

гами (Д. Я. Самоквасов, С. С. Гатцук, М. В. Воеводский, О. Н. Мельни-ковская). Небольшие разведочные раскопки на территории детинца и окольного города осуществил в конце 50-х—начале 60-х годов сотрудник Черниговского исторического музея И. Е. Едомаха. С 1979 г. в городе вели многолетние исследования объединенная экспедиция Институтов археологии АН СССР и АН УССР (А. В. Куза, А. П. Моця)³². Благодаря полученным данным во многом прояснилась ранняя история Новгорода-Северского.

В IX—X вв. изрезанный оврагами правый берег реки в районе будущего города был занят несколькими славянскими поселениями. Лепная керамика роменского типа найдена в детинце, на возвышенности за ручьем, в урочище Городок и южнее детинца — во дворе Ветеринарного училища и около Никольской церкви. В детинце исследовано три жилища того времени. Их нижние части углублены в материк на 0,5—0,8 м. Размеры котлованов 4—4,5×4—5 м. Глинобитные печи помещались в углах. Вдоль стен и в углах прослежены ямки от столбов. Рядом с жилищами находились хозяйственные колоколовидные ямы для хранения продуктов. В заполнении жилищ, на полу и в печах собраны лепная керамика, костяные проколки, астрагалы, железные ножи, глазчатая бусина и пр. В конце X в. поселок в детинце был укреплен валом, по крайней мере с южной и юго-западной сторон. Основу вала составляли деревянные срубные конструкции. В его насыпи обнаружены обломки только роменской и раннегончарной посуды, что и датирует время сооружения первых укреплений в Новгороде-Северском. Строительная прослойка вала перекрыла одно из упомянутых жилищ. В начале XI в. рядом с валом было построено новое, слегка углубленное жилище срубной конструкции с печью-каменкой, находившейся посередине, ближе к южной стене. Керамика из этой постройки — гончарная, типичная для XI в.

Таким образом, сооружение первых укреплений в Новгороде-Северском совпадает по месту (р. Десна) и времени со строительством порубежных крепостей Владимиром Святославичем. По-видимому, Новгород входил в число городов, основанных в его княжение.

Новый этап в жизни города приходится на конец XI—начало XII в., когда перестраиваются оборонительные линии детинца и возводится острог вокруг окольного города. Следы этого строительства зафиксированы в раскопках. Северо-западную часть детинца занимал княжеский двор. Здесь исследованы остатки большого (7,5×7,5 м) погребца-медуши, в котором хранились амфоры с напитками и маслом. Где-то поблизости была построена каменная церковь. Плинфа от нее со следами цемянки постоянно встречается при раскопках. Надо полагать, что это был храм Михаила, ставший впоследствии усыпальницей князя Олега Святославича. Жилища XI—XII вв. найдены как в детинце, так и на посаде (в окольном городе). В XII в. постройки становятся целиком наземными с деревянными или глинобитными полами. Среди находок обращают на себя внимание вислая свинцовая печать архаического типа князя Святослава Ярославича, обломки киевской и византийской стеклянной посуды, поливное крымское блюдо, шпоры, наконечники стрел и копий, литейные формочки, боевой топор.

В конце XII в. на территории будущего монастыря строится каменная

Спасская церковь, украшенная по фасадам пучковыми пилястрами, с майоликовым полом и фресковой росписью на стенах. Особенность храма — боковые апсиды-притворы, аналогичные притворам церкви в Путивле. Здесь, возможно, помещалась загородная княжеская резиденция, так как у фундаментов здания отмечен культурный слой с бытовыми находками XII в.

Археологические наблюдения вполне соответствуют сведениям письменных источников по истории Новгорода-Северского. Город основан в конце X в. в гуще славянских поселений на северо-восточной окраине Русской земли. Появление в Новгороде княжеского стола отмечено строительством новых укреплений, в том числе и вокруг окольного города. В XII в. город — центр обширного княжества — успешно развивается, возводятся каменные храмы, в его окрестностях появляются владельческие села со всякой готовишной, медным и железным «тяжким» товаром, запасами хлеба, табунами лошадей, челядью и пр. В 1239 г. Новгород был разрушен войсками Батыея. Слой гибели четко прослеживается в детинце. Здесь даже образовалась лента погребенного дерна. Лишь в конце XIII—начале XIV в. жители вернулись на пепелище.

Любеч. Один из древнейших русских городов (ныне районный центр Черниговской обл.). Упомянут летописью уже под 882 г., когда его захватил Олег во время похода на Киев³³. Древнее городище Любеча находится на высоком левом берегу Днепра. Оно состоит из детинца-замка (площадь около 0,3 га) и примыкающего к нему с юга и запада окольного города (площадь около 4 га). Сохранившиеся валы окольного города достигают высоты 12 м. Поселение было окружено открытыми селищами-посадами, а за грядой холмов находился курганный могильник. К самому городу подходили протоки Днепра, где, вероятно, располагалась пристань. В IX—начале XI в. Любеч являлся северными «воротами» Руси, где делали остановку моноksилы Константина Багрянородного на пути в Киев и далее в Византию. Любечу, согласно договору Олега с греками, полагалась часть дани с Византии, что указывает на его важное значение в системе Русского раннефеодального государства. Из Любеча родом были дед Владимира Святославича, Малко Любечанин, и знаменитый Антоний — основатель Печерского монастыря в Киеве. Под Любечем в 1015 г. произошла знаменитая битва между войсками Ярослава Мудрого и Святополка, открывшая Ярославу путь в Киев. Во второй половине XI в. Любеч становится одним из важных городов Черниговского княжества. Здесь в 1097 г. собираются русские князья на знаменитый съезд «положить поряд о Русской земле». Впоследствии город входил непосредственно в Черниговскую волость и как домениальное владение управлялся наместниками черниговского князя. В 1147 г. его подверг разрушению и жестокому грабежу Изяслав Мстиславич Киевский. Лишь к концу XII в. Любеч постепенно оправился от последствий погрома, и Святослав Всеволодович вновь (1180 г.) собрал в нем на сейм чернигово-северских князей. В 1239 г. Любеч, вероятно, разделил судьбу других левобережных городов и был сожжен Менгу-ханом. В XIV—XVI вв. город принадлежал великому княжеству Литовскому.

Сведения о Любечском городище появились в литературе в начале XX в. В конце XIX в. было исследовано несколько курганных насыпей

на Лисицкой горе и в урочище Высокое поле. Небольшие раскопки в детинце провел в 1948 г. В. К. Гончаров³⁴. В 1957—1960 гг. детинец был полностью раскопан Б. А. Рыбаковым, обследовались также окольный город и посады, велись раскопки оставшихся курганов³⁵.

Исследование территории замка сплошной площадью позволило Б. А. Рыбакову в деталях восстановить его историю. Овально-вытянутая (100×30 м) площадка детинца была окружена по периметру дубовыми городнями, над которыми возвышалась деревянная стена. К городням изнутри примыкал ряд жилых срубов с плоскими кровлями, служившими боевой площадкой. Единственный въезд в детинец находился в юго-западной части горы. Он начинался у ее подножия перекидным мостом через сухой ров. Вверх вела мощенная бревнами дорога, с двух сторон защищенная деревянными стенами. Они смыкались у главных ворот крепости, фланкированных двумя башнями. За воротами находился небольшой дворик для стражи, откуда имелся ход на стены. Слева от мощеной дороги глухой тын отгораживал хозяйственный двор замка со множеством клетей-кладовых для всяческих продуктов. За двориком стражи, отделяя его от остальной территории, возвышалась четырехугольная деревянная башня-донжон. Она имела не меньше четырех ярусов этажей. В ее подвалах находились ямы для хранения зерна и воды. В подземелье башни найден клад великолепных золотых и серебряных украшений. Следовательно, ее хозяином был знатный боярин: огнищанин — управитель княжеской вотчины или посадник — наместник князя в городе.

Башня-донжон контролировала все пути в замке. Только через нее можно было пройти на хозяйственный двор или к дворцу, стоявшему в глубине. Деревянный дворец представлял собой обширное (длина до 40 м, ширина 9—13 м) трехэтажное помещение с тремя высокими теремами. Нижний этаж, разделенный на множество маленьких клетей, служил для размещения челяди, поварен и хранения припасов. Второй этаж — с галереей-сенями на мощных столбах — был парадным: здесь устраивались пиры и проходили совещания князей. Около дворца стояла небольшая деревянная шатровая церковь, крытая свинцом. Рядом с ней находилось кладбище. В замке обнаружены мастерские ремесленников: кузня, по производству стеклянных браслетов и поливной посуды, по изготовлению шиферных пряслиц. Среди находок — оружие, орудия труда земледельцев, всевозможные бытовые вещи, в том числе несколько пряслиц с древнерусскими надписями.

Княжеский замок-двор в Любече был основан Владимиром Мономахом, но продолжал существовать и при Ольговичах. Археологические исследования здесь открыли яркую картину богатой княжеской вотчины, оживляющую реальными подробностями лаконичные статьи Русской Правды.

Любеч служит наглядным примером древнерусского города, в котором роль детинца выполнял феодальный двор. Судя по материалам из раскопок курганов, а также по данным письменных источников, древнейшее поселение в Любече возникло не позднее IX в. Исследования вала окольного города подтверждают этот вывод. Первый вал был насыпан во второй половине IX—начале X в., он перекрыл углубленное в землю жилище с лепной керамикой VIII—IX вв. В конце X—начале XI в. вал

досыпали поверх дубовых городен. На валу была сооружена сторожевая деревянная башня. О существовании Любеча в IX—X вв. свидетельствуют также три найденных здесь в разное время клада серебряных дирхемов 880—943 гг.

Оргоц. Упомянут в летописи под 1158 г. как город собственно Черниговской волости³⁶. Городище древнего Оргоща находится западнее современного с. Рогощи Черниговской обл., на левом берегу р. Белоус. К округлому в плане (диаметр около 200 м) городищу, окруженному кольцевым валом, примыкает неукрепленное селище-посад. Поселение исследовано Д. И. Блительдом³⁷. Обнаружены углубленные и наземные жилища X—XIII вв., хозяйственные постройки, различный бытовой инвентарь. Раскопки Оргоща продолжены В. П. Коваленко и А. В. Шекуном. В валу расчищены деревянные срубы.

Как и большинство укрепленных поселений в непосредственной близости от Чернигова (Любеч, Листвин), Оргощ возник в X в.

Путивль (ныне районный центр Сумской обл.). Впервые упомянут в летописи под 1146 г.³⁸ Детинец древнего города располагается в урочище Городок на правом берегу р. Сейм, при впадении в нее реки Путивлька. Поселение занимает четырехугольный мыс (площадь около 2,25 га). С трех сторон оно окружено балками и обрывом к реке, а с napольной стороны заметны следы вала и рва. Вал, по-видимому, окружал городище по периметру. В процессе раскопок по краю мыса обнаружены следы дубовых конструкций. Поселение претерпело значительные изменения в результате перестроек XVI—XVII вв. Памятник исследован В. А. Богусевичем, Б. А. Рыбаковым и О. В. Сухобоковым³⁹. В центре городища обнаружены фундаменты каменной церкви, построенной в канун Батыева нашествия. Культурный слой (толщина до 3 м) сильно перемешан. В основном его слагают отложения XVI и последующих веков. Вещи и сооружения домонгольской поры обнаружены лишь на самом материке. Найдены жилище-мастерская ювелира (тигли, льячки), жилище художника, хозяйственные помещения с обломками корчаг. Из вещей — обломки стеклянных браслетов, в том числе византийских, шиферные пряслица, костяные поделки, древнерусская (XII—XIII вв.) гончарная керамика, стрелы, ножи, замки, ключи и пр. Следы обширного посада (судя по летописи, укрепленного) отмечены на окружающих урочище высотах. Общая площадь города в XII—XIII вв. с прилегающими неукрепленными поселениями достигала 200 га. По археологическим данным детинец был укреплен в конце XI в. Город возник в густозаселенном районе, в центре группы роменских городищ IX—X вв.

В середине XII в. в Путивле появляется удельный княжеский стол, подчиненный Новгороду-Северскому. Во время осады 1146 г. победители разграбили в Путивле двор Святослава Ольговича, захватив богатую добычу. В 1239 г. Путивль разделил, по-видимому, участь большинства черниговских городов и был сожжен войсками Батыева.

Трубеч (совр. г. Трубчевск Брянской обл.). Впервые упомянут в летописи под 1185 г. как стольный город князя Буй-гура Всеволода, брата Игоря Святославича⁴⁰. Городище древнего Трубеча находится в юго-восточной части современного города, на правом берегу Десны. Поселение состоит из двух укрепленных частей — детинца (0,2 га) и окольного города

(3,6 га). Детинец занимает мыс-останец (урочище Городок), возвышающийся на 40 м над уровнем реки. От окольного города его отделяет ров, переходящий в овраг. Вокруг окольного города сохранились следы вала и рва. Памятник неоднократно обследовался археологами (М. В. Воеводский, В. П. Левенок, В. А. Падин). В детинце культурный слой (2 м) содержит отложения железного века (юхновская культура), VIII—X вв. (роменская культура) и древнерусского времени (XII—XIII вв.). Здесь обнаружены углубленные в землю жилища и хозяйственные ямы⁴¹. Раскопками П. А. Раппопорта в окольном городе вскрыты фундаменты каменного храма второй половины XII—начала XIII в.⁴² Пол церкви был вымощен майоликовыми плитками. Неподалеку раскопаны остатки двух последовательно сменивших друг друга наземных срубных жилищ того времени. Судя по археологическим данным, территория окольного города начала заселяться не ранее середины XII в.

Трубеч вместе с Курском входил в состав Новгород-Северского княжества. Его воины — «сведомые кмети» — участвовали во многих походах, несли сторожевую службу в степном порубежье.

Слободка (д. в Орловской обл.). Близ деревни, на высоком правом берегу р. Навля находится городище Большое Слободское. Поселение состоит из двух укрепленных частей — детинца (0,5 га) и окольного города (более 1,5 га). Округлый (диаметр 80 м) детинец укреплен кольцевым валом. С напольной стороны его охватывает окольный город, отделенный от детинца глубоким рвом и защищенный с северной стороны невысоким валом. Склоны городища крутые, почти отвесные. Въезд в детинец находился с юго-востока. С востока и запада к городищу примыкает неукрепленное селище-посад. Общая площадь поселения достигает 40 га. Памятник в течение нескольких лет исследовался Т. Н. Никольской⁴³. Детинец практически изучен полностью (4 тыс. кв. м). Основу вала составляли два ряда дубовых срубов, из которых внутренний был приспособлен для жилья и хозяйственных нужд. Вскрыты остатки нескольких деревянных башен. На внутренней площадке размещалось несколько усадеб, огороженных частоколами. Постройки — наземные (срубы) и углубленные в землю. Обнаружены остатки колодца. Расчищены следы большого (80 кв. м) дома. Найдены развалы сыроступного, кузнечного и медеплавильного горнов. Собрана коллекция различных предметов (орудия труда, оружие, украшения, бытовые вещи) XII—XIII вв. Поселение погибло в сильном пожаре. Судя по археологическим данным, оно существовало сравнительно недолго — с середины XII до середины XIII в. Следует отметить находку клада серебряных украшений того времени, обломков колокола и лампы.

Городище, по-видимому, является остатками неизвестного летописям небольшого города в земле вятичей. Он погиб в годину нашествия на Русь орд Батыея.

Дебрянск (Брянск). В черте города, на материковом останце правого берега Десны, в урочище Покровская гора, находится городище — остатки древнерусского Дебрянска, впервые упомянутого в летописи под 1146 г.⁴⁴ Поселение расположено в 0,5 км от реки, у ручья Верхний Судок, и возвышается над окружающей местностью на 40 м. Оно состоит из двух площадок. Большая имеет размеры 280×170 м, а мысовая, мень-

шая — 180×68 м. Следы валов прослеживаются плохо. Сохранились остатки рвов. Памятник исследован Т. В. Равдиной и Ф. М. Заверняевым⁴⁵. Культурный слой (2 м) содержит отложения древнерусского (конец XII—XIII в.) и более позднего времени. В предматериковом слое найдены обломки стеклянных браслетов, стеклянные перстни, шиферные пряслица и т. п. Таким образом, укрепленное поселение возникло здесь не ранее середины XII в. Рядом расположено неукрепленное селище.

В 40-е годы XII в. Дебрянск управлялся черниговскими посадниками, а во второй половине XIII в. в нем уже сидел свой князь.

Вщиж (Брянская обл.). Удельный город Черниговского княжества. Впервые появляется на страницах летописи под 1142 г.⁴⁶ Древнее поселение занимает треугольный мыс высокого левого берега Десны, при впадении в нее ручья. Городище состоит из детинца (площадь 1,2 га), окольного города (площадь 2,6 га) и обширного селища-посада. Сохранились остатки вала и рва, укреплявших Вщиж с напольной стороны, а также — следы рва, отделявшего детинец от окольного города.

О Вщиже мы узнаем из летописи в связи с усобицей черниговских князей с их старшим братом Всеволодом Ольговичем Киевским. Привлекая на свою сторону двоюродных братьев Давыдовичей, Всеволод уступил им из состава Черниговской волости Вщиж и Ормину. Земли, тянувшие к Вщижу, именовались Подесеньем. Здесь известны еще два небольших городка — Воробейна и Росусь. В 1156 г. во Вщиже образовался удельный княжеский стол, который занял Святослав Владимирович, сын Владимира Давыдовича. В 1161 г. Вщиж выдержал пятидневную осаду черниговских, киевских, смоленских и полоцких князей. После смерти бездетного Святослава Владимировича в 1166 г. вщижским князем стал один из сыновей Святослава Всеволодовича.

Вщижское городище привлекло к себе внимание во второй половине XIX—начале XX в. (Н. П. Горожанский, С. С. Деев, И. Е. Евсеев, М. М. Фомин, А. Н. Шульгин). Значительные раскопки памятника проведены Б. А. Рыбаковым в 1940, 1948—1949 гг.⁴⁷ Обнаружено, что первые древнерусские укрепления были возведены на месте более древнего (IX—X вв.) славянского поселения. В X в. городище занимало лишь самую стрелку мыса и, возможно, играло роль временного стана на пути киевского полюдяя. В середине XII в. в связи с превращением Вщижа в удельный город расширяется территория детинца, валами и рвами обводятся окольный город, где строится каменный храм. Как показали раскопки, при перестройке оборонительных сооружений на стрелке мыса была поставлена деревянная шестиугольная башня. Другая деревянная башня-донжон возводится в центре детинца. Найдены остатки дворца, а также жилищ рядовых и знатных горожан. Собран разнообразный материал: детали убранства храма, западноевропейский бронзовый водолей, пряжка с золотым оленем, личина от шлема, кабаний клык с древнерусской надписью, орудия труда, украшения. В окрестностях городища найден древнерусский гончарный горн с посудой. Мощной «пожарной» прослойкой отмечена гибель поселения во время Батыева нашествия.

Серенск (ныне д. Калужской обл.). Принадлежал к числу городов, расположенных в Черниговской волости «Вятичи». О первом упоминании Серенска в летописи нет единого мнения. В Ипатьевском списке сказано,

что, возвращаясь в 1147 г. из Москвы, Святослав Ольгович пошел сначала к Лобынску, а затем к Неринску⁴⁸. Но в Воскресенской летописи вместо Неринска назван Серенск⁴⁹. Предпочтительным кажется чтение более древнего Ипатьевского списка, поскольку Серенск находится вдали от р. Ока. Обе же летописи согласно утверждают, что Святослав, подойдя к городу, «перешед Оку и ста». Бесспорным тогда остаются упоминания Серенска в Летописце Переяславля-Суздальского под 1207 г. и в Новгородской Первой летописи под 1232 г.⁵⁰

Древнее городище занимает высокий мыс правого берега р. Серена, при впадении в нее безымянного ручья. С севера поселение защищала река, а с запада и востока — глубокие овраги. К треугольному в плане детинцу (площадь 0,2 га) примыкает трапецевидный, обнесенный с трех сторон валом, а с напольной — еще и рвом окольный город (площадь около 2,8 га). На береговом плато за окольным городом располагалось неукрепленное селище-посад.

В конце прошлого века памятник был частично исследован И. И. Булычевым. В последние годы раскопки Серенска вела Т. Н. Никольская (в детинце вскрыто более 1000 кв. м)⁵¹. Культурный слой разделяется на три горизонта: IV—VII вв. (мощинская культура), XII—XIII вв. (древнерусское время) и XIV—XVI вв. Средний горизонт насыщен углями, золой, обгоревшими плахами, мелкими камнями и множеством вещей. Судя по типологии находок, он относится ко времени Батыева нашествия. Здесь вскрыты плохо улавливаемые остатки срубных наземных жилищ с печами-каменками, хозяйственных построек, а также погребения и беспорядочные скопления человеческих костей — следы гибели города в страшном пожаре 1238 г.

Особый интерес представляет собранная в Серенске коллекция, характеризующая высокое развитие ремесла в этом маленьком городке, затеряншемся в вятичских землях. Найдены инструменты для обработки железа и дерева. Серия каменных литейных форм, в том числе с древнерусской надписью, для изготовления полых украшений (колтов, бус, височных колец), а также пластинчатых и створчатых браслетов, перстней, подвесок, крестиков свидетельствует о незаурядном мастерстве серенских ювелиров, мало в чем уступавших «кузнецам меди и серебру» из столичных центров. Открыта также мастерская стеклодела, изготовлявшего браслеты. Среди находок — предметы вооружения, сельскохозяйственные орудия, бытовые вещи, два золотых перстня.

Серенск был основан, по-видимому, в середине XII в. на почти необжитом месте. Он сразу строился как городской центр, о развитии которого заботились черниговские князья. Город контролировал сухопутную дорогу из Подесенья и более южных областей на северо-восток. Надо полагать, Серенск являлся доменiallyным владением Михаила Всеволодовича Черниговского, иначе трудно объяснить походы суздальских князей (в случаях конфликта с Михаилом) на этот город.

Воротынцево (д. Орловской обл.). Напротив деревни, на правом высоком берегу р. Зуша сохранилось городище, состоящее из двух укрепленных частей. Детинец, треугольный в плане (площадь около 1 га), занимает мыс, защищенный валом и рвом с напольной стороны. К нему примыкает окольный город (150×96 м), также обнесенный валом. Поселение иссле-

довано Т. Н. Никольской⁵². Культурный слой содержит отложения различных эпох: раннего железного века, IV—VII вв. (мошинская культура), конца I тысячелетия н. э. (роменская культура) и древнерусского времени. Укрепления окольного города возведены, по-видимому, в XII в. Тогда же обновлены валы детинца. При раскопках обнаружено множество обломков гончарной посуды, стеклянных браслетов, решетчатый перстень, фрагмент серебряного вятичского височного кольца.

Спас-Городок. Между деревнями Спас и Городок (Калужская обл.), на левом берегу Оки, недалеко от впадения в нее р. Угра, находится городище. Его детинец занимает прямоугольный мыс (площадь 0,3 га), укрепленный с напольной стороны высоким валом и глубоким рвом. С юго-запада к детинцу примыкает окольный город (площадь около 0,3 га), защищенный с трех сторон валами.

Памятник исследован П. Н. Третьяковым, П. А. Раппопортом и Т. Н. Никольской⁵³. Укрепления детинца относятся к XI в., а окольного города — к XII в. При раскопках обнаружены остатки наземных и углубленных в землю жилищ, сыродутных горнов. Среди находок — топоры, косы, ножи, пешни, наконечники стрел и копий, целая сабля, обломки стеклянных браслетов, замки и ключи к ним, вятичские семилопастные височные кольца, шиферные пряслица. Найдены обрывки кольчуг, крест-энколпион, янтарный крестик, перстни, браслеты и др. Имеются также материалы второй половины XIII—XV в. По мнению П. А. Раппопорта, поселение можно отождествить с древним Воротынском⁵⁴ до его переноса в XIV в. на новое место.

ГАЛИЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Перемышль (ныне г. Пшемысль в ПНР). Древнейший центр юго-западных земель Руси. Впервые упомянут в летописи под 981 г.⁵⁵ Следы древнего городища сохранились на высоком мысу (Замковая гора) правого берега р. Сан при впадении в нее р. Вяра. Городище состоит из двух укрепленных частей — детинца и окольного города общей площадью около 8 га. К укрепленной части поселения примыкали обширные селища-посады.

Расположенный на русско-польском пограничье, Перемышль на рубеже X—XI вв. прочно входит в состав Древнерусского государства. Его князем во второй половине XI в. становится Рюрик Ростиславич, а затем его брат Володарь. С утверждением столицы в Галиче Перемышль сохраняет важное значение социально-экономического центра особой Перемышльской земли (волости) и иногда передается галицким князем во временное держание другим князьям. В летописях упомянуты села вокруг города и княжеский двор с множеством всякого товара, находившийся под городом. В Перемышле был свой тысяцкий, руководивший городским ополчением.

Раскопками польских археологов (50—60-е годы XX в.) установлено, что детинец Перемышля в X в. был обнесен валом, основу которого составляла срубная конструкция. Окольный город, вероятно, был укреплен во второй половине XI в. Во время раскопок обнаружены остатки углубленных в землю (X—XI вв.) и наземных (XII—XIII вв.) жилищ. Исследо-

ваны руины двух каменных храмов и княжеского дворца (XI—XIII вв.). Среди вещевых находок — обломки стеклянных браслетов, височные кольца киевского типа, кресты-энколпионы, шиферные пряслица, вислые свинцовые печати князя Давыда Игоревича. На противоположном берегу р. Сан раскопаны восемь гончарных и два железоплавильных горна.

Звенигород (совр. с. Звенигород Львовской обл.). Назван в летописи под 1086 г. в связи с убийством в его окрестностях князя Ярополка Изяславича⁵⁶. Остатки сильно разрушенного древнего городища занимают возвышение среди болотистой низины, где три притока сливаются в р. Белка. Детинец, четырехугольный в плане (площадь 3 га, по другим данным — 8 га), находится на невысоком мысу в юго-западной части поселения. От окружавших его некогда по периметру валов и рвов сохранились лишь небольшие отрезки. С востока и севера к детинцу примыкал окольный город (площадь около 13 га). Кругом, в урочищах Загородище, Стяги, Замосточье и др., располагались открытые селища-посады. В конце XI—начале XII в. Звенигород был стольным городом Володаря Ростиславича. Позже Звенигород иногда получали младшие галицкие князья. Город занимал стратегически важное положение на пути в Киев и на Волынь.

Случайные находки древнерусского времени на территории Звенигорода привлекли к нему внимание любителей-археологов и историков в конце XIX—начале XX в. Стационарные археологические исследования осуществлены здесь в 1953—1973 гг. (И. К. Свешников, Г. М. Власова, В. С. Шеломенцев-Терский, А. А. Ратич)⁵⁷. Вскрыто более 6 тыс. кв. м. В детинце обнаружены фундаменты небольшого (12,5×10,5 м) трехнефного храма с пристроенной к нему усыпальницей. К северо-востоку от храма исследованы Г-образные в плане фундаменты дворцового помещения. При изучении остатков вала детинца открыты следы внутривальных деревянных конструкций. Судя по находкам, первые поселения на территории Звенигорода возникли в X в. Укрепления строились, надо полагать, в середине — второй половине XI в. В Звенигороде раскопано 43 углубленных в землю (X—XI вв.) и 46 наземных (XII—XIII вв.) жилищ, а также много погребений древнерусского времени (в том числе в каменных ящиках и саркофагах). О развитии ремесла свидетельствуют мастерские косторезов, сапожника, орудия труда ювелиров, плотников, кузнецов. Из предметов вооружения найдены меч, наконечники стрел и копий, боевые топоры, стремена, шпоры. С территории княжеского двора происходит золоченый крест-энколпион, инкрустированный белой и синей эмалью. В коллекции вещей — семь древнерусских свинцовых печатей и византийская монета XI в. Развитие Звенигорода было прервано нашествием Батые в 1241 г.

Теребовль (совр. с. Зеленче Тернопольской обл.). Назван впервые в летописи под 1087 г. как столица Василька Ростиславича⁵⁸. Древнее городище (площадь более 2 га) расположено на мысу при слиянии рек Гнезна и Серет. Детинец города был укреплен дугообразным валом (высота 3 м) и рвом, ныне почти полностью уничтоженным. С северо-запада к детинцу примыкал окольный город, вытянувшийся вдоль берега и также защищенный валом и рвом. Вокруг находились неукрепленные селища-посады.

После Василька Ростиславича в Тереховле княжил его сын Иван, умерший бездетным в 1141 г. Тогда вся Галицкая земля объединилась под властью Владимира Володаревича, а Тереховль утрагил статус стольного центра. Однако город оставался центром волости и еще в начале XIII в. передавался в кормление младшим галицким князьям.

Археологические исследования на территории Тереховля (И. К. Свешников, Г. М. Власова)⁵⁹ показали, что город возник не раньше второй половины XI в. Большинство материалов из раскопок (серебряные и бронзовые украшения, две древнерусские свинцовые печати, пряслице с надписью, каменные литейные формочки, стеклянные браслеты, бытовые вещи) относится к XII—середине XIII в. После нашествия Батыя Тереховль пришел в упадок.

Плеснеск. Городище находится к югу от с. Подгорцы Львовской обл., у хут. Плиснеск. Впервые упомянут в летописи под 1188 г.⁶⁰ Поселение расположено на мысовидном выступе возвышенного плато. Городище (общая площадь с нижней частью около 150 га) имеет сложную систему укреплений. С трех сторон оно защищено обрывистыми склонами, а с четвертой, напольной, — семью линиями валов и рвов. Единого мнения о времени их сооружения нет. Представляется убедительным предположение П. А. Раппопорта, что древнерусскими являются лишь детинец и первый окольный город (площадь 4 га), занимающие оконечность мыса⁶¹. Остальные валы и рвы были, по-видимому, сооружены значительно раньше. Детинец (40×90 м) прикрыт валом (высота до 10 м) и рвом. К нему примыкает окольный город (150×220 м), также защищенный валом и рвом. Поселение в детинце возникло в IX—X вв., а укрепления окольного города датируются XII—XIII вв.

В Плеснеске проведены значительные раскопки (М. П. Кучера, И. Д. Старчук)⁶². В валах детинца вскрыта каменная конструкция из трех параллельных рядов кладки. Найдены 48 углубленных в землю построек и 23 наземные. Собрана коллекция разнообразных бытовых предметов: лепная и гончарная керамика, орудия труда (два наральника, чересло, 19 серпов, четыре косы, железные шлаки, крицы, зубила, литейная формочка), оружие (обломки мечей, наконечники стрел, булава, кистени, шпоры), украшения, поливные керамические плитки. Исследованы остатки ювелирной мастерской. Заслуживают внимания серебряный перстень с тамгообразным знаком на щитке, две свинцовые вислые печати, резная костяная пластинка от шкатулки западноевропейской работы.

В конце XII—первой половине XIII в. галицким князьям приходилось отбирать Плеснеск у могущественных галицких бояр. Так, под 1232 г. летопись сообщает, что князь Даниил Романович «взял Плеснеск под Арбузовичами»⁶³. По-видимому, пользуясь смутами и ослаблением княжеской власти, галицкие бояре стремились превратить некоторые города в вотчинные владения.

Василев (с. Черновицкой обл.). На невысоком мысу правого берега Днестра (напротив устья р. Серет) в урочище Замчище находится городище — остатки древнерусского Василева, упомянутого в летописи под 1229 г.⁶⁴ С трех сторон поселение (130×110 м) защищают крутые склоны, а с четвертой (напольной) — дугобразный вал и ров, плохо сохранившиеся. За валом расположен обширный посад: выходы культурного слоя

отмечены на протяжении 3 км вдоль Днестра. Возможно, часть прилегающей к детинцу территории была в древности укреплена. В процессе исследования (Б. А. Тимошук)⁶⁵ в детинце обнаружены остатки деревянной церкви XII—XIII вв. Детинец окружала деревянная стена срубной конструкции. На посаде найдены следы наземных жилищ, гончарные горны и пр. В юго-восточном углу посада сохранились руины белокаменного храма XII—XIII вв. Здесь встречены майоликовые плитки, кресты-энколпионы, обломки хороса, погребения в каменных саркофагах, на одном из которых вырезаны княжеские знаки. Среди находок есть наконечники стрел, бронзовое навершие булавы, височные кольца, обломки стеклянных браслетов.

Ленковцы (с. Черновицкой обл., на окраине г. Черновцы). Округлое (диаметр площадки 80 м) городище расположено в низменной местности (частично разрушено). По периметру городище окружено валом (высота 3,8 м) и рвом (глубина 3,5 м). Сохранились следы второй линии обороны (остатки рвов, соединяющихся с соседними речками). Общая укрепленная площадь поселения достигает 30 га. Городище исследовано Б. А. Тимошуком⁶⁶. Валы были построены во второй половине XII в. С внутренней стороны в них размещался сплошной ряд дубовых срубов (4,4×1,5—2 м), приспособленных для жилья и хозяйственных нужд. В срубах обнаружены остатки печей, деревянных нар. На вершине вала сохранились следы деревянной стены столбовой конструкции. На территории детинца исследованы наземные, частично углубленные в материк постройки. Среди находок — шесть железных и бронзовых писал, предметы с надписями, обрывки кольчуг, наконечники стрел, осколки оконного стекла, обломки стеклянных браслетов, копьё, шпора. На посаде найдены остатки железоплавильных горнов, следы производства поливных керамических плиток, косторезная мастерская. Б. А. Тимошук считает Ленковицкое городище историческим предшественником Черновцов, упомянутых в письменных источниках уже в 1408 г. Городище погибло в пожаре времен Батыева нашествия.

ВЛАДИМИРО-ВОЛЫНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Сутеска (с. Сонсядка, ПНР). Один из самых западных древнерусских городов, близ которого в 1069 г. Владимир Мономах заключал мир с поляками⁶⁷. Остатки древнего городища занимают мыс при слиянии рек Пор и Вепш (Вепр). Укрепленная часть поселения состоит из трех площадок (общая площадь около 3 га). Детинец (37×30 м), прямоугольный в плане, по периметру обнесен валом (высота 3 м), а с юго-восточной стороны — и рвом. Следы проездных ворот сохранились на восточной и западной сторонах. С севера к детинцу примыкает окольный город I, с востока укрепленный валом, а с запада ограниченный крутыми склонами мыса. С севера его защищает болотистая пойма р. Пора. Ворота прослеживаются с юго-востока. К детинцу и окольному городу I с юга и востока примыкает окольный город II, в свою очередь защищенный линией валов и рвов.

Сутеска входила в число Червенских городов, из-за которых спорили Русь и Польша в конце X—первой половине XI в. Как форпост Руси

на ее западных рубежах город первым служил объектом нападения⁶⁸.

Раскопками польских исследователей установлено, что укрепления детинца и окольного города I были возведены одновременно, в первой половине XI в., на месте более древнего поселения IX—X вв. Укрепления окольного города II построены позже, на рубеже XI—XII вв. Основу конструкции валов составляли ряды деревянных срубов⁶⁹. На городище обнаружены остатки углубленных в землю жилищ, хозяйственные ямы, древний колодец. Кроме обломков гончарной посуды, найдены различные орудия труда, оружие, украшения, свинцовые вислые печати князя Давыда Игоревича. На территории поселения открыт грунтовой могильник XI—XIII вв. Исследователи в целом датируют памятник IX—XIII вв., хотя он упомянут в «Списке русских городов дальних и ближних» конца XIV в.

Белз (совр. г. Белз Львовской обл.). Принадлежал к числу Червенских городов и был отвоеван Ярославом Мудрым в 1030 г.⁷⁰ Остатки древнего города расположены на низком левом берегу р. Солокия, между ее основным и старым руслами, в урочище Замочек. Укрепленная часть поселения состоит из двух частей — детинца и окольного города. Валы и рвы местами сильно разрушены. Детинец (площадь около 4 га) прямоугольных очертаний (220×190 м) был обнесен по периметру валом. Примыкавший к нему с юго-востока окольный город (площадь около 3 га) укреплен валом с трех сторон, кроме обращенной к детинцу. Город окружен неукрепленными селищами-посадами, занимавшими соседние возвышенности среди болотистой низины.

В конце XII в. Белз с волостью выделяются из состава Червенских земель. В городе появляются удельные князья, а в источниках — отдельные упоминания о Червенской и Белзской землях. Белз приобретает в Волынском княжестве важное значение, которое сохраняет до середины XIV в.

Древности Белза известны в специальной литературе с конца XIX в. В 30-е годы XX в. памятник осматривался Л. Чачковским, составившим его описание. В 1963 г. город обследовал П. А. Раппопорт. Систематические раскопки в Белзе проводит экспедиция под руководством В. М. Петегрича⁷¹.

В детинце мощность культурного слоя превышает 2,5 м, а в окольном городе — 1,5 м. Обнаружены остатки наземных домов с глинобитными полами, хозяйственные ямы, развал гончарного горна. Среди находок — гончарная древнерусская посуда, орудия труда, ножи, боевой топор, наконечники стрел, шпоры, обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, изделия из кости, свинцовая печать с надписью «Дьнеслово» и изображением св. Федора. Абсолютное большинство находок датируется XI—XIV вв., преобладают материалы XII—XIII вв.

Червен (с. Чермно, ПНР). На пяти островах среди болотистой низины, при слиянии рек Синюха и Гучва находится городище (Большое Замчиско) — остатки древнерусского города Червен, впервые упомянутого в летописи под 981 г.⁷² Червен является центром особой волости — Червенской земли⁷³. Города, находившиеся здесь, назывались Червенскими⁷⁴. В начале XII в. Червен управлялся посадниками. Во второй половине этого столетия там уже был удельный княжеский стол.

Вместе с неукрепленными посадами поселение занимает площадь 700×300 м. Овальный (125×79 м) в плане детинец расположен на всхолмлении и окружен по периметру валом (высота 5 м). Въезд находился с юга. Рядом, на территории, несколько приподнятой над болотом, размещался окольный город, вокруг которого сохранились следы вала. Общая укрепленная часть Червена достигает 4 га. При исследовании (К. Язджевский) обнаружены следы наземных и углубленных в землю жилищ, хозяйственных построек и т. п.⁷⁵ Валы насыпаны из земли, без применения внутривальных деревянных конструкций. Среди находок есть шиферные пряслица, трубчатые замки, обломки стеклянных браслетов и перстней, каменные крестики, кресты-энколпионы, ажурные трехбусинные височные кольца и пр. Укрепленное поселение было основано в середине X в. и существовало вплоть до второй половины XIII в.

Изяславль. Упомянут в летописи под 1241 г. как один из городов, разоренных войсками Батыею во время их похода на запад⁷⁶. Городище расположено на мысу, образованном течением р. Гуска, у восточной окраины с. Городище Хмельницкой обл. Поселение состоит из небольшого (0,63 га) детинца и окольного города (площадь около 3 га). С западной (западной) стороны и со стороны понижающейся стрелки мыса (юго-восток) оно защищено тройной линией валов и рвов. Детинец занимает юго-восточный угол городища и по всему периметру окружен валом. В системе укреплений прослеживается два въезда — юго-западный (основной) и южный. Между детинцем и окольным городом ворота не отмечены. В плане городище имеет неправильную, слегка округлую форму, использующую защитные свойства рельефа местности. Плановая схема укреплений Изяславля во многом соответствует характеру укреплений поселений Болховской земли.

Город, находившийся в междуречье Случи и Горыни, на Киево-Волынском пограничье, был, по-видимому, основан князем Изяславом Мстиславичем в середине XII в. Он входил, вероятно, в состав Волынского княжества и был одним из важных опорных пунктов на его восточных рубежах.

В археологической литературе городище известно с конца прошлого века (Д. Я. Самоквасов, В. Б. Антонович). Поселение почти полностью исследовано М. К. Каргером в 1957—1964 гг. Вскрыта вся площадь памятника в пределах первого внутреннего вала (3,6 га), объединявшего детинец и окольный город⁷⁷. Изучены конструкции оборонительных сооружений и собрана обширная коллекция древнерусских предметов XII—XIII вв. На основании результатов раскопок и анализа пути движения войск Батыею М. К. Каргер отождествил исследованный памятник с летописным Изяславлем. По мнению М. К. Каргера, после разорения древнего города его имя перешло к вновь отстроенному во второй половине XIII в. на берегу р. Горынь (совр. г. Изяслав Хмельницкой обл.).

Хотя материалы раскопок опубликованы лишь частично, они имеют важное значение для понимания социально-политической сущности поселений, подобных Изяславлю. Во внутреннем валу окольного города и внешнем валу детинца обнаружены остатки деревянных клетей, служивших жилыми и хозяйственными помещениями. В них найдены разнообразные бытовые вещи, запасы зерна. От построек на площадке горо-

дища зафиксированы лишь развалы печей. Следовательно, дома были наземной конструкции. Среди находок много сельскохозяйственных орудий: наральники, чересла, серпы, косы, оковки лопат. Они встречались иногда вместе по нескольку штук. Не удалось обнаружить ни одного четко выраженного производственного комплекса. Однако инструментарий ремесленников (литейные формы, тигли, матрицы для тиснения колтов, зубила, молотки, долота, напильники, пробойники), отходы производства (шлаки) и железные крицы найдены неоднократно. Собраны десятки тысяч обломков стеклянных браслетов, много серебряных височных колец волынского типа, крестов-энколпионов и крестиков-корсунчиков, резных каменных иконок. Широко представлены все виды вооружения: мечи, сабли, булавы, копья, топоры, кистени, наконечники стрел, шлемы, кинжал, кольчуга, а также стремена, шпоры (в том числе со звездчатым колесиком). Найдены западноевропейские бронзовая чаша и серебряный реликварий. Обнаружено 17 кладов, из которых восемь (все — в пределах окольного города) содержали различные металлические вещи парадного боярско-княжеского убора. В одном из кладов сохранились две свинцовые вислые печати. Существенно, что ни разу оружие профессиональных воинов не встречено вместе с хозяйственным инвентарем. Абсолютное большинство находок сделано в слое пожарища, хорошо датированном серединой XIII в. Картину гибели небольшого городка довершают груды человеческих костей, разбросанных по всей его площади. По подсчетам Д. Г. Рохлина, в крепости погибло более 1,5 тыс. человек.

Изяславль был основан не на пути кочевнических вторжений к центрам Руси, а в пограничной полосе между Киевским, Волынским и Галицким княжествами. Он строился по единому плану, но не как исключительно военное поселение, а как город. Изяславль возник в момент кристаллизации самостоятельного Волынского княжества, подчинившего себе часть бывших киевских волостей. Его назначение — не только охрана рубежей, но и организация управления определенной волостью. Единновременное основание Изяславля стоит в одном ряду со строительством городов в Смоленском, Суздальском, Черниговском и Рязанском княжествах. Материалы раскопок городища в известной мере подтверждают сделанные наблюдения. Детинец, лишенный аристократических находок, был местом размещения временной княжеской засады. В окольном городе жили местные феодалы и непривилегированное население. Связь части горожан с земледелием не вызывает удивления, так как она свойственна многим городам даже позднего средневековья.

Дорогобуж (с. Ровенской обл.). Близ села на высоком левом берегу р. Горынь, находится городище — остатки древнерусского города, впервые упомянутого в летописи под 1084 г.⁷⁸ Поселение состоит из нескольких частей (общая площадь свыше 3 га). Центральная площадка отделена от остальной территории естественными рубежами. Уступ делит ее на восточную и западную части. Восточная часть (70×100 м) являлась, по-видимому, детинцем. С запада и юго-запада ее защищал сильно оплывший ныне вал. С востока к центральной площадке примыкает окольный город (100×110 м), укрепленный округлым валом⁷⁹. К центральной части городища примыкает еще несколько площадок и земляных сооружений. Их отношение к древнерусскому поселению не выяснено.

Памятник исследован Ю. М. Никольченко⁸⁰. Культурный слой (2,8 м) содержит отложения XIV—XIX вв. и древнерусского (XI—XIII вв.) времени. Обнаружены остатки наземных и углубленных в землю жилищ, хозяйственные сооружения, шиферные пряслица, обломки стеклянных браслетов, замки, ножи, ключи, удила, серпы, коса, наральник, наконечники стрел, навершие булавы. Особо следует отметить находку вислой свинцовой печати с изображением св. Давида и процветшего креста по сторонам. Обнаружен также клад серебряных украшений. В нижней части стен Успенской церкви в Дорогобуже найдены участки кладки из плинф⁸¹.

Дорогобуж уже в конце XI в. был выделен в удел Давиду Игоревичу. Город стал центром Погорынской волости. В 1150 г. Изяслав Мстиславич сажает здесь своего сына⁸². Жители Дорогобужа выступают как самостоятельная сила: они торжественно встречают князей и оговаривают при этом права города.

Пересопница (с. Ровенской обл.). Близ села, на правом берегу р. Стубла, находится городище — остатки древнерусской Пересопницы, впервые упомянутой в летописи под 1149 г.⁸³ Площадка поселения, трапециевидная (130—220×220 м) в плане, окружена валом (высота 3 м) и возвышается над болотистой речной долиной на 2—3 м. С напольной стороны сохранился широкий ров. Здесь же расположен въезд. К городищу (общая площадь свыше 4 га) примыкает большое открытое селище-посад. Памятник исследован В. С. Шеломенцевым-Терским. Культурный слой содержит отложения древнерусского (XI—XIII вв.) и более позднего времени. Обнаружены остатки углубленных в землю жилищ, хозяйственных построек, косторезной мастерской. Найдены наконечники стрел, удила, замки, ключи, шиферные пряслица, обломки стеклянных браслетов, перстни, писала, вислая свинцовая печать и пр. Судя по археологическим данным, укрепления Пересопницы были возведены в конце XI в. В середине XII в. в Пересопнице в роли киевских удельных князей сидели сыновья Юрия Долгорукого. Город вместе с Дорогобужем был центром Погорынских волостей. С конца XII в. Пересопницу прочно удерживали волынские князья.

Берестий (совр. г. Брест). Впервые упомянут в летописи под 1019 г.⁸⁴ Следы древнего поселения обнаружены на мысу при впадении р. Мухавец в Буг. Здесь, судя по планам XVII—XVIII вв., находился детинец древнего города. Укрепления детинца не сохранились. По-видимому, они уничтожены при строительстве укреплений Брестской крепости.

Берестий был центром самых западных, граничивших с Польшей и ятвягами, русских земель. В начале XI в. Русь и Польша соперничали из-за влияния на них. До середины XII в. Берестий с волостью подчинялся киевским князьям. Уже с конца XI в. берестыяне выступают как самостоятельная военная сила⁸⁵. В середине XII в. в Берестье появляется собственный князь, а в начале XIII в. берестыяне уже сами приглашают к себе княжить детей Романа Мстиславича.

Систематические раскопки в Бресте проводит П. Ф. Лысенко⁸⁶. Культурный слой в детинце достигает мощности 7 м. Он хорошо консервирует органику, содержит несколько ярусов жилых и хозяйственных построек. Город был плотно застроен однокамерными срубамы (3×4; 4,2×4,4 м).

Некоторые срубы сохранились на высоту 8—12 венцов. Дома стояли тесно друг к другу. Улицы мостились деревом. В нескольких случаях удалось проследить дворовые настилы из колотых досок и частоколы, отделявшие одно хозяйство от другого. При раскопках найдены обломки древнерусской гончарной посуды, сошники, серпы, косы, топоры, тесла, сверла, пробойники, наконечники стрел, копий, дротиков, части пластинчатого панциря, шпоры, удила, каменная литейная формочка, ножи, ножницы, замки и ключи к ним, кресала, пряжки, перстни, браслеты, биллоновый колт, обломки стеклянных браслетов, изделия из кожи, кости и дерева. Обнаружен двусторонний самшитовый гребень с вырезанной на нем древнерусской азбукой начала XIII в. На острове между правым и левым рукавами р. Мухавец, под руинами цитадели Брестской крепости, обнаружены следы окольного города. Культурные отложения Бреста датируются XI—XIII вв. и более поздним временем.

Дорогичин (совр. г. Дрогичин-Надбужский в ПНР). В черте города, на мысу-останце правого берега Буга — городище (Замкова Гора) — остатки древнерусского Дорогичина, впервые упомянутого в летописи под 1142 г.⁸⁷ Овальная (100×60 м) площадка поселения возвышается на 36 м над уровнем реки и отрезана от берегового плато глубоким рвом. Вал, облицованный снаружи глиной, сохранился только с напольной стороны. Значительная часть городища размыта рекой. С запада к городищу примыкает обширный (300×100 м) посад. Судя по месторасположению — отдельная возвышенность на берегу — и особенностям рельефа, эта площадка также могла быть укреплена в древности. Памятник исследован Н. П. Авенариусом и К. Мусянович⁸⁸. Культурный слой в различных местах поселения достигал мощности 1—3 м. Обнаружены остатки наземных жилищ, хозяйственных построек, производственных (косторезный, железоделательные) комплексов. При раскопках найдены самые различные вещи: орудия труда, оружие, бытовые предметы. Среди находок — обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, одно- и двусторонние костяные гребни, серебряные и бронзовые кольца, подвески, пуговицы и пр. На костяной ручке ножа сохранилась древнерусская надпись XII в. Особое внимание привлекают огромное количество товарных пломб и четыре вислые свинцовые печати XI—начала XII в. Основной комплекс находок датируется XI—XIII вв.

К середине XII в. Дорогичин выделяется из Берестейской волости в самостоятельную область. Здесь Даниил Романович в 1240 г. построил церковь Богородицы. С конца XII в. Дорогичин удерживали в своих владениях волинские князья. В нем Даниил короновался королевским венцом. Город был важным пунктом на границе с Польшей. Через него на Запад шел поток товаров из русских земель.

Городен (совр. г. Гродно). Центр древнерусского Понеманья (Черная Русь). В летописи под 1128 г. упомянут Всеволод Городенский, сын Давыда Игоревича, зять Владимира Мономаха, первый городенский князь⁸⁹. Следы древнего городища (Старый Замок) сохранились на высоком треугольном мысу при впадении р. Городничанка в Неман. Детинец (площадь около 0,8 га) был по периметру укреплен валом. К востоку от него, за глубоким оврагом, расположен Новый Замок — окольный город. Ныне его укрепления не прослеживаются. Однако на старинных планах

окольный город от остальной территории отделен рвом. Таким образом, общая укрепленная площадь древнего Гродно приближалась к 4 га. В центре детинца стояла каменная (нижняя) церковь XII в. На противоположном берегу Городничанки, в местности Коложе, сохранились остатки другого каменного храма XII в. — Борисоглебского. Здесь, по-видимому, была посадская территория Гродно.

О местоположении Городена в XII в. велась оживленная дискуссия. Некоторые исследователи полагали, что летописное Гродно находилось не на Немане, а в 50 км к юго-востоку от Пинска, в одноименном местечке. Другие считали, что в летописи упомянуты два города: неманский и припятский. Споры разрешились благодаря археологическим раскопкам и исследованиям. Оказалось, что припятское Гродно вовсе не имеет культурного слоя. Гродно же неманское, наоборот, дало в руки исследователей обширные древнерусские материалы XI—XIII вв.

В 30-е годы XX в. систематические раскопки в Гродно вели польские археологи. Эти работы были продолжены в 1949 г. Н. Н. Ворониным⁹⁰. Было установлено, что жизнь на детинце началась во второй половине—конце XI в. Город, надо полагать, был основан Давыдом Игоревичем или его отцом. Ранние укрепления сгорели в сильном пожаре. По мнению Н. Н. Воронина, на первом этапе своей истории Городен являлся важным замком-крепостью на западных рубежах Руси. С образованием здесь в начале XII в. княжеского стола укрепления возобновляются, частично в камне. Возможно, остатки нескольких кирпичных построек были не башнями, а теремами. Вероятно, тогда же укрепляется окольный город. Детинец застраивается наземными деревянными домами, дворами-усадебями, мощенными деревом улицами. Среди находок обильно представлены предметы вооружения, орудия труда ремесленников (ювелиров, косторезов, кузнецов), пряслица (одно — с надписью), бытовые вещи. Обращают на себя внимание высокохудожественные привозные изделия, свинцовая древнерусская печать. Материальная культура Городена аналогична культуре других городов Древней Руси XII—XIII вв. В 1980 г. на территории бывшего базилианского монастыря раскопаны остатки еще одной церкви конца XII в. Во второй половине XIII в. Городен попадает под власть литовских князей.

Новгородок, Новгородок-Литовский (совр. г. Новогрудок Гродненской обл.). Появляется на страницах летописи сравнительно поздно. Под 1235 г. упоминается князь Изяслав Новгородский⁹¹. В 1252 г. в Новгородке был коронован Миндовг — великий князь литовский. Городище древнего Новгородка сохранилось на северной окраине современного города. Детинец занимает треугольный в плане мыс (110×80 м) и укреплен по периметру валом. С напольной (западной) стороны, помимо высокого вала, проходит глубокий дугообразный ров. Здесь же в древности находился въезд. Окольный город неправильной треугольной в плане формы (225×130 м) примыкает к детинцу с запада. Далее на соседней возвышенности располагался открытый посад. Общая площадь Новгородка превышает 2,5 га.

Многолетние археологические исследования в городе ведет Ф. Д. Гуревич⁹². Оборонительные укрепления изучены П. А. Раппопортом и М. А. Ткачевым⁹³. Судя по данным раскопок, поселение в Новогрудке основано в X в. Одновременно был укреплен детинец. Валы окольного

города насыпаны позже — в середине — второй половине XII в. При раскопках здесь обнаружены остатки обширных наземных жилищ со стеклянными окнами, фресковой росписью стен. В жилищах и вокруг них собран разнообразный вещевой материал: оружие, орудия труда, писала, предметы с надписями, резные костяные изделия, обломки амфор, осколки многочисленных привозных стеклянных сосудов. Таким образом, эти дома принадлежали феодальной знати, заселившей в XII в. окольный город. Но на боярских усадьбах в тех же домах работали зависимые от феодалов ремесленники-ювелиры. В раскопках на детинце, наоборот, вскрыты каменные хозяйственные постройки и рядовые жилища. Возможно, исследована часть княжеского двора с различными службами и жилищами челяди. На территории открытого посада М. К. Каргер обнаружил под ныне существующей церковью фундаменты каменного Борисоглебского храма второй половины XII в.

В свете археологических раскопок история Новгородка приобрела определенную ясность. В конце X в., с распространением власти киевских князей в Понеманье, здесь основывается военно-административный центр. Среди его жителей были также выходцы из южнорусских земель. В середине—второй половине XII в. Новгородок приобретает черты вполне сформировавшегося городского поселения. В середине XIII в. за обладание Новгородком ведут борьбу Галицко-Волынское княжество и Литва. В связи с возросшей военной опасностью жизнь в окольном городе в конце этого столетия прекратилась. Но в детинце она продолжалась вплоть до XVI в.

Волковыеск (г. Волковыск Гродненской обл.). На окраине города, на холмистой гряде, сохранилось городище из двух укрепленных площадок — остатки древнерусского Волковыеска, впервые упомянутого в летописи под 1252 г.⁹⁴ В это время в Волоковыеске княжил Войшелк, сын Миндовга. Детинец (Шведская гора) занимает восточную, более возвышенную, часть гряды. Его площадка округлой формы (диаметр около 50 м) укреплена по периметру валом (высота до 7 м). От окольного города (Замчице) детинец отрезан рвом. Окольный город, трапецевидный в плане (130×90 м), имеет вал только с напольной стороны. Вокруг располагались неукрепленные посады.

Волковыеск неоднократно исследовался археологами (И. Иодковский, Г. И. Пех, В. Р. Тарасенко, П. А. Раппопорт, М. К. Каргер, Я. Г. Зверуго)⁹⁵. Раскопки показали, что культурные напластования на обеих площадках относятся к XI—XIV вв. На детинце валы были возведены почти одновременно с его заселением — в начале XI в. Окольный город укреплен позже — в первой половине XII в. Обнаружены жилища двух типов: полужемлянки (XI в.) и наземные дома (XII—XIV вв.). Расцвет древнего Волковыеска падает на вторую половину XII—первую половину XIII в. В слоях того времени, помимо обычных древностей «городского» типа, найдено много предметов вооружения, высокохудожественные изделия, в том числе западноевропейские. В коллекции есть также свинцовая печать с изображением св. Симеона и процветшего креста по сторонам, 12 железных и бронзовых писал, пряслице с надписью. Особое развитие в городе получили кузнечное ремесло, изготовление предметов вооружения, снаряжения коня и всадника, оборонительных доспехов. В окольном

городе сохранились фундаменты каменной церкви второй половины XII в. На рубеже XIII—XIV вв. замирает жизнь в детинце, а в конце XIV в. население уходит и из окольного города. Поселение перемещается на берега р. Волковья, на свое теперешнее место.

Вослоним, Слоним (г. Гродненской обл.). В центре современного города, недалеко от левого берега р. Шара, на возвышенности Замчище (150×200 м), сохранились следы городища — остатки древнерусского Вослонима, впервые упомянутого в летописи под 1251 г.⁹⁶ Поселение исследовано Г. И. Пехом и Я. Г. Зверуго⁹⁷. Культурный слой достигает толщины 6 м, хорошо сохраняет дерево и другие предметы органического происхождения. В отложениях XII—XV вв. обнаружено несколько ярусов деревянных мостовых (ширина 3—6 м), а также различные жилые и хозяйственные постройки, частоколы, деревянные миски, ковши, кубки. Найдены изделия из кожи, обрывки льняных и шерстяных тканей. Большой интерес представляет находка железного шлема и стеклянного сосуда с арабской надписью. Поселение в Слониме возникло на рубеже XI—XII вв.

ТУРОВО-ПИНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Туров. Один из важнейших городов Руси. По преданию, в Турове был первым князем Туры⁹⁸. В конце X—начале XI в. в Турове сидел Святополк Владимирович. Древнее городище занимает мыс, образованный реками Язда, Струмень и Домуха. Округло-треугольный детинец (площадь около 1 га) был защищен по периметру валом, а с напольной (юго-восточной) стороны — и рвом. С юго-востока к детинцу примыкает треугольный в плане окольный город (площадь около 1,5 га), также укрепленный валом и рвом.

В истории Киевской Руси Турову принадлежит видное место. Как центр особой волости он постоянно упоминается в источниках. После Святополка в середине XI в. в городе княжил Изяслав Ярославич, затем его сын Святополк. Здесь была образована своя епископия, один из епископов которой — Кирилл Туровский — в XII в. стал крупным церковным идеологом и писателем. Киевские князья стремились удержать Туров в своих руках, посылая княжить туда сыновей или других ближайших родственников. Но к концу XII в. связи Турова с Киевом ослабевают. Туровское княжество попадает в орбиту интересов Волынской земли. В середине XIII в. туровские и пинские князья вместе с волынскими князьями воюют против Литвы.

Первые обследования Туровского городища провел в конце XIX в. В. З. Завитневич. В 20-е годы XX в. С. С. Шутов, А. Д. Коваленя, А. Н. Лявданский и С. А. Дубинский осуществили в городе разведочные раскопки. Широкими площадями Туров исследовали в 1961—1968 гг. М. Д. Полу-бояринова и П. Ф. Лысенко⁹⁹. На территории окольного города М. К. Каргер и П. А. Раппопорт изучили фундаменты каменного шестистолпного храма XII в.¹⁰⁰

В общей сложности в туровском детинце вскрыто более 750 кв. м при мощности культурного слоя 4 м. Древнейшие напластования здесь относятся к концу X—началу XI в. В том же XI столетии, видимо, сооружены

и укрепления города. Во время раскопок обнаружено более 30 наземных срубных построек, следы деревянных частоколов, разграничивавших дворовые участки. Судя по находкам, некоторые дома принадлежали феодальной знати. Собраны предметы вооружения (наконечники стрел и копий, шпоры), орудия труда ювелиров (ляльки, тигельки, пинцеты, каменная литейная форма) и кузнецов (сопла, зубила), крицы и шлаки. Большой интерес представляют образцы мелкой пластики, обломки привозных стеклянных и гончарных сосудов, орнаментированные изделия из кости. При раскопках церкви расчищено три шиферных саркофага. После нашествия Батюя жизнь в Турове не прекратилась, а продолжалась в последующие столетия.

Пинск (г. Брестской обл.). На левом берегу р. Пина, в черте современного города — остатки древнерусского Пинска, впервые упомянутого в летописи под 1097 г.¹⁰¹ По данным археологических наблюдений и старым планам, детинец Пинска (площадь около 2 га) округлой формы был укреплен валом и рвом. Его полукольцом охватывал окольный город (площадь до 4 га), также обнесенный валом и рвом. Значительные раскопки в городе проведены Т. В. Равдиной, Б. В. Миролюбовым, Я. И. Бибиковым, П. Ф. Лысенко¹⁰². Культурный слой достигает мощности 6 м в детинце и 4,5 м — в окольном городе. Вскрыты многочисленные деревянные постройки, настилы улиц и дворов, частоколы усадеб, собрана разнообразная коллекция древнерусского оружия, орудий труда, украшений, предметов бытового обихода, поливных керамических плиток. Найдены надписи на корчаге и шиферном пряслице. Поселение в Пинске возникло во второй половине XI в.

Пинск входил в состав Туровского княжества. В конце XII в. здесь появляется собственный княжеский стол. В это время город подпадает под влияние Волынского княжества.

Давид-Городок (г. Брестской обл.). На правом берегу р. Горынь — городище. Поселение (100×110 м) в урочище Замковая Гора занимает округлый холм и окружено валом, местами сохранившимся на высоту 2 м. Памятник исследовали польский археолог Р. Якимович и П. Ф. Лысенко¹⁰³. Культурный слой достигает мощности 3,5 м, хорошо консервирует дерево и другие органические материалы. Раскопками обнаружены многочисленные наземные срубные жилища, хозяйственные постройки, настилы улиц, остатки деревянной церкви, погребения в дубовых саркофагах. Городище было плотно застроено небольшими усадьбами, разделенными частоколами. Собрана обширная коллекция древнерусских вещей. Судя по находкам, поселение в Давид-Городке возникло в первой половине XII в.

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Менеск (Минск). Один из важнейших городов Полоцкого княжества. Впервые упомянут в летописи под 1067 г., когда рядом с ним, на реке Немиге, произошла знаменитая битва Ярославичей с Всеволодом Полоцким¹⁰⁴. Остатки городища (Замчище) теперь почти не сохранились. Оно занимало низкую возвышенность на правом берегу р. Свислочь, ниже впадения в нее Немиги. Его укрепления (площадь около 3 га) имели

неправильно овальную в плане форму. На старых планах Минска в Замчище вели три въезда: два — с севера и один — с юго-востока.

В начале XII в. Менеск стал стольным городом Глеба Всеславича, а в южной части Полоцкой земли образовалось Минское княжество. Глеб упорно боролся с киевскими князьями. В конце концов он был заточен Мономахом в Киеве, где и скончался в 1119 г. Глеб Всеславич прославился и как строитель трапезной в Печерском монастыре, пожертвовав ему 600 гривен серебра и 50 гривен золота. После заточения Глеба Минское княжество вошло в состав Киевской волости. В 40—60-е годы XII в. городом владели сыновья Глеба Ростислав и Володарь. В XIII в. вместе с другими полоцкими городами Менеск перешел под власть Великого княжества Литовского. Можно полагать, что уже в начале XII в. Менеск был мощной крепостью, так как для его осады требовалось сосредоточить значительные силы.

Стационарные археологические исследования в Минске начались в 1945 г. и продолжаются с перерывами более 30 лет (В. Р. Тарасенко, Э. М. Загорульский, Г. В. Штыхов)¹⁰⁵. Открыто свыше 1800 кв. м культурного слоя (толщина до 6 м), который хорошо консервирует дерево и другие органические остатки. Оборонительный вал подсыпался не менее двух раз. Его основу составлял бревенчатый накат. Открыты деревянные настилы улиц (ширина до 4 м) и нижние части 130 жилых и хозяйственных построек. Исследованы три усадьбы (площадь 220—250 кв. м), огороженных частоколом. Иногда поставленные впритык друг к другу постройки образовывали внутренний двор. В состав усадьбы входили один-два жилых дома и четыре-пять хозяйственных помещений. От южных ворот на северо-восток Замчище пересекала древнейшая улица, от которой к востоку отходил переулок. Другая улица шла на северо-запад.

В северо-восточной части древнего Минска под жилой застройкой обнаружены фундаменты каменной четырехстолпной церкви (начало XII в.), оставшейся недостроенной.

Большинство материалов из раскопок Минска датируется XII—XV вв. В коллекции предметов из раскопок имеются кузнечные клещи, ювелирный пинцет, каменные литейные формочки, сверла, топоры, тесла, сапожные колодки, писала, многочисленные бытовые предметы, украшения, изделия из кожи и кости. Оружие представлено наконечниками стрел и копий, панцирными пластинами, обрывками кольчуги, стремениами, шпорами. Найдены также сошники, серпы, косы-горбуши. Среди находок выделяются золотой змееголовый браслет сложного плетения, костяной кистень с княжеским знаком, резные каменные иконки.

Собранные данные свидетельствуют, что жизнь на исследованном участке началась не ранее конца XI в. Поэтому возникает вопрос о местоположении Минска 60-х годов XI столетия. Ответить на него однозначно пока не удается. Возможно, первоначальное поселение находилось на р. Менка (Строицкое городище), где есть материалы X—XI вв., но не исключено, что ранний Минск занимал юго-западную, практически не исследованную часть Замчища.

Высказывалось мнение о существовании в Минске, кроме детинца, и примыкавшего к нему с юга окольного города. Однако работами последних лет это предположение не подтвердилось. Укрепленное ядро города

было окружено низинными, слабо заселенными в XII—XIII вв. территориями.

Дрютеск (Друцк). Один из удельных центров Полоцкой земли. Впервые упомянут Владимиром Мономахом в связи с событиями 1078 г.¹⁰⁶ Детинец (площадь около 1 га) древнего города занимает холм на правом берегу р. Друть. Он по периметру окружен высоким (до 10 м) валом и глубоким рвом. С северо-запада к детинцу примыкает окольный город (площадь около 16,5 га), укрепленный полукольцевым валом и рвом. За окольным городом находился открытый посад.

После смерти Всеслава Брячиславича Друцк, вероятно, получил его второй сын Рогволод-Борис. Во всяком случае здесь княжили его сыновья и внуки. В 1166 г. Друцк был сожжен Ярополком Владимировичем, а его жители переселены в город Желни на р. Сула. Вернувшийся из византийской ссылки Василий Борисович (Рогволодович) становится друцким князем после 1140 г. Ему удалось занять и полоцкий стол. Во второй половине XII в. друцкие князья вступают в союз со своими смоленскими соседями и сохраняют его до конца столетия. Оказавшись в составе Великого княжества Литовского, Друцк постепенно утрачивает бывшее значение, его укрепления ветшают, и во второй половине XVI в. он превращается в сельское поселение.

Археологически Друцк исследован Л. В. Алексеевым (1956—1962, 1965, 1967 гг.)¹⁰⁷. Вскрыто более 1800 кв. м в детинце. В окольном городе и на посаде проводились лишь разведочные раскопки. Укрепления детинца построены в начале XI в. На раннем этапе его внутренняя площадь была застроена хаотически. Жизнь здесь не отличалась интенсивностью. Древние напластования от верхних отделяет мощный слой пожараща рубежа XI—XII вв. К середине XII в. детинец обретает черты городского поселения: появляются улицы и усадьбы, огороженные частоколами. В его южной части жили, по-видимому, рядовые горожане, на дворах которых стояли одна жилая и одна-две хозяйственные постройки. Горожане занимались кожевенным ремеслом, ювелирным делом, обработкой кости.

Центр детинца свободен от застройки. В его северо-западной части, видимо, размещался княжеский двор. Здесь найдены широкий серебряный браслет, украшенный сканью, перстень с княжеским знаком, пряслице с надписью «княжину», золотые бусы, писала. Во всех раскопах собраны майоликовые плитки. Из предметов вооружения и снаряжения всадника имеются наконечник копья, навершие меча, пластины от доспеха, обрывки кольчуги, наконечники стрел, шпоры, стремяна и пр. Валы окольного города были насыпаны в начале XII в., одновременно с утверждением в Друцке княжеского стола.

Витебск. Следы древнего поселения прослеживаются в центре современного города, на левом берегу р. Витьба, при ее впадении в Западную Двину. Здесь, на территории Верхнего и Нижнего замков, располагались детинец (площадь около 3 га) и окольный город (площадь около 8 га) древнерусского Витебска, впервые упомянутого в летописи под 1021 г.¹⁰⁸ По данным поздней летописи Витебск был основан княгиней Ольгой в 974 г. Существует мнение, что указанная дата появилась в результате описки вместо 947 г.¹⁰⁹ В середине XII в. в Витебске появляется княжеский стол. Город в это время часто оказывается в орбите политики смоленских

князей. В начале XIV в. Витебск вошел в состав Великого княжества Литовского.

В околном городе Витебска сохранились руины каменной Благовещенской церкви XII в. Судя по случайным находкам и разведочным раскопкам, к укрепленной части примыкали открытые посадки. Мощность культурного слоя в детинце достигает 6—7 м. В котлованах строящихся зданий прослежены остатки срубных построек, частоколы, несколько ярусов деревянных мостовых.

Значительные раскопки проведены в околном городе Г. В. Штыховым. Толщина культурного слоя местами превышала 4 м¹¹⁰. Нижние напластования принадлежат культуре второй половины I тысячелетия н. э. типа Банцеровщины. Основная толща слоя относится к древнерусскому времени. Находки лепной керамики свидетельствуют о появлении здесь славянского поселения не позднее X в. Большой интерес представляют находки тиглей для плавки металла, каменной створки литейной формы, шиферных пряслиц, костяных гребней, обломков стеклянных браслетов, изделий из кожи и дерева. В околном городе при строительстве найдена берестяная грамота рубежа XIII—XIV вв.

Археологические раскопки и обследования во многом прояснили картину исторического развития города¹¹¹. Славяне появились здесь в IX в. Уже в X столетии их поселения распространились не только на территорию Верхнего и Нижнего замков, но и на противоположный берег Витьбы (Узгорский замок). Первоначальные укрепления детинца были возведены, вероятно, в конце X в. Окольный город укрепляется в XI—начале XII в. Расцвет города приходится на вторую половину XII—XIII в.

Логожеск (Логойск, пгт Минской обл.). На левом берегу р. Гайна, на Замковой горе обследовано городище — остатки древнерусского Логожеска, впервые упомянутого в летописи в связи с событиями 1078 г.¹¹² Поселение площадью 1,5 га укреплено валом и рвом. Культурный слой частично уничтожен, но местами достигает толщины 1 м. Найдены обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, ножи, замки, наконечники стрел, сошники, двусторонние костяные гребни, шпора и пр. Судя по находкам в слое керамики XI в., поселение в Логойске возникло не позднее середины этого столетия. Городище исследовано Г. В. Штыховым¹¹³. Отложения древнерусского времени перекрыты слоями более позднего (XIV—XVIII вв.) периода.

Уже в первой трети XII в. в Логожеске сидел свой князь — Брячислав, сын полоцкого князя Давыда. Логожские князья упоминаются и в 80-х годах XII в. Во второй половине XIII в. Логожеск вместе с другими полоцкими городами оказался под властью Великого княжества Литовского.

Браслав (г. Витебской обл.). Городище расположено в центре современного города, на холме (Замковая гора), на перешейке между озерами Дривято и Новято. Здесь находился древнерусский Брячиславль, неизвестный по летописям, но упомянутый в хронике М. Стрыйковского под 1065 г. Площадка городища (около 2 га) была окружена со всех сторон высоким валом. Поселение исследовано Л. В. Алексеевым¹¹⁴. Культурный слой (0,3—1,6 м) содержит отложения конца I тысячелетия н. э., древнерусского (XI—XIII вв.) и более позднего (XIV—XVI вв.) времени. Судя по археологическим данным, в конце I тысячелетия н. э. в Браславе возник латгаль-

ский поселок. В начале XI в. первое поселение погибло в сильном пожаре. Затем на его месте были возведены мощные дерево-земляные укрепления. Площадка городища застраивалась срубными жилищами и хозяйственными сооружениями. Среди находок из этого слоя преобладают типично древнерусские вещи, гончарная посуда, шиферные пряслица, костяные трапециевидные гребни, бусы, перстни, орудия труда и оружие, писала. К XVI в. жизнь на укрепленном поселении постепенно замерла.

Ерсике. На высоком холме правого берега р. Даугава (Западная Двина), в 2 км от пос. Ерсика (Латвийская ССР), расположено городище — остатки Ерсика, впервые упомянутой в Хронике Ливонии под 1203 г. как столица одного из полоцких князей — Всеволода¹¹⁵. Поселение неправильно овальное (70×100 м) в плане, обнесено по периметру валом. С севера и северо-востока городище укреплено рвами. К детинцу примыкал также укрепленный окольный город (750×200 м). Исследователями (Ф. Балодис) обнаружены остатки срубных жилищ с печами-каменками, ремесленные мастерские¹¹⁶. Судя по археологическим материалам, укрепления были возведены в XI—XII вв. на месте более раннего поселка. Среди латгальско-селского населения Ерсика жили также славяне. После 1230 г. Ерсика была окончательно захвачена орденом меченосцев, построивших здесь замок Шлосберг.

Кокнесе. В черте пгт Кокнесе (Латвийская ССР), на высоком мысу правого берега р. Даугава (Западная Двина), при впадении в нее р. Персе (Кокня), расположено большое городище — остатки Кокнесе. Впервые упомянут в Хронике Ливонии под 1205 г. как принадлежавший князю Вячко, сыну (?) полоцкого князя Владимира¹¹⁷. Поселение состоит из трех укрепленных частей: детинец (0,2 га), предградье (0,4 га) и окольный город (3,4 га). По данным археологических исследований (А. Я. Стубавс) Кукейнос основан в XI в. на месте более древних поселений рубежа нашей эры и второй половины I тысячелетия н. э. Культурный слой городища достигает 7 м и подразделяется на несколько горизонтов¹¹⁸. Найдены остатки срубных построек и многочисленные предметы, характеризующие занятия и быт населения. Зафиксированы усадьбы из нескольких построек, огороженные заборами. По мнению А. Я. Стубавс, детинец был заселен русскими (князь с дружиной), а на остальной территории жили латгалы и селы. В начале XIII в. Кокнесе захватил рижский епископ, построивший здесь каменный замок Кокенгаузен. Среди находок следует отметить древнерусскую свинцовую печать и две трапециевидные подвески с так называемыми знаками Рюриковичей.

СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Торопец. Стольный город одноименного удельного княжества в Смоленской земле. Упомянут в Уставной грамоте Смоленской епископии 1136 г.¹¹⁹ Однако из данных Киево-Печерского Патерика можно заключить, что Торопец уже существовал в первой половине XI в.

Городище Кривит — детинец древнего Торопца, округлый в плане (площадь свыше 0,5 га), — находится на южной окраине современного г. Торопец Калининской обл. Он занимает береговой холм у истока р. Торопа из оз. Соломенное. Круговой вал достигает высоты

8—9 м. Следы въездов на городище сохранились с южной и северной сторон. С севера и запада к детинцу примыкал посад, имевший, кроме естественных, по-видимому, и искусственные укрепления. Поселение окружено курганными могильниками.

В XI в. в Киево-Печерском монастыре был монах по имени Чернь, родом богатый торопецкий купец. Это интересное свидетельство указывает на торговлю как важное занятие жителей раннего Торопца. В первой половине XII в. Торопец входил в число самых платежеспособных волостей Смоленского княжества. В середине—второй половине XII в. в нем появляется собственная княжеская династия младших Ростиславичей. Торопецкие князья не раз приглашались княжить в соседний Новгород. Среди них особо прославился Мстислав Мстиславич Удалой, участник многих сражений, победитель суздальских князей в знаменитой Липицкой битве. В 1239 г. в Торопце состоялась свадьба Александра Невского с полоцкой княжной. В начале XIII в. Торопецкая волость занимала всю северо-восточную часть Смоленской земли, включая верхнее течение Западной Двины и Волги. В том же столетии Торопецкое княжество постоянно подвергалось набегам литовских дружин и в XIV в. перешло под власть Великого княжества Литовского.

Торопецкие древности привлекли внимание краеведов и историков еще в середине XIX в. (М. И. Семевский, И. Побойнин). Первые раскопки в городе провел Н. П. Милонов (1938—1939 гг.). Затем здесь работали П. А. Раппопорт, Я. В. Станкевич, Г. Ф. Корзухина, М. В. Малевская¹²⁰. В курганных некрополях открыты погребения IX—X и XI—XII вв. Детинец заселяется во второй половине XI в. Сохранившиеся валы возведены уже в XII в., возможно, на месте каких-то более древних укреплений. Раскопками исследовано девять строительных горизонтов, древнейший из которых датируется рубежом XI—XII вв., а верхний — серединой XIV в. С середины XII в. увеличивается густота застройки, появляются мощные деревянные дворы. Срубные жилища и хозяйственные постройки невелики (3×3 м). В слоях конца XII в. между домами прослеживается улица (ширина 2 м), вдоль которой сохранились остатки чостоколов. Все постройки перекрыты слоем мощного пожара начала XIV в., после которого жизнь в детинце постепенно замирает. В Торопце найдены следы кузнечного, ювелирного, ткацкого ремесел. Интересны кресты-энколпионы киевского происхождения (середина XIII в.), подсвечник хороса, свинцовая печать Ярослава Ярославича, брата Александра Невского.

Мстиславль. Впервые появляется на страницах летописи под 1156 г.¹²¹ По свидетельству сборника XVI в. Киевского Михайловского монастыря строителем Мстиславля был смоленский князь Ростислав Мстиславич. Неправильно округлый в плане детинец (площадь 1,45 га) города занимает возвышенность между глубокими оврагами на правом берегу р. Вехра (приток р. Сож). По периметру детинец укреплен валом, а с севера омывается ручьем Здоровец. Въезд прослеживается с юга.

Помимо случаев, указанных выше, Мстиславль назван в перечне смоленских населенных пунктов, плативших погородие епископу, датируемом началом XIII в. С города в епископскую казну ежегодно поступали шесть гривен урока, гривна почестья и три лисицы. После Торопца Мстиславль

платил самое большое погородие. Следовательно, он был одним из крупнейших смоленских периферийных центров. В XIII в. город оказался на русско-литовском пограничье и вскоре попал под власть Великого княжества Литовского. В XIV в. здесь сидели собственные князья. После длительной борьбы в 1654 г. Мстиславль был окончательно присоединен к Русскому государству.

Древности Мстиславля привлекли внимание любителей старины уже в конце XVIII в. Однако стационарное археологическое изучение города начато лишь в 1959 г.¹²² Л. В. Алексеев раскопал здесь более 800 кв. м. Мощность культурного слоя в детинце достигает 3,3 м. Здесь относительно хорошо сохраняется дерево. Древнейшие напластования датируются первой половиной XII в. Обнаружены деревянные настилы двух улиц, одна из которых пересекала город с юга на север. Удалось исследовать части огороженных частоколами дворов-усадеб с жилыми и хозяйственными постройками. На самом высоком месте детинца в конце XV—XVI в. была выстроена восьмиугольная деревянная башня-донжон. Судя по находкам древнерусской плинфы, в Мстиславле в конце XII—начале XIII в. существовала каменная церковь. При раскопках найдены многочисленные бытовые вещи, а также писало, обломки стеклянного бокала с арабской надписью, шахматные фигурки, свинцовая пломба, тигельки, каменная литейная формочка, костяные пластины с тонкой резьбой, детали арбалета, кресты-энколпионы, берестяная грамота.

Ростиславль. В центре современного г. Рославль Смоленской обл., между речками Становская и Глаземойка, на высоком мысу расположено городище Бурцева Гора (160×120 м) овальной формы. С трех сторон поселение окружает ров. По периметру площадки был насыпан вал, сохранившийся местами на высоту 6 м. Городище является остатками древнего Ростиславля. Впервые он упомянут в грамоте о поступлениях смоленской епископии с городов княжества, датируемой началом XIII в.¹²³ В 1969—1970 гг. поселение раскапывал Л. В. Алексеев¹²⁴. Вскрыто около 150 кв. м. Культурный слой достигает 4,3 м. Найдены остатки наземных срубных жилищ с глинобитными печами, хозяйственных построек, мощенных деревом дворов, частоколов. Многочисленны наконечники стрел, стремена, шарнирные ножицы, ключи, ножи, обломок серпа, рыболовная блесна, шиферные пряслица, деревянные гребни, стеклянные браслеты и т. п. Обнаружены также фрагменты уникальной деревянной чаши с рисунком, изображающим группу воинов перед сидящим князем. Собранные материалы позволяют заключить, что город был основан во второй половине XII в. Тем же временем датируются остатки кирпичного храма, обнаруженные в Рославле на посаде в 1975 г. П. А. Раппопортом¹²⁵.

Копысь (пгт Витебской обл.). На левом берегу Днепра, в устье р. Смороквка, на крутом холме — округлое городище Петровский Вал. Размеры внутренней площадки 80×60 м. По ее периметру насыпан вал высотой 5 м. К северо-востоку от холма располагался неукрепленный посад. Здесь находился древнерусский Копысь, впервые упомянутый летописью под 1059 г.¹²⁶ Городище Копыси неоднократно исследовалось Л. А. Михайловским (1950, 1962 гг.), Г. В. Штыховым (1968, 1969 гг.), Э. М. Загорюльским (1972 г.)¹²⁷. Культурный слой (до 2 м) содержит многочисленные находки древнерусского (XI—XIII вв.) времени: железные ножи, топоры,

косы, серпы, замки, ключи, ножницы, наконечники стрел и копий, шпоры, писало, обломки стеклянной посуды, шиферные пряслицы, изделия из кости и отходы косторезного производства, стеклянные браслеты и пр. Особо следует отметить находки двух шахматных фигурок и литой бронзовой иконки с изображением Бориса и Глеба. Поселение было основано, по всей вероятности, в середине XI в. Оборонительные укрепления Копыси неоднократно перестраивались в XVI—XVIII вв.

В XI в. Копысь принадлежал Полоцкому княжеству. В 1116 или 1128 г. этот укрепленный пункт на Днепре перешел под власть Смоленска. Копысь упомянут в числе смоленских волостей в Уставе 1136 г.¹²⁸ Князь получал с города по четыре гривны полюдья, перевоза и торгового, а также не установленную строго сумму с корчмы. По грамоте «А се погородие» Копысь платил епископу в начале XIII в. «6 гривен урока и 2 лисицы, а почестья 35 кун»¹²⁹. Таким образом, этот городок успешно развивался на перекрестье сухопутных и водных магистралей.

НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ

Псков. До завоевания самостоятельности — второй по значению центр Новгородской земли. В Повести временных лет Псков упомянут впервые под 903 г. в связи с женитьбой князя Игоря на Ольге¹³⁰. Городище древнего Пскова расположено на обрывистом и узком мысу, образовавшемся при впадении Псковы в Великую. Самую стрелку мыса занимает детинец — Кром (площадь 3 га). К нему примыкает Довмонтов город (1,5 га). Далее следует Средний город (около 35 га), последовательно укрепленный стенами 1309 и 1375 гг. Внешнее кольцо укреплений средневекового Пскова образовывала стена окольного города, гигантским полукольцом охватывавшая всю его территорию, включая Запсковье (общая площадь более 150 га). Мощная каменная стена шла и вдоль берега Великой, а в устье Псковы была устроена специальная защитная система, препятствовавшая проникновению сюда вражеских судов.

Общественно-политическим центром Пскова был Кром. Здесь возвышалась городская святыня — Троицкий собор, на сених которого вершился суд. Южнее собора, до знаменитых псковских Персей, прикрывавших Кром с напольной стороны, располагалась вечевая площадь с посадничьей стеной. Вдоль стен Крома были устроены клетки-закрома, где хранились общегородские запасы хлеба, а также размещались боярские житницы. Довмонтов город, укрепленный князем Довмонтом-Тимофеем в конце XIII в., также был средоточием церковно-административной жизни Пскова. Здесь в разное время было построено 18 храмов и несколько административных зданий. И Кром, и Довмонтов город в пору Псковской вечевой республики были лишены жилой застройки. За Довмонтовой стеной и вдоль берега Псковы располагался торг. Рядом с торгом был княжеский двор. Уже в XII в. в Пскове строятся первые каменные храмы — Троицкий и Дмитрия Солунского, основываются монастыри — Мирожский и Ивановский. В городе от эпохи средневековья, не считая оборонительных сооружений, сохранилось более 30 каменных построек.

Краткие известия летописи о Пскове X—XI вв. рисуют его важным опорным пунктом на северо-западе Руси. Псков посещала Ольга во время

объезда русских земель. Тут около 1036 г. заточил своего брата Судислава Ярослав Мудрый. Сведения поздних летописей о псковском княжении Судислава не внушают доверия. В середине XI в. псковичи вместе с новгородцами воюют против сосол. Впоследствии Псков постоянно выступает в качестве младшего союзника Новгорода, направлявшего туда своих посадников. Можно думать, что Новгородская земля-княжение сформировалась на базе союза племен, составной частью которого были псковские кривичи. Поэтому псковичи в XII—XIII вв. — непреременные участники войска «всей области новгородской». Они вместе с ладожанами и новгородцами решают на вече судьбу князя Всеволода Мстиславича. В церковном отношении Псков был подчинен новгородскому владыке. Однако псковичи не всегда следовали в фарватере новгородской политики. Изгнанный из Новгорода Всеволод Мстиславич был принят князем в Пскове вопреки воле новгородцев. Тенденции к отделению от Новгорода постоянно нарастали. Они четко проявились уже в XIII в., а в 1348 г. Псков окончательно отделился от Новгорода, превратившись в самостоятельную феодальную республику.

Поскольку ранние псковские летописи не сохранились, сведения о городе XI—XIII вв. извлекаются в основном из новгородских сводов и иных источников. Но для XIV—XV вв. имеется уже много оригинальных данных из собственно псковских летописей, актовых материалов и Псковской судной грамоты — свода законов Псковской вечевой республики. Как и Новгород, Псков делился на концы, но они территориально были меньше новгородских. Высшим законодательным органом республики являлось вече. Исполнительную власть возглавляли князь и посадник (посадники). Значительными должностными лицами были и сотские. Все вместе они составляли верховную судебную коллегия — «господу», игравшую, вероятно, роль государственного совета. Свою независимость Псков сохранял до 1510 г., когда он со всеми землями был присоединен к Москве.

Первые попытки археологического изучения Пскова предпринимались в конце XIX—начале XX в. Специальные раскопки были осуществлены в 1912 г. во время строительства электростанции. Они показали хорошую сохранность культурного слоя. В 1930 г. разведочными раскопками К. К. Романова в Кrome началось систематическое археологическое исследование древнего Пскова. Затем в городе работал Н. Н. Чернягин. Большие работы в 1946—1949 гг. провела здесь С. А. Тараканова. Впоследствии раскопками в разных частях города руководили Г. П. Гроздилов, В. Д. и С. В. Белецкие, И. К. Лабутина, А. В. Никитин и др.¹³¹ С 1967 г. в Пскове ежегодно осуществляются охранные раскопки в местах будущего строительства. В результате всех работ почти полностью изучена территория Довмонтава города, большие площади вскрыты в Кrome.

Удалось частично реконструировать планировку и застройку древнего Пскова, этапы его развития (до XVII в.). Обнаружено несколько сотен жилых и хозяйственных построек, фундаменты каменных зданий, настилы и замощения 10 улиц (ширина 1,8—3,5 м). Обследованы в разных местах остатки оборонительных сооружений.

В Пскове аналогично Новгороду, Русе, Киеву зафиксирована устойчивая усадебная планировка. Границы дворов в пределах Среднего города не менялись с середины XI в. Среди найденных производственных сооружений — мастерские по обработке железа, цветных металлов и кожи. Кол-

лекция вещевых находок насчитывает десятки тысяч предметов, в том числе три берестяные грамоты и свыше 500 вислых свинцовых печатей, абсолютное большинство которых обнаружено в Довмонтовом городе. Это, по-видимому, был какой-то псковский архив эпохи независимости.

Во время раскопок на территории Среднего города удалось обнаружить следы псковского курганного некрополя X—начала XI в.

Судя по археологическим данным, первое поселение на мысу при впадении Псковы в Великую появилось в третьей четверти I тысячелетия н. э. На рубеже IX—X вв. здесь основывается славянское укрепление, рядом с которым разрастается открытое селище-посад. Поселение в первую очередь развивалось вдоль Великой. Восточная часть междуречья Псковы и Великой (где в X в. было кладбище) осваивается жилой застройкой в XI в. За линию будущей стены 1309 г. Псков перешагнул в начале XII в. На Полонище и в Запсковье жизнь начинается на рубеже XIII—XIV вв.

Ладога (пгт Старая Ладога Ленинградской обл.). Хорошо известна скандинавским сагам. На страницах русских летописей Ладога впервые появляется под 862 г. в третьей редакции Повести временных лет¹³². Древнее городище занимает мыс на правом берегу р. Волхов при впадении в нее р. Ладожка. На стрелке мыса высится неоднократно перестраивавшаяся каменная крепость (площадь 1 га). К ней примыкают сооружения в позднем средневековье укрепления Земляного города. Поселение окружено несколькими могильниками IX—XI вв.

Стратегически выгодное местоположение в нижнем течении Волхова обусловило роль Ладоги в качестве северных ворот Древнерусского государства. Она открывала путь из Балтики по речным системам Восточной Европы к берегам Каспийского и Черного морей. Неудивительно, что уже в конце I тысячелетия н. э. Ладога привлекала внимание викингов, стремившихся превратить ее в свой опорный пункт. По данным некоторых летописей именно в Ладогу ушел после знаменитого похода на Византию и даже умер там князь Олег. Ладога была отдана в «вено» родственникам Ирины-Ингигерды, жены Ярослава Мудрого. Вновь город фигурирует в источниках уже в начале XII в. К Ладоге идут на войну новгородцы с князем Мстиславом. В 1114 г. ладожский посадник Павел строит здесь каменную крепость. Важные сведения о положении Ладоги в системе Новгородской земли-княжения содержатся в описании событий 1132 и 1136 гг. Судьбу новгородского стола решают совместно новгородцы, псковичи и ладожане, причем вторые и третьи специально призываются для этого в Новгород. Попутно выясняется, что посадник (Рагуил) посылается в Ладогу из Новгорода. Значение Ладоги и Пскова как важнейших центров Новгородской земли выступает здесь особенно рельефно. Жители этих городов пользуются известной самостоятельностью. Без их санкции не могут быть приняты решения, касающиеся государственного устройства всего княжества. Отсюда можно заключить, что Ладога с Псковом была одним из центров племенной федерации — предшественницы Новгородской земли. Впоследствии ладожане — непременные участники военных сил «всей области Новгородской». Городу не раз приходилось отбивать иностранное вторжение. Как пригород Новгорода Ладога в XIV—XV вв. иногда отдавалась в кормление служилым новгородским князьям. До конца новгородской независимости Ладога прочно входила в состав феодальной республики. В ней было построено шесть каменных храмов.

Археологические исследования в Ладоге проводились в начале XX в. Н. И. Репниковым на очень высоком для своего времени методическом уровне. Раскопки сосредоточились на территории Земляного города, где древние культурные отложения достигали 3 м. В советское время эти работы были продолжены экспедицией под руководством В. И. Равдоникаса¹³³. Планомерные исследования памятника возобновлены в 1970 г. экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (А. Н. Кирпичников, В. П. Петренко, Е. А. Рябинин и др.)¹³⁴. Ныне в Ладоге вскрыто свыше 2 тыс. кв. м. Благодаря археологическим работам история древнего города обрела реальные черты. К сожалению, ладожский культурный слой консервирует дерево лишь в своей нижней части. Поэтому горизонты XI—XV вв. содержат значительно меньше информации.

По уточненным данным жизнь в Ладоге началась в середине VIII в. Древнейшее поселение (площадь 4—5 га) занимало в VIII—IX вв. низинную местность по обоим берегам р. Ладожка. Укрепления того времени не обнаружены. Найденная керамика — сплошь лепная. Вскрыты остатки больших по площади срубных жилищ, окруженных хозяйственными постройками, мастерскими, хлевами. Прослеживаются остатки настилов и замощений. По мнению А. Н. Кирпичникова, уже на раннем этапе развития в Ладоге складывается усадебная планировка. Площадь первых дворов превышала 200 кв. м. Обнаружены явственные следы кузнечного, бронзолитейного и косторезного производств. Найдены предметы с руническими надписями. Судя по находкам и погребальным памятникам, этнический состав населения древнейшей Ладоги был довольно пестрым.

На рубеже IX—X вв. на ранее необитаемой стрелке мыса возводятся первые укрепления. Во время раскопок 1972 г. под кладкой стены средневековой крепости удалось на значительном протяжении расчистить остатки каменной стены, построенной в 1114 г. посадником Павлом. Под ней в свою очередь вскрыты развалы еще более древней (X в.) каменной оборонительной линии. С X в. славянский этнический элемент в Ладоге преобладает. Появляются первые улицы, вытянувшиеся вдоль берега Волхова и ведущие в крепость. Поселение тесно застраивается избами-срубками. Находки приобретают общерусский характер. Среди них есть несколько свинцовых печатей. Своего расцвета Ладога достигает к концу XII в. В городе строится шесть каменных церквей. Наблюдения над распространением культурного слоя того времени говорят, что площадь поселения приближалась к 16 га. Пока остается открытым вопрос о второй линии укреплений Ладоги в XII—XIII вв.

Русса (г. Старая Русса Новгородской обл.). В черте города, в месте слияния трех рек — Полисти, Порусьи и Перерытыцы, обнаружены следы городища — остатки древнерусской Русы, впервые упомянутой в летописи под 1167 г.¹³⁵ Однако Русса названа и в новгородской берестяной грамоте № 526 со стратиграфической и палеографической датой 80-е годы XI в.¹³⁶ Древние укрепления не сохранились. Небольшие раскопки в городе провел в 1939 г. А. А. Строков. С 1966 г. памятник планомерно исследовал А. Ф. Медведев¹³⁷. Судя по данным писцовых книг и археологических наблюдений, древнейший центр Русы находился между берегом старого русла Порусьи (ныне Малашка) и Верхним соляным озером, в районе курорта. Раскопками здесь вскрыто несколько ярусов мостовых древних улиц Губки и

Борисоглебской. Обнаружены усадьбы бояр, ремесленников-ювелиров и солеваров. Культурный слой местами достигает 6 м. Находки аналогичны новгородским. Среди них имеются берестяные грамоты (10) и вислые свинцовые печати. Согласно летописным данным в Русе были детинец и посад, несколько каменных церквей и монастырей, торг. Первый каменный собор был возведен в 1198 г. По мнению А. Ф. Медведева, к XV в. Руса с прилегающими посадами занимала площадь около 200 га.

Новый Торг (г. Торжок Калининской обл.) В центре современного города, на мысу, образованном впадением ручья Здоровец в р. Тверца (правый берег), находится городище — остатки древнерусского Нового Торга, впервые упомянутого в летописи под 1139 г.¹³⁸ Однако, по сведениям позднего жития Ефрема Новоторжского (ум. в 1058 г.), поселение уже существовало в первой половине XI в. Памятник исследован П. А. Раппопортом и Ю. Н. Урбаном¹³⁹. Систематические раскопки в Торжке проводил П. Д. Малыгин¹⁴⁰.

Древний Торжок состоит из двух укрепленных частей — детинца и окольного города. Детинец (1,35 га) занимает верхнюю площадку, возвышающуюся на 18 м над уровнем реки. С запада он защищен крутыми склонами ручья, а с напольной стороны — дугообразным валом и рвом. Вал был насыпан в XII—XIII вв. на месте более древнего укрепления. При раскопках обнаружены жилища, ювелирная мастерская, мастерская резчика по камню, обломки гончарной посуды XI—XVI вв. и разнообразный вещевой инвентарь. Площадь окольного города превышает 7 га. Здесь в шурфах выявлены деревянные различные настилы и усадьбные частоколы.

Изборск (с. Староизборск Псковской обл.). На высоком скалистом мысу, омываемом Городищенским озером, расположено городище (Труворово) — остатки древнерусского Изборска, впервые упомянутого в летописи под 862 г.¹⁴¹ Треугольная в плане площадка (1 га) поселения с напольной (южной) стороны защищена валом (высота 6 м) и рвом (глубина 3 м). Городище окружено открытыми селищами-посадами вдоль берегов озера и р. Смолка. Изборск неоднократно исследовался археологами (С. А. Тараканова, Г. П. Гроздилов)¹⁴². С 1971 г. планомерные раскопки памятника ведет В. В. Седов¹⁴³. Судя по археологическим данным, укрепленное поселение возникло на рубеже VII—VIII вв. Культурный слой (1,4 м) подразделяется на два периода: VIII—середина X и X—XIII вв. Нижние горизонты характеризуются наземными срубными домами с глиняными печами, лепной керамикой, костяными орудиями, редкими железными предметами и украшениями. В середине X в. городище реконструируется: срывают старые укрепления, насыпают вал на нынешнем месте (досыпан в XII в.), оконечность мыса отделяют от остальной территории стеной из двух рядов дубового частокола с воротами (детинец и окольный город). В конце XI в. поселение по периметру обносят каменной стеной. Для верхних горизонтов типична плотная застройка всей площади городища срубными постройками с печами-каменками. Помимо гончарной древнерусской (X—XIII вв.) керамики, обнаружены различные бытовые предметы, орудия труда, оружие, украшения. Найдены сошники, серпы, косы, сверла, молотки, топоры, рыболовные крючки, ножи, ключи и замки, шилья, кресала, гвозди, пробой и т. п. Среди предметов вооружения и снаряжения воина есть наконечники стрел и копий, железная булава, шпоры, удила, стремяна. Многочисленны

украшения: браслеты, перстни, височные кольца, привески, шейные гривны, бусы. Обнаружены западноевропейские и восточные монеты. О развитии ювелирного дела свидетельствуют каменные литейные формочки, льячки, тигли и шлаки, а об обработке кости — расчески и гребни, рукоятки, пуговицы, накладки.

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

Белоозеро (с. Крозино Вологодской обл.). Первый раз город упомянут в летописи под 862 г.¹⁴⁴ Остатки древнего города расположены близ села, на противоположном берегу р. Шексна, в 3 км от ее истока из Белого озера и в 1 км к юго-востоку от г. Белозерск. Поселение простиралось на 1,7 км вдоль реки и на 0,15—0,20 км в сторону от берега (общая площадь свыше 30 га). Его территорию пересекают русла трех речек, впадающих в Шексну. Искусственные укрепления на поверхности не прослеживаются.

Из сведений Повести временных лет можно заключить, что Белоозеро находилось в центре расселения племен веси. Легенда о призвании князей помещает сюда «брата» Рюрика Синеуса. Вероятно, в конце X—начале XI в. Белоозеро было связано с Новгородом.

Во второй половине XI в. город уже прочно входит в состав Ростовской земли. Вместе с ростовцами и суздальцами белозерцы воюют в 1096 г. против Олега Святославича. Впоследствии летописи неоднократно упоминают белозерский полк в числе суздальских войск. Таким образом, Белоозеро было одним из древнейших и важнейших центров Северо-Восточной Руси. После смерти Всеволода Большое Гнездо город и волость оказались в составе ростовских владений Константина Всеволодовича. Войска Батыя обошли Белоозеро стороной. Туда, спасаясь от погрома, сбегалось множество людей. В середине XIII в. Белоозеро становится удельным княжеством, где правит внук Константина Глеб Васильевич. Это — время наивысшего расцвета города. В XIV в. княжество распадается на микроскопические уделы. Некоторые из белозерских князей оказываются на службе в Новгороде. В середине XIV в. город опустошили две эпидемии чумы. Некоторые из оставшихся в живых жителей переселились на южный берег озера в новый городок. В 1398 г. новгородская рать сожгла старый город. Последующие известия летописи касаются только нового города — современного Белозерска.

Белоозеро обследовали В. И. Равдоникас, Г. П. Гроздилов, П. А. Сухов. Значительные раскопки памятника провела в 1949—1965 гг. Л. А. Голубева¹⁴⁵. Всего вскрыто около 7 тыс. кв. м. Мощность культурного слоя колеблется от 0,8 до 1,8 м. Он относительно хорошо консервирует дерево и другие органические остатки и содержит отложения X—XIV вв. Наиболее древние горизонты обнаружены в центральной и южной частях городища. Найдены нижние венцы срубных домов и хозяйственных построек, уличные и дворовые настилы, частоколы. Поселение застраивалось усадьбами, располагавшимися вдоль улиц, тянувшихся параллельно берегу Шексны.

Судя по археологическим материалам, первоначальный поселок X в. принадлежал веси. Славянские элементы в его культуре постепенно завоевывали преобладающее положение, и с середины XII в. Белоозеро превратилось в преимущественно древнерусское поселение городского типа. Его

особенностью было отсутствие дерево-земляных укреплений. Во второй половине XII в. центр Белоозера переместился на берег Шексны. В XIII в. здесь выделились крупные феодальные усадьбы с двухэтажными домами, где сосредоточено большинство находок привозных вещей. С середины XIII в. заселялась и восточная окраина города.

Во время раскопок собрана обширная коллекция орудий труда, оружия, украшений, бытовых вещей. Обнаружены мастерские литейщиков-ювелиров, косторезов, по обработке янтаря, кузницы. Белоозеро поддерживало торговые связи с Новгородом, Поднепровьем, Волжской Болгарией, Средней Азией и Западной Европой. Найдены обломки амфор, шиферные пряслица, деревянные чаши и берестяные поплавки с древнерусскими буквами и целыми надписями, а также два железных писала.

Ярославль. В черте современного города, на стрелке мыса, образованного впадением р. Которосль в Волгу (правый берег), находится городище — остаток древнерусского Ярославля, впервые упомянутого в летописи под 1071 г.¹⁴⁶ Поселение в плане имеет форму почти равноугольного треугольника (сторона 160 м) и возвышается над уровнем Волги на 20 м. С напольной стороны оно ограничено полузасыпанным оврагом, по краю которого проходили древние укрепления. К северо-западу от городища располагался окольный город. В Ярославле сохранились остатки двух каменных соборов начала XIII в. Памятник исследовали М. К. Каргер, П. Н. Третьяков, Н. Н. Воронин и И. В. Дубов¹⁴⁷. Культурный слой в детинце достигает 3,6 м, нарушен позднейшими перекопами. В нижних напластованиях найдены шиферные пряслица, железный ключ, ножи, гвозди, серебряное кольцо, обломки стеклянных браслетов, гончарная и лепная керамика. Судя по археологическим данным, древнерусское поселение было основано здесь на рубеже X—XI вв. на месте более древнего финского поселка. К XIII в., по-видимому, появились укрепления окольного города.

В 1218 г. в Ярославле был организован удельный княжеский стол. Город достался Всеволоду Константиновичу. Под 1221 г. летопись сообщает о большом пожаре в Ярославле, когда сгорело 16 церквей и лишь княжеский двор не пострадал от огня¹⁴⁸. В 1238 г. город был razoren Батыем.

Дмитров (г. Московской обл.). В черте города, на низком правом берегу р. Яхромы (близ ее старого русла), расположено городище — остатки древнерусского Дмитрова, основанного Юрием Долгоруким в 1154 г.¹⁴⁹ Овальная в плане площадка (350×200 м) поселения обнесена кольцевым валом (протяженность 950 м) и широким рвом. Памятник исследован Н. П. Милоновым¹⁵⁰. Культурный слой (2 м) содержит отложения от второй половины XII в. до современности. Обнаружены остатки наземных срубных жилищ, обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица, серпы, долото, медные чаши, жернова и пр. Основу вала составлял ряд дубовых срубов, забитых землей. За валом городища располагались открытые селища.

Городец. В черте г. Городец Горьковской обл., на возвышенном плато левого берега Волги — остатки древнерусского Городца, впервые упомянутого в летописи под 1172 г.¹⁵¹ Городище состоит из двух укрепленных частей — детинца и окольного города. Мощный вал защищает приблизительно полукруглую в плане площадку (около 40 га), вытянувшуюся вдоль Волги на 1,2 км. Укрепления окольного города повторяют планировку

детинца, оборонительная линия которого выявлена при раскопках. Памятник исследован А. Ф. Медведевым¹⁵². Культурный слой (0,6 м) содержит отложения от середины XII в. до современности. В нижних напластованиях, перекрытых пожарной прослойкой, найдены типичные для середины XII—начала XIII в. вещи: обломки гончарной посуды, шиферные пряслица, стеклянные браслеты, трубчатые замки и ключи к ним, кресала, наконечники стрел, зубила, молоток чеканщика, сверло, ножи, монетные гривны и пр. Обнаружены углубленные в землю жилища, смененные затем наземными постройками. Четко прослеживается слой гибели поселения во время Батыева нашествия (1238 г.).

По мнению А. Ф. Медведева, Городец был основан на пустом месте в 1152 г. Юрием Долгоруким после его ухода с юга. В быту и материальной культуре раннего периода жизни городища четко улавливаются южнорусские черты, свидетельствующие о приходе на Волгу населения с берегов Десны и Днепра.

Раскопки в Городце возобновлены Т. В. Гусевой¹⁵³. Хорошо прослеживаются усадьбы XII—XIII вв. в окольном городе, огороженные частоколами и располагавшиеся вдоль улицы. Найдены отходы железодельного и бронзолитейного производств, тигли, пинцеты, сверла, железное писало.

Перемышль-Московский (с. Русское Сатино Московской обл.). На правом берегу р. Моча (приток р. Пахра) расположено городище — остатки древнерусского Перемышля, впервые упомянутого в духовной грамоте Ивана Калиты 1339 г.¹⁵⁴ По сведениям В. Н. Татищева, город основан Юрием Долгоруким в 1152 г.¹⁵⁵ Площадка поселения, в плане почти полукруглая (250×240 м), окружена валом (высота 7,5 м) и рвом (ширина 30 м, глубина 6 м). С запада она прилегает к берегу реки. Въезд на поселение находился с северной стороны. К городищу примыкает неукрепленное обширное селище-посад. Памятник неоднократно обследовался археологами. Раскопки проведены М. Г. Рабиновичем¹⁵⁶. Культурный слой (0,8 м) содержит отложения XII—XVI вв. К XVII в. жизнь на городище прекратилась. На городище обнаружены остатки жилищ и ремесленных мастерских, обломки стеклянных браслетов. Укрепления возведены в середине XII в.

Москва. На территории Московского Кремля, на высоком мысу при впадении р. Неглинная в Москву-реку — остатки древнерусской Москвы, впервые упомянутой в летописи под 1147 г.¹⁵⁷ Городище неоднократно исследовалось (М. Г. Рабинович, Н. Н. Воронин, А. Ф. Дубынин, А. Г. Векслер, Н. С. Шеляшина, Д. А. Беленькая)¹⁵⁸.

Культурный слой (свыше 6 м) сильно нарушен перекопами при позднейшем строительстве. Раскопками обнаружены древнейшие укрепления (вал и ров), деревянные настилы мостовых, частоколы, остатки наземных жилищ, кладбище. Собран разнообразный вещевой материал, в том числе вислая свинцовая печать киевского митрополита (?) конца XI в. Древнерусское укрепленное поселение, по-видимому, возникло на рубеже XI—XII вв. на месте более раннего (дьяковского) городища. Первые укрепления защищали с напольной стороны самый юго-западный угол мыса (около 1,5 га). К началу XIII в., судя по данным раскопок, был укреплен окольный город, и территория, окруженная валами и стенами, достигла 4,5 га. Неукрепленный посад примыкал к ней с востока, разрастаясь вдоль берега Москвы-реки. Здесь также найдены сооружения XII в.

Москва стояла на пути из Рязани и Чернигова к Владимиру и Суздалью. Уже в конце XII в. летопись упоминает села вокруг города. После смерти Всеволода Большое Гнездо Москва превращается в удельный город. Московским князем становится Владимир Всеволодович. Войска Батые сожгли Москву с церквами, монастырями и селами.

Переяславль (г. Переяславль-Залесский Ярославской обл.). В черте города, на левом берегу р. Трубеж, при впадении в нее ручья, обнаружено огромное городище — остатки древнерусского Переяславля, основанного по инициативе князя Юрия Владимировича в 1152 г.¹⁵⁹ Поселение окружено линией мощных валов (общая протяженность около 2,5 км) и имеет в плане грушевидную форму (800×500 м). С юга и юго-запада перед валами сохранились рвы. В высоту валы Переяславля достигают 10 м при ширине основания 30 м. Основу внутривальной конструкции составляют ряды деревянных клетей, забитых землей. В северо-западном углу городища сохранился Спасо-Преображенский собор (1152—1157 гг.).

Исследования в Переяславле проводили П. А. Савельев и Н. Н. Воронин¹⁶⁰. Культурный слой нарушен перекопами. В предметных отложениях найдены наконечник стрелы, ножи, ключи, костяные поделки, рыболовные грузила и гончарная древнерусская керамика XII—XIII вв., обломки стеклянных браслетов, следы деревянных сооружений.

Основанный на берегах Плещеева озера, в зоне древней славянской колонизации, Переяславль быстро приобретает значение второго центра Владимирского княжества. Переяславцы вместе с владимирцами приглашают после гибели Андрея Боголюбского на княжение Михалку Юрьевича. В вооруженной борьбе с ростово-суздальским боярством они утверждают старшинство новых центров княжества — Владимира и Переяславля. Первым князем Переяславля становится Всеволод Большое Гнездо. При разделе земли между сыновьями Всеволода Переяславль достается Ярославу. Переяславская область включала в себя все северо-западные земли княжества. В 1238 г. город был разорен ордой Батые.

Семьинское (с. Владимирской обл.). В окрестностях села, в 0,2 км к западу от д. Городищи, в излучине левого берега р. Колокша, отмечены следы укрепленного поселения — Семьинское городище. Овальная (230×180 м) площадка обнесена по периметру частично сохранившимся валом (высота до 2 м), а с восточной, северо-восточной и северо-западной сторон — и рвом. Памятник обследован В. П. Глазовым. Стационарные раскопки проведены Н. Н. Мошениной¹⁶¹. Вскрыто более 1 тыс. кв. м. Культурный слой (0,8 м) содержит отложения древнерусского (XII—XIII вв.) и более позднего (XIV—XVII вв.) времени. Обнаружены остатки наземных срубных жилищ, хозяйственных построек, частоколов и плетней, огораживавших усадьбы. Среди находок — серпы, косы, удила, жернова, шиферные пряслица, обломки стеклянных браслетов, ножи, гвозди, ключи, бусы, перстни, железное писало и пр.

Боголюбый (Боголюбово, пгт Владимирской обл.). Близ поселка, на возвышенном левом берегу р. Клязьма (в 10 км к востоку от Владимира), недалеко от устья р. Нерль находится городище — остатки древнерусского Боголюбова, впервые упомянутого в летописи под 1175 г.¹⁶² Площадка (более 3 га) поселения в плане имела, по-видимому, четырехугольную форму с периметром валов 900 м. Ныне сохранились лишь западные уча-

стки вала (высота 7 м) и рва. Памятник исследовал Н. Н. Воронин¹⁶³. На валу, насыпанном из глины, стояла каменная стена. Вскрыты фундаменты собора XII в. и переходной башни. По данным раскопок реконструирован облик княжеского замка середины XII в. По поздним источникам известно, что князь Андрей построил в Боголюбове дворец (каменные палаты), две каменные церкви, каменные ворота. Перед центральным Рождественским собором стоял белокаменный киворий с княжеским знаком на одной из плит.

Город-замок Боголюбый был при жизни Андрея вторым политическим центром княжества, поражающим современников великолепием. Время начала его строительства — 1158 г. — уточняет Новгородская IV летопись¹⁶⁴. Предполагается, что разрушенный войсками Батыя Боголюбый уже во второй половине XIII в. перешел в монастырские владения. Однако город назван в «Списке русских городов дальних и ближних» конца XIV в., который не перечислял монастыри¹⁶⁵.

Ярополч-Залесский (с. Пировы Городища Владимирской обл.). Упомянут в «Списке русских городов дальних и ближних» конца XIV в.¹⁶⁶ Поселение занимает мыс между двумя оврагами к востоку от небольшого городища железного века. Детинец города (площадь 2,8 га) обнесен по периметру дугообразным валом (высота 5 м) и рвом. На севере он упирается концами в крутой склон берега р. Клязьма. С запада на восток городище пересекает овраг. Въезд прослеживается с напольной, юго-восточной, стороны. За валами располагается неукрепленное селище-посад (5,2 га). Другой посад (около 1 га) находится у подножия городищенской горы, по обоим берегам безымянного ручья — притока Клязьмы.

Ярополчская волость во второй половине XIII—XIV в. принадлежала Нижегородско-Суздальскому княжеству. В конце XIV в. она переходит в руки московских великих князей. К середине XV в. Ярополч становится сельским поселением, управляемым княжеским волостелем. О существовании города в XII—начале XIII в. стало известно из материалов археологических раскопок.

Памятник с XIX в. неоднократно обследовался археологами (К. Веселовский, А. И. Попов, А. И. Иванов, О. Н. Бадер). Стационарные раскопки Ярополча провели в 1961—1970 гг. В. В. и М. В. Седовы¹⁶⁷. На городище и селище вместе вскрыто около 7 тыс. кв. м. Культурный слой мощностью 0,4—0,8 м содержит отложения древнерусского (XII—XIV вв.) времени. Обнаружены остатки углубленных в землю и наземных жилищ, хозяйственных построек. В северной части поселения прослежено шесть дворов-усадеб, разделенных канавками от частоколов. Две усадьбы исследованы полностью. Их площадь равнялась 700 и 1 тыс. кв. м. По характеру застройки и находкам (вислая свинцовая печать, серебряные украшения, осколки сосудов и оконного стекла, фрагменты амфор и т. п.) можно утверждать, что большая усадьба принадлежала какому-то феодалу.

В Ярополче зафиксированы металлургическое, кузнечное, косторезное и камнерезное ремесла. Янтарные украшения, шиферные пряслица, каменные бусы, испанские ткани, болгарская керамика свидетельствуют о дальних торговых связях. Среди находок также — многочисленные предметы вооружения, снаряжения коня и всадника, 11 железных писал, каменный крестик с процарапанной надписью. По археологическим данным Ярополч

был основан в первой половине XII в. на незаселенной территории. Вскоре за его валами разрослось неукрепленное селище-посад. Но нижнее поселение возникло значительно раньше — в конце X в. В XI в. оно распространилось на правый берег ручья, а с основанием города превратилось в его посад. Раскопки показали, что Ярополч был сожжен, а его защитники погибли в середине XIII в. Вероятно, это произошло в 1239 г., когда войска Батия воевали «по Клязьме». Материалы конца XIII—XIV в. в раскопках встречались в незначительном числе. Город постепенно утрачивал свое значение.

РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Переяславль (г. Рязань). В северо-восточной части современного города, на территории кремля, находится городище — остатки Переяславля-Рязанского, впервые упомянутого в летописи под 1301 г.¹⁶⁸ Древнее поселение занимает мыс правого берега р. Трубезь при впадении в нее р. Лыбедь. Четырехугольная (690×540 м) в плане площадка городища с юга и востока омывается Лыбедью, а с севера — Трубежем. С напольной, западной, стороны сохранились следы вала (длина 220 м, высота 12 м) и глубокого сулого рва.

Памятник неоднократно обследовался археологами. Раскопки проведены В. А. Городцовым, Н. П. Милоновым, А. Л. Монгайтом¹⁶⁹. Культурный слой (свыше 5 м) нарушен позднейшими перекопами, внизу сохраняет органические вещества. Обнаружены следы отложений XII—XIII вв. В горизонтах XII—XIII вв. найдены деревянные настилы улиц, частоколы, остатки деревянных срубов. Среди вещевых находок — обломки гончарной посуды, стеклянные браслеты, шиферные пряслица, цилиндрические замки и ключи к ним, бусы, различные поделки из дерева и кости. В Переяславле найден клад серебряных монетных гривен. Судя по отдельным находкам в городе, укрепленное поселение уже на рубеже XII—XIII вв. было окружено селищами-посадами. Расцвет Переяславля приходится на конец XIII—XIV в., когда сюда переместилась столица Рязанского княжества.

Изяславль (с. Ижеславль Рязанской обл.). Напротив села, на правом берегу р. Проня, расположено городище — остатки древнерусского Изяславля (Рязанского), впервые упомянутого в связи с событиями 1237 г. в Повести о разорении Рязани Батыем¹⁷⁰. С трех сторон четырехугольная в плане площадка (280×200 м) поселения окружена тремя рядами валов и рвов. На северной стороне, обращенной к Проне, также заметны следы разрушенного вала. В северо-западном углу городища двумя невысокими валами (высота 1,2—2 м) и рвом (глубина 2 м) выделен детинец (30×20 м). В валах сохранилось три проема — следы ворот. Памятник неоднократно обследовался археологами. Раскопки городища проведены А. Л. Монгайтом¹⁷¹. Культурный слой (менее 1 м) содержит обломки древнерусской (XII—XIII вв.) гончарной посуды. Раскопками обнаружены остатки наземных жилищ и частоколов, разграничивавших усадьбы. Найдены обломки стеклянных браслетов, трубчатые замки, ключи, ножи, пробои, наконечники стрел, топоры, ручки амфор, серебряные и бронзовые браслеты, перстни, нательные кресты, рыболовные крючки и пр.

Пронеск (г. Пронск Рязанской обл.). В южной части города, на высоком узком мысу (Покровский бугор) левого берега Прони, находится городище — остатки древнерусского Пронеска, впервые упомянутого в Никоновской летописи под 1131 г.¹⁷² Более надежны сведения 1186 г. (Лаврентьевская летопись) о подготовке пронских князей Глебовичей к отражению нападения на город¹⁷³. Таким образом, Пронеск во второй половине XII в. был уже удельным городом. Здесь жили бояре, упомянутые летописью. В городе было трое ворот. Жители Пронеска решительно защищали свой город, сами приглашали князей. В 1237 г. Пронеск разорили войска Батя.

Судя по остаткам двух рвов, укрепленное поселение состояло из двух площадок (300×150—60 и 300×200 м). С запада его омывала Проня, а с других сторон естественными рубежами являлись глубокие овраги, по которым текли ручьи. Первые археологические исследования в Пронске начались в конце XIX в. Затем поселение исследовали Н. П. Милонов и А. А. Мансуров¹⁷⁴. В 1969—1970 гг. раскопки были продолжены В. А. Мальм и М. В. Фехнер¹⁷⁵. Культурный слой значительной мощности содержит отложения железного века (городецкая культура), древнерусского (XII—XIII вв.) и более позднего (XIV—XVII вв.) времени. Обнаружены остатки нескольких наземных жилищ, следы частоколов и древней улицы. Кроме обломков гончарной посуды, найдены шиферные пряслица, ножи, замки, ключи, бусы, осколки поливной среднеазиатской посуды, бронзовые замочки болгарского типа, костяные гребни, навершие булавы, стеклянные браслеты и т. п. В северной части городища, у разрушенного вала, по-видимому, находились сыродутные горны и кузница. В одном из жилищ найдены каменная литейная формочка и несколько заготовок для других формочек. В 1872 г. в Пронске был обнаружен клад из денежных серебряных слитков и золотых пластинок. Городище окружено обширными неукрепленными селищами-посадами.

Новый городок Ольгов (д. Никитино Рязанской обл.). Близ деревни, на высоком правом берегу Оки, над устьем Прони, открыто городище (у Климентовского погоста) — остатки древнерусского Нового городка Ольгова, упомянутого в «Списке городов...» конца XIV в.¹⁷⁶ Поселение занимает мыс, возвышающийся на 20 м над уровнем реки. Площадка городища, треугольная в плане (170×120 м, площадь 1,3 га), с юга ограничена глубоким оврагом, по дну которого протекает ручей, а с северо-запада — крутыми склонами к пойме Оки. С напольной стороны сохранились вал (высота 3—4 м) и ров. Въезд находился в юго-восточном углу, между двумя заходящими друг за друга концами вала. У самого въезда обнаружены фундаменты каменной церкви рубежа XII—XIII вв. Памятник исследован А. В. Селивановым, А. Л. Монгайтом, П. А. Раппопортом¹⁷⁷. Культурный слой нарушен распашкой и смывами. Помимо обломков гончарной посуды (XII—XIII вв.), обнаружены следы наземных жилищ, шиферные пряслица, ножи, янтарный крестик, бусы, осколки стеклянных браслетов и пр. Неподалеку расположено открытое селище.

74 памятника, краткое описание которых приведено выше, по археологическим данным и сведениям письменных источников были во второй половине XII—середине XIII в. поселениями городского типа. В отличие от крупнейших столичных центров Руси, и по политическому, и по социально-экономическому уровню, и даже по размерам они действительно являются «малыми» городами. Укрепленная валами и рвами площадь лишь у 10 (Вышегород, Торчешский, Городец-Остерский, Новгород-Северский, Путивль, Звенигород-Галицкий, Витебск, Переяславль-Залесский, Городец и Переяславль-Рязанский) из них превышала в указанное время 10 га. В Белоозере тогда вовсе не было укреплений, но материалы раскопок убедительно свидетельствуют о его городском облике.

По землям-княжениям археологически изученные малые города распределяются следующим образом: Киевская земля — 10, Переяславская земля — 2, Черниговская — 11, Галицкая земля — 6, Волынская — 12, Туровская — 3, Полоцкая — 7, Смоленская — 4, Новгородская — 5, Ростовская (Владимиро-Суздальская) — 10, Рязанская — 4. В письменных источниках XI—XIV вв. неизвестны названия семи из рассмотренных городов (Слободка, Спас-Городок, Браслав, Семьинское городище, Вортынцево, городище Ленковцы, Давид-Городок). Однако Браслав упоминается под 1065 г. в поздних западнорусских хрониках. Давид-Городок, по видимому, назван в числе литовских городов в грамоте Казимира 1480 г.

Перечисленные поселения изучены раскопками далеко не равномерно. Поэтому выводы об их социальном типе не во всех случаях опираются на исчерпывающую совокупность «городских» признаков. Новые исследования не только внесут коррективы в предложенные здесь определения, но и пополнят список древнерусских городских центров XII—XIII вв.

¹ ПСРЛ. Л., 1926. Т. I. Стб. 60.

² Довженко В. Й. Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр. // Археологія. Київ, 1950. Т. III; *Он же*. Розкопки древнього Вишгорода // АП. Київ, 1952. Т. III; Каргер М. К. К истории киевского зодчества XI в.: Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде // СА. М.; Л., 1952. Т. XVI; Археологія Української РСР. Київ, 1975. Т. III. С. 229—236.

³ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 400, 418, 539.

⁴ Раппопорт П. А. Оборонительные сооружения на городище в с. Старые Безрадицы // КСИИМК. М., 1951. Вып. XLI.

⁵ Рыбаков Б. А. Владимировы крепости на Стугне // КСИА. М., 1965. Вып. 100.

⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 426.

⁷ Довженко В. Й. Літописний Чучин // Археологія. Київ, 1964. Т. XVI; *Он же*. Древнерусские городища на среднем Днепре // СА. 1967. № 4; Археологія Української РСР. Київ, 1975. Т. III.

⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 221.

⁹ Максимов Е. В., Петрашенко В. А. Раскопки поселения Монастырек // АО 1980 г. М., 1981. С. 276, 277.

¹⁰ Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв. Киев, 1980. С. 143—146.

¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 383.

¹² Богусевич В. А. Канівська археологічна експедиція // АП. Київ, 1952. Т. III. С. 141—152.

¹³ Толочко П. П. Киев и Киевская земля... С. 146, 147.

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 65.

¹⁵ Беляшевский Н. Ф. Раскопки на Княжей горе в 1891 г. Киев, 1892; Мезенцева Г. Г. Древньоруське місто Родень. Київ, 1968.

¹⁶ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. I. С. 176.

¹⁷ Толочко П. П. Киев и Киевская земля... С. 149, 150.

¹⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 181.

¹⁹ Орлов Р. С. Раскопки в Белой церкви // АО 1980 г. М., 1981. С. 295.

- 20 ПСРЛ. Т. I. Стб. 456.
- 21 Там же. Стб. 218.
- 22 Рыбаков Б. А. Торческ — город черных клубуков // АО 1966 г. М., 1967. С. 243—245.
- 23 ПСРЛ. Т. II. Стб. 836.
- 24 Выезжев Р. И. Раскопки в Городске в 1955 г. // КСИА АН УССР. Киев, 1957. Вып. 7; *Он же*. Раскопки «Малого городища» летописного Городеска // КСИА АН УССР. Киев, 1960. Вып. 10; *Он же*. Будівлі «Малого городища» X—XIII ст. в Городську // АП. Київ, 1962. Т. XII. ПСРЛ. Т. II. Стб. 234.
- 25 Лінка Н. В. Работы экспедиції «Великий Київ» за 1947 р. // АП. Київ, 1952. Т. III; Раппопорт П. А. Обслежения городищ в районе Киева у 1950 р. // Археология. Київ, 1952. Т. VII; *Он же*. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. // МИА. М.; Л., 1956. № 52. С. 52—54, 70, 71, 109, 173, 182.
- 27 ПСРЛ. Т. I. Стб. 162.
- 28 Довженко В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. А. Давньоруське місто Воїнь. Київ, 1966.
- 29 ПСРЛ. Т. II. Стб. 248.
- 30 Богусевич В. А. Остерский городок // КСИА АН УССР. Киев, 1962. Вып. 12.
- 31 ПСРЛ. Т. I. Стб. 248.
- 32 Коваленко В. П., Куза А. В., Орлов Р. С. Раскопки в Новгороде-Северском // АО 1979 г. М., 1980. С. 280, 281; Коваленко В. П., Куза А. В., Моця А. П. Раскопки в Новгороде-Северском // АО 1980 г. М., 1981. С. 259.
- 33 ПСРЛ. Т. I. Стб. 23.
- 34 Гончаров В. К. Розкопки древнього Любеча // АП. Київ, 1952. Т. III.
- 35 Рыбаков Б. А. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей // КСИА. М., 1964. Вып. 99; *Он же*. Любеч и Витичев — ворота «внутренней Руси» // Тез. докл. советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965.
- 36 ПСРЛ. Т. II. Стб. 500.
- 37 Бліфельд Д. I. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. // АП. Київ, 1955. Т. V. ПСРЛ. Т. II. Стб. 329.
- 38 Богусевич В. А. Розкопки в Путивльському кремлі // Археология. Київ, 1963. Т. XV; Рыбаков Б. А. Раскопки в Путивле // АО 1965 г. М., 1966; Сухобоков О. В. Раскопки в Путивле // АО 1980 г. М., 1981. ПСРЛ. Т. II. Стб. 638.
- 40 Падин В. А. Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска // КСИИМК. М., 1948. Вып. XXIII.
- 42 Раппопорт П. А. Трубчевск // СА. 1973. № 4.
- 43 Никольская Т. Н. Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. М., 1981. С. 160—164.
- 44 ПСРЛ. Т. II. Стб. 334.
- 45 Равдина Т. В. О времени возникновения Брянска // КСИА. М., 1973. Вып. 135.
- 46 ПСРЛ. Т. II. Стб. 312.
- 47 Рыбаков Б. А. Вщиж — удельный город XII в. // КСИИМК. М., 1951. Вып. XXXVIII.
- 48 ПСРЛ. Т. II. Стб. 340.
- 49 ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VII. Стб. 38.
- 50 НПЛ. М., 1950. С. 71, 280.
- 51 Никольская Т. Н. Земля вятичей... С. 136—141.
- 52 Там же. С. 167—169.
- 53 Третьяков П. Н. Калужская экспедиция ГАИМК 1936 г. // СА. М.; Л., 1937. Т. IV. С. 328—330; Раппопорт П. А. Укрепления раннемосковских городищ // КСИИМК. М., 1959. Вып. 71; Никольская Т. Н. Земля вятичей... С. 164—168.
- 54 ПСРЛ. Т. II. Стб. 479.
- 55 ПСРЛ. Т. I. Стб. 81.
- 56 Там же. Стб. 206.
- 57 Ратич О. О. Літописний Звенигород // Археология. Київ, 1973. № 12.
- 58 ПСРЛ. Т. I. Стб. 257.
- 59 Свешніков І. К. Археологічні роботи Львівського історичного музею в 1952—1957 рр. // Львівський державний історичний музей: Археологічні роботи музею в 1952—1957. Львів, 1959; Власова Г. М. Бронзовые изделия XI—XIII вв. из с. Зеленче // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1962. Вып. 4; Раппопорт П. А. Военное зодчество западно-русских земель X—XIV вв. // МИА. Л., 1967. № 140. С. 24, 25.
- 60 ПСРЛ. Т. II. Стб. 662.
- 61 Раппопорт П. А. К вопросу о Плеснеске // СА. 1965. № 4.
- 62 Кучера М. П. Древний Плеснеск // АП. Київ, 1962. Т. XII.
- 63 ПСРЛ. Т. II. Стб. 770.
- 64 Там же. Стб. 761.
- 65 Тимошук Б. А. Древнерусские города северной Буковины // Древнерусские города. М., 1981. С. 129—135; *Он же*. Давньоруська Буковина. Київ, 1982. С. 138—153.
- 66 Тимошук Б. А. Ленковичкоє древнеруське городище // СА. 1959. № 4; *Он же*. Древнерусские города северной Буковины. С. 125—129; *Он же*. Давньоруська Буковина. С. 68—82.
- 67 ПСРЛ. Т. I. Стб. 247.
- 68 ПСРЛ. Т. II. Стб. 246.
- 69 Раппопорт П. А. Военное зодчество западно-русских земель... С. 9, 10, 56, 62, 63, 125—126, 133, 135, 151, 155, 180, 181, 189.
- 70 ПСРЛ. Т. I. Стб. 149.
- 71 Раппопорт П. А. Военное зодчество запад-

- норусских земель. . . С. 64, 101, 164, 179, 180, 182; *Петегирич В. М.* Раскопки летописного Белза // АО 1979 г. М., 1980. С. 324; *Он же.* Раскопки летописного Белза // АО 1980 г. М., 1981. С. 301.
- ⁷² ПСРЛ. Т. I. Стб. 81.
- ⁷³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 746.
- ⁷⁴ Там же. Стб. 131, 137.
- ⁷⁵ *Поплэ А. В.* Деякі питання заселення польско-русского рубежа в раннем среднемівчч // Український історичний журнал. 1960; № 6; *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель... С. 8, 63, 64, 121, 154; *Кучинко М. М.* Матеріальна культура населения между речья Западного Буга и Вепра в IX—XIII вв. // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 80, 83, 86—89.
- ⁷⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 186.
- ⁷⁷ *Каргер М. К.* Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг. // Тез. докл. советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965; *Археологія Української РСР.* Київ, 1975. Т. III. С. 276, 277; *Пескова А. А.* Древний Изяславль // КСИА. М., 1981. Вып. 164.
- ⁷⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 205.
- ⁷⁹ *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель. . . С. 65, 66, 180, 182, 189, 190, 225.
- ⁸⁰ *Никольченко Ю. М., Киян Э. Ф.* Работы Ровенского краеведческого музея // АО 1972 г. М., 1973. С. 319; *Они же.* Раскопки в Ровенской обл. // АО 1973 г. М., 1974. С. 320, 321; *Они же.* Работы Ровенского краеведческого музея // АО 1974 г. М., 1975; *Никольченко Ю. М.* и др. Раскопки Дорогобужа // АО 1975 г. М., 1976.
- ⁸¹ *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв. // САИ. Л., 1982. Вып. Е1-47. С. 105.
- ⁸² ПСРЛ. Т. II. Стб. 403.
- ⁸³ Там же. Стб. 386.
- ⁸⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 145.
- ⁸⁵ Там же. Стб. 271.
- ⁸⁶ *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 153—160; *Очерки по археологии Белоруссии.* Минск, 1972. Ч. II. С. 110—115.
- ⁸⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 310.
- ⁸⁸ *Авенариус Н. П.* Дрогоичин Надбужский и его древности // МАР. СПб., 1890. № 4; *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель. . . С. 36, 37, 132, 180, 183, 225.
- ⁸⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 292.
- ⁹⁰ *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно // МИА. М.; Л., 1954. № 41; *Очерки по археологии Белоруссии.* С. 135—138.
- ⁹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 776.
- ⁹² *Гуревич Ф. Д.* Некоторые итоги археологического исследования детинца древнего Новогрудка // КСИА. М., 1974. Вып. 139; *Она же.* Древний Новогрудок. Л., 1981; *Очерки по археологии Белоруссии.* С. 138—140.
- ⁹³ *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель. . . С. 122—124.
- ⁹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 816.
- ⁹⁵ *Пех Г. И.* Раскопки в Волковыске в 1958 г. // СА. 1963. № 1; *Раппопорт П. А.* Раскопки в Волковыске в 1959 г. // СА. 1963. № 1; *Каргер М. К.* К вопросу о памятниках зодчества XII в. в Волковыске // Славяне и Русь. М., 1968; *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск X—XIV вв. Минск, 1975.
- ⁹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 816.
- ⁹⁷ *Пех Г. И.* Раскопки древнего Слонима // Древности Белоруссии. Минск, 1966; *Зверуго Я. Г.* Раскопки в Слониме // АО 1968 г. М., 1969; *Очерки по археологии Белоруссии.* С. 146, 148.
- ⁹⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 76.
- ⁹⁹ *Полубояринова М. Д.* Раскопки древнего Турова (1961 г.) // КСИА. М., 1963. Вып. 96; *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 33—69.
- ¹⁰⁰ *Каргер М. К.* Новый памятник зодчества XII в. в Турове // КСИА. М., 1965. Вып. 100.
- ¹⁰¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 258.
- ¹⁰² *Равдина Т. В.* Раскопки в Пинске // СА. 1966. № 1; *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. С. 69—117.
- ¹⁰³ *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. С. 118—192; *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель. С. 106, 107.
- ¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 166.
- ¹⁰⁵ *Тарасенко В. Р.* Древний Минск // Материалы по археологии БССР. Минск, 1957. Т. 1; *Загорюльский Э. М.* Древний Минск. Минск, 1963; *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск, 1978. С. 72—81.
- ¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 248.
- ¹⁰⁷ *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля: Очерки истории северной Белоруссии в IX—XIII вв. М., 1966. С. 149—161.
- ¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. V. СПб., 1851. С. 134.
- ¹⁰⁹ *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 222, примеч. 91.
- ¹¹⁰ *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли. С. 31—41.
- ¹¹¹ *Алексеев Л. В.* К истории и топографии древнейшего Витебска // СА. 1961. № 1;

- Каргер М. К. Церковь Благовещения в Витебске // КСИА. М., 1978. Вып. 155; Очерки по археологии Белоруссии. С. 77—80; Левко О. Н. и др. Исследования Витебского отряда // АО 1976 г. М., 1977. С. 409, 410; Калединский Л. В. Раскопки в Витебске // АО 1979 г. М., 1980. С. 364, 365.
- ¹¹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 248.
- ¹¹³ Очерки по археологии Белоруссии. С. 87, 88; Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. . . С. 90—92.
- ¹¹⁴ Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава // КСИА. М., 1961. Вып. 81; *Он же*. Полоцкая земля. . . М., 1966. С. 173—178.
- ¹¹⁵ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.; Л., 1938. С. 125.
- ¹¹⁶ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. . . М., 1966. С. 169, 170; Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. . . С. 61, 62.
- ¹¹⁷ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. С. 92.
- ¹¹⁸ Стубавс А. Археологические раскопки 1961 г. в Кокнесе // ТДСАЭЭ. Рига, 1962; *Он же*. Археологические раскопки на городище Кокнесе в 1965 г. // ТДСАЭЭ. Рига, 1964; *Он же*. Археологические раскопки на городище Кокнесе в 1965 г. // ТДСАЭЭ. Рига, 1966; Алексеев Л. В. Полоцкая земля. . . М., 1966. С. 170—173; Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. . . С. 59—61.
- ¹¹⁹ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 141.
- ¹²⁰ Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвьяния в I и начале II тысячелетия н. э. // МИА. М., 1960. № 76; Раппопорт П. А. Оборонительные сооружения Торопца // КСИА. М., 1961. Вып. 86; Малевская М. В. Раскопки на Малом Торопецком городище // КСИА. М., 1963. Вып. 96; *Она же*. Раскопки на Малом Торопецком городище // КСИА. М., 1967. Вып. 110; Алексеев Л. В. Периферийные центры домонгольской Смоленщины // СА. 1979. № 4; *Он же*. Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и восточной Белоруссии. М., 1980. С. 161—165.
- ¹²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 485.
- ¹²² Алексеев Л. В. Древний Мстиславль // КСИА. М., 1976. Вып. 146; *Он же*. Периферийные центры домонгольской Смоленщины; *Он же*. Смоленская земля. . . С. 167—177.
- ¹²³ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 146.
- ¹²⁴ Алексеев Л. В. Древний Ростиславль // КСИА. М., 1974. Вып. 139; *Он же*. Периферийные центры домонгольской Смоленщины; *Он же*. Смоленская земля. . . С. 177—183.
- ¹²⁵ Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. № 159. С. 93.
- ¹²⁶ ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841. С. 212; Т. V. С. 139.
- ¹²⁷ Михайловский Л. А. Петровский вал. Минск, 1951; Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. . . С. 93—95; Загоруйский Э. М. Раскопки в Копыси // АО 1972 г. М., 1973. С. 358—360; *Он же*. Открытия в Копыси // Неман. 1973. № 1.
- ¹²⁸ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 143.
- ¹²⁹ Там же. С. 146.
- ¹³⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 29.
- ¹³¹ Тараканова С. А. О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИИМК. М., 1950. Вып. XXXV; *Она же*. Псковское городище // КСИИМК. М., 1956. Вып. 62; Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. Л., 1962. Вып. 4; Белецкий С. В. Раскопки в псковском кремле в 1972—1974 гг. // КСИА. М., 1978. Вып. 155; Лабутина И. К. Итоги изучения культурного слоя Пскова // КСИА. М., 1981. Вып. 164.
- ¹³² ПСРЛ. Т. II. Стб. 19.
- ¹³³ Равдоникас В. И. Старая Ладога // СА. М.; Л., 1949. Т. XI. Ч. I; Т. XII. Ч. II.
- ¹³⁴ Кириччинов А. Н. Ладога и Переяславль Южный — древнейшие каменные крепости на Руси // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. М., 1974; Корзухина Г. Ф. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге // СА. 1961. № 3; Давидан О. И. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. Л., 1976. Вып. 17; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники древней Руси IX—XI вв. Л., 1978. С. 85—90.
- ¹³⁵ НПЛ. С. 32, 220.
- ¹³⁶ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978. С. 124—127.
- ¹³⁷ Медведев А. Ф. Из истории Старой Руссы // СА. 1967. № 3; *Он же*. Новые материалы о Старой Руссе // АО 1971 г. М., 1972; *Он же*. Усадьбы ростовщика и ювелира в Старой Руссе // АО 1977 г. М., 1978.
- ¹³⁸ НПЛ. С. 25, 211.
- ¹³⁹ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. // МИА. М.; Л., 1961. № 105. С. 35, 36, 67, 84, 129, 139, 184, 189, 192—194, 245.
- ¹⁴⁰ Малыгин П. Д. Раскопки в Торжке и разведки в верховьях Западной Двины // АО 1980 г. М., 1981. С. 65, 66.
- ¹⁴¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 20.

- ¹⁴² *Тараканова С. А.* Старый Изборск // КСИИМК. М., 1948. Вып. XX; *Гроздилов Г. П.* Археологические памятники Старого Изборска // АСГЭ. Л., 1965. Вып. 6/7.
- ¹⁴³ *Седов В. В.* Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг. // КСИА. М., 1974. Вып. 144; *Он же.* Лепная керамика Изборского городища // КСИА. М., 1978. Вып. 155. ПСРЛ. Т. I. Стб. 20.
- ¹⁴⁴ *Голубева Л. А.* Вещь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973.
- ¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 175.
- ¹⁴⁶ *Воронин Н. Н.* Раскопки в Ярославле // МИА. М.; Л., 1949. № 11. С. 177—192; *Он же.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Краеведческие зап. Ярославль, 1960. Вып. 4; *Дубов И. В., Иоаннисян О. М.* К топографии древнего Ярославля: Итоги и задачи изучения // КСИА. М., 1980. Вып. 160; *Дубов И. В.* Археологическое изучение городов Северо-Восточной Руси // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 109—113.
- ¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 445.
- ¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. V. С. 160.
- ¹⁴⁹ *Милонов Н. П.* Дмитровское городище // СА. М.; Л., 1937. Т. IV; *Никигин А. В.* К характеристике материалов раскопок в Дмитрове (1933—1934) // Древности Московского Кремля (МИА. № 167). М., 1971; *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси... С. 20, 21.
- ¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 364.
- ¹⁵¹ *Медведев А. Ф.* Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге // Культура Древней Руси. М., 1966; *Он же.* Первые раскопки Городца на Волге // КСИА. М., 1967. Вып. 110; *Он же.* Новые материалы к истории Городца на Волге // КСИА. М., 1968. Вып. 113.
- ¹⁵² *Гусева Т. В.* Раскопки в Городце на Волге // АО 1979 г. М., 1980. С. 142; *Она же.* Раскопки в Городце на Волге // АО 1980 г. М., 1981. С. 50, 51.
- ¹⁵³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 1, 7, 11. С. 7, 9, 23, 31.
- ¹⁵⁴ *Татищев В. Н.* История Российская. М., 1774. Кн. III. С. 482, примеч. 458.
- ¹⁵⁵ *Рабинович М. Г.* К истории русской фортификации: Укрепления Перемышля-Московского // Культура Древней Руси. М., 1966; *Раппопорт П. А.* Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. // КСИИМК. М., 1956. Вып. 62.
- ¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 339.
- ¹⁵⁷ *Воронин Н. Н., Рабинович М. Г.* Археологические работы в Московском Кремле // СА. 1963. № 1; *Рабинович М. Г.* О древней Москве. М., 1964; Древности Московского Кремля // МИА. М., 1971. № 167; *Шеляпина Н. С.* К истории изучения Успенского собора Московского Кремля // СА. 1972. № 1; *Дубынин А. Ф.* К истории Московского посада // КСИИМК. М., 1957. Вып. 68.
- ¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. IX. СПб., 1862. С. 197; СПб., 1859. Т. VIII. С. 13.
- ¹⁵⁹ *Воронин Н. Н.* Раскопки в Переславле-Залеском // МИА. М.; Л., 1949. № 11. С. 193—202; *Каменецкая Е. В., Пуришев И. Б.* Деревянные конструкции вала Переславля-Залеского // СА. 1974. № 1; *Дубов И. В.* Археологическое изучение городов Северо-Восточной Руси. С. 117—126.
- ¹⁶⁰ *Мошенина Н. Н.* Раскопки Семьинского городища // АО 1976 г. М., 1977. С. 62, 63; *Она же.* Раскопки в г. Владимире и на Семьинском городище // АО 1977 г. М., 1978. С. 76; *Она же.* Раскопки Семьинского городища // АО 1978 г. М., 1979. С. 66, 67.
- ¹⁶¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 580.
- ¹⁶² *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961. Т. I. С. 201—261.
- ¹⁶³ ПСРЛ. Т. IV. СПб., 1848. С. 10.
- ¹⁶⁴ НПЛ. С. 477.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ *Седова М. В.* Ярополч Залеский. М., 1978.
- ¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 486.
- ¹⁶⁹ *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961. С. 163—182.
- ¹⁷⁰ Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 26.
- ¹⁷¹ *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. С. 219—228.
- ¹⁷² ПСРЛ. Т. IX. С. 157.
- ¹⁷³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 401.
- ¹⁷⁴ *Милонов Н. П.* Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань, 1931; *Он же.* Основные источники и приемы изучения истории сел и городов Рязанской обл. Рязань, 1950.
- ¹⁷⁵ *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневне // Археология Рязанской земли. М., 1974.
- ¹⁷⁶ НПЛ. С. 476.
- ¹⁷⁷ *Монгайт А. Л., Раппопорт П. А., Чернышев М. Б.* Церковь Нового Ольгова городка // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 163—168.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ В XII—XIII ВВ.

РЕМЕСЛО

Археологические исследования позволяют реконструировать картину экономического быта малых городов. В их хозяйственной жизни большую роль играло ремесло. Правда, о развитии тех или иных отраслей ремесленного производства чаще приходится судить по находкам готовых изделий, чем по обнаруженным мастерским. Это обстоятельство в значительной степени затрудняет изучение развития ремесла в конкретных городах. Местное изготовление тех или иных предметов не всегда может быть доказано.

Металлургия не относится к числу наиболее характерных занятий древнерусских горожан. Печи-домницы и печи-ямы для варки железа обнаружены в Вышгороде, Городске (около 10), Ленковцах, Дрогичине, Волковыске, Пинске, Новгороде-Северском, Пскове, Коломне, Белоозере, Пронске. Они размещались по большей части на краю поселения, за линией укреплений. Находки губчатого железа на дне кухонных горшков скорее всего свидетельствуют не о выплавке в домашних условиях, а о цементации уже полученного в домницах кричного железа¹. Это же можно сказать и о готовых крицах. В большинстве своем они поступали в города из сельской местности. Железоделательный промысел был гораздо шире распространен среди сельского населения, так как велся в непосредственной близости от источников сырья — болотной руды и древесного угля². Горожанам добывать эти компоненты было значительно сложнее. Следует также учитывать, что земля и леса, где имелись руда и запасы дерева, принадлежали, как правило, сельским общинам и феодалам. Вряд ли угодий, непосредственно «тянувших» к городу, хватало для организации в широких масштабах металлургического производства.

Обработка железа (кузнечное и слесарное дело), напротив, получила в городах массовое распространение. Остатки кузниц найдены в Родне (Княжая Гора), Вышгороде, Воине, Любече, Слободке, Друцке, Новогрудке, Белоозере, Коломне, Пронске и др. Однако различный кузнечно-слесарный инструментарий встречается почти повсеместно. Определить число кузнецов, работавших одновременно в каком-либо городе, пока не представляется возможным. Большинство кузниц находилось за пределами жилой застройки из-за опасности пожаров. Поэтому они редко оказываются в поле зрения археологов.

Самые обширные данные имеются сейчас о ювелирном, прежде всего меднолитейном, ремесле в малых городах. Ювелирные мастерские исследованы в Вышгороде, Путивле, Новгороде-Северском, Турове, Новогрудке,

Серенске, Слободке, Белоозере, Ярополче-Залесском, Минске, Пскове и др. Каменные литейные формочки найдены в Вышгороде, Родне, Городске, Новгороде-Северском, Турове, Гродно, Волковыске, Слониме, Новогрудке, Друцке, Минске, Витебске, Мстиславле, Ерсике, Серенске, Слободке, Ярополче-Залесском, Копыси и др. Мастера малых городов овладели сложной техникой изготовления полых металлических изделий (литье навып-леск) в составных каменных имитационных формах. Этим способом из сравнительно недорогих сплавов делались украшения (колты, бусы, кресты, привески), подражавшие дорогим предметам парадного боярско-княжеского убора, выполненным в технике тиснения, скани и зерни. Ювелирные тигли-огнеупоры, льячки, пинцеты, зубильца, молоточки, клещи-кусачки, ножницы по металлу в малых городах найдены неоднократно. Ювелиры изготавливали широкий ассортимент предметов: перстни, браслеты, височные кольца, привески различных типов, крестики, находившие спрос, вероятно, не только в городе, но и в его ближайшей сельской округе.

Деревообрабатывающее ремесло, безусловно, было одним из самых массовых в малых городах. Топоры, тесла, скобели, долота, стамески, токарные резцы, ложкари, пилы, сверла входят в число распространенных находок. Однако выделить мастерские профессионалов-плотников, столяров, бондарей удастся очень редко. Дерево — основной строительный и поделочный материал на Руси. Дома, мебель, транспорт, столовая посуда, многие предметы повседневного обихода делались из дерева. Поэтому инструменты для его обработки имелись в каждом дворе. Ими пользовались постоянно во всяких домашних работах. Более определенно можно судить о присутствии в малых городах токарей по дереву. Об этом говорят находки токарных резцов, точеной деревянной посуды и деревянных бобошек — отходов токарного производства. Бондарное дело, требующее специальных навыков, также, надо полагать, выделилось в самостоятельную отрасль ремесла.

Обработка кости велась почти повсеместно. Из кости делались гребни, рукояти ножей, шильев, плетей, различные накладки, пуговицы, шахматные фигурки, проколки, наконечники стрел и т. п. Отходы косторезного дела — обычная находка в городских слоях. Но в большинстве случаев археологи имеют дело с домашним промыслом. Косторезные мастерские обнаружены в Ярополче-Залесском, Белоозере, Друцке, Копыси, Звенигороде, Пересопнице, Дрогичине, Новогрудке. В набор инструментов мастера-костореза входили ножи, пилки, сверла, напильники, резцы. Сырьем служили рога лосей и оленей, трубчатые кости крупного рогатого скота. Для производства круглых изделий использовался токарный станок.

На ряде поселений зафиксировано камнерезное ремесло. Из камня изготавливались мельничные жернова, точила, литейные формы, пряслица, грузила для сетей, крестики, иконки. В Любече обнаружена мастерская токаря-камнереза Ивана, сделавшего для своей дочери миниатюрное пряслице. Мастерская резчика иконок и крестов исследована в Торжке. Мастерские по обработке камня найдены также в Торческом, Витачове, Родне. В детинце Новогрудка жил мастер, использовавший для различных поделок горный хрусталь. Следы обработки янтаря отмечены в Турове, Путивле, Новгороде-Северском, Новогрудке, Волковыске и др.

Распространенной отраслью городского хозяйства было кожевенно-сапожное ремесло. Однако кожа в сухом культурном слое сохраняется плохо. Мастерская сапожника открыта в Минске. Колодки-правила для производства обуви найдены в Гродно, Давид-Городке, Старой Руссе, Минске, Витебске. Отходы кожевенного производства отмечены в Пинске, Друцке, Витебске, Пскове, Старой Руссе.

Стеклянные изделия изготовлялись по преимуществу в крупнейших центрах Руси. Однако следы мастерской стеклодела, производившего, по всей вероятности, браслеты, перстни и бусы, найдены в Серенске³. Было свое производство стекла и в Любече⁴.

Гончарные горны, как и кузнечные, редко являются объектом исследований. Они располагались вдали от жилых кварталов городов. Гончарные горны найдены в Вышгороде, Василеве, Вщиже. Но производство круговой гончарной посуды было распространено повсеместно со второй половины—конца X в. Гончары, конечно, были в каждом городе. В XII в. под влиянием Киева в ряде городских центров — Любече, Вышегороде, Воине, Изяславле, Турове, Пинске, Новгородке, Мстиславле, Городке — наладилось изготовление собственной поливной керамики⁵. В связи с массовым строительством храмов в XII—XIII вв. в некоторых городах появились мастера-плинфodelатели. Но всегда ли они были местными ремесленниками или входили в состав княжеской или епископской строительной артели, переезжавшей из одного города в другой, установить трудно. Можно предполагать, что плинфodelатели и камнесечцы надолго обосновались там, где велось интенсивное и длительное строительство (Городен, Боголюбый, Ладога, Псков, Звенигород-Галицкий).

Находки свидетельствуют о широком развитии прядения и ткачества. Детали горизонтального ткацкого станка и челноки к нему найдены в Воине, Минске, Витебске, Кокнесе. Пряслица от веретен обнаружены везде. Вместе с тем нет достаточных данных, чтобы подтвердить выделение ткачества из разряда домашних промыслов в специальную отрасль ремесла малых городов.

Солеварение — экономически важный, но специфический вид ремесла-промысла — археологически зафиксирован только в Русе. Практически ничего неизвестно о представителях таких распространенных в средневековых городах профессий, как мясники, булочники, пирожники, кисельники и др., занимавшихся изготовлением продуктов питания.

Редкими профессиями в малых городах, надо полагать, были иконопись, фресковая живопись, переписка книг. Храмы расписывались скорее всего столичными мастерами, хотя в XII—XIII вв. в Пскове, Ладоге и, может быть, еще кое-где имелись свои живописцы. В окольном городе Новогрудка стены одного из богатых домов были оштукатурены и украшены фресками, вероятно, местным мастером. Застежки и накладки от книжных переплетов найдены во многих городах. Но сами книги чаще всего переписывались в таких общерусских центрах, как Киево-Печерский или Юрьевский новгородский монастыри.

Ремесло малых городов, конечно, несколько уступало ремесленному производству крупнейших столичных центров, прежде всего по массовости и специализации продукции. Трудно предположить, что кузнецы сравнительно небольших поселений специализировались, например, только на

изготовлении гвоздей или замков. Для постоянного сбыта столь дифференцированных изделий у них не было рынка. Не получило здесь широкого развития и стеклоделие. В абсолютном большинстве случаев найденные в малых городах предметы из стекла (браслеты, перстни, посуда, оконницы) привезены из Киева, Новгорода, Смоленска, Полоцка и других стольных городов⁶. Шедевры художественного ремесла, исполненные в технике перегородчатой эмали, тиснения и черни, также принадлежат столичным мастерам. Однако в целом ремесленники малых городов достигли к XIII в. высокого технологического уровня. Кузнецы в совершенстве владели различными приемами термической и холодной обработки железа и стали. Ювелиры умели отливать разными способами всевозможные украшения из серебра, золота, оловянистых сплавов, меди; волочением и ковкой делать проволоку.

Каменные имитационные литейные формочки из Серенска и Гродно не уступают лучшим киевским образцам. В ряде случаев отмечено сочетание в одной мастерской различных ремесел: обработки черного металла и меднолитейного дела (Вышгород), ювелирного производства и обработки кости (Новогрудок). Подобное соединение в одних руках или в одной мастерской обработки разных материалов характерно для средневекового ремесла⁷. Мастер, как правило, от начала до конца изготовлял все изделия сам. Так, ножечник делал и нож, и рукоять с ножнами к нему.

Очень интересны наблюдения над размещением ремесленных комплексов в малых городах. Мастерские или следы производственной деятельности обнаружены не только в окольных городах и на открытых селищах-посадах, но и в детинцах Вышегорода, Родня, Воиня, Новгорода-Северского, Путивля, Любеча, Серенска, Слободки, Звенигорода, Плеснеска, Белза, Городена, Новгородка, Турова, Пинска, Минска, Друцка, Витебска, Русы, Нового Торга и др. Таким образом, четкой закономерности в топографии ремесла малых городов нет.

Почти нигде не обнаружены компактные территории, заселенные ремесленниками одной профессии. Правда, ограниченные площади раскопок не позволяют считать это заключение достаточно обоснованным. Лишь в двух случаях исследованы скопления мастерских. В восточной части детинца Вышгорода, у самой кромки плато, раскопаны остатки кузницы и нескольких ювелирно-литейных мастерских⁸. Поблизости найдены еще одна металлургическая мастерская и жилище костореза. Иногда жилые постройки отделены от производственных, в других случаях они располагались в одном помещении. Примечательна связь обработки железа и цветных металлов в одних мастерских. Но рядом жили ремесленники и только одного направления. К сожалению, подробная полевая документация раскопок этого интересного участка не опубликована. Неясно хронологическое и стратиграфическое соотношение исследованных комплексов. Их одновременность устанавливается только по найденному инвентарю. Помимо орудий труда, сырья и отходов производства, в раскопках найдены шпоры, наконечники стрел, обломки стеклянной посуды, стеклянных браслетов и перстней, поливные плитки и поливные сосуды, глиняные яйца-писанки, обломки амфор (некоторые с процарапанными буквами), резная ладанка из кости, глиняная фигурка воина, кресты-энколпионы, крестик с выемчатой эмалью, два железных писала.

Большинство этих находок характерно для культурных отложений городов Руси. Однако чаще всего они встречаются на усадьбах феодальных верхов города. Представляется вероятным, что исследованные в восточной части детинца Вышгорода производственные комплексы не были просто кварталом ремесленников, а располагались на территории одной или нескольких больших феодальных усадеб. В пользу этого говорят и особенности ремесленного производства, и состав находок. Мастера, жившие и работавшие здесь, в первую очередь обеспечивали потребности крупного феодала и его двора.

Ф. Д. Гуревич вскрыла почти 2 тыс. кв. м в северо-восточной части Новогрудка. Поселение на этом месте возникло в конце X в. и существовало до 70-х годов XIII в. Укрепления окольного города возведены в середине XII в. Раскопками исследовано 39 построек. В XII—XIII вв. здесь находились, сменяя друг друга, 19 построек, в число которых входят обширные наземные дома. Печи в них делались из глины и кирпича, окна застеклялись. В одной из построек стены были оштукатурены и расписаны фресками. В большинстве из них обнаружены следы ювелирно-литейного производства, часто сочетавшегося с косторезным делом. Причем мастера располагались в жилищах, а для производственных нужд использовались обычные печи. Новогрудские ювелиры работали с цветными и благородными металлами. Однако объем ювелирных работ, по свидетельству Ф. Д. Гуревич, в новогрудских постройках невелик, и вырабатывались здесь довольно простые изделия¹⁰. Опираясь на эти наблюдения, а также на факты территориальной обособленности и традиционности (с конца X в.) ювелирно-литейного ремесла в окольном городе Новогрудка, отсутствие данных об усадебной планировке, автор раскопок считает, что исследован квартал златокузнецов, объединенных в корпоративную организацию типа западноевропейских цехов.

Этот исторически важный вывод тем не менее кажется преждевременным. Весь облик богатых жилищ, массовые находки полихромных византийских и сирийских стеклянных сосудов, иранского фаянса, западноевропейских вещей, привозных амфор, осколков оконных стекол (более 300) противоречат ему. В XII—XIII вв. «Новогрудок наводнен импортными изделиями»¹¹. По «находкам предметов роскоши он соперничает с прославленными древнерусскими городами, а в ряде случаев является обладателем уникальных вещей»¹². Однако в Киеве, Чернигове, Старой Рязани, Галиче, Новгороде и других крупнейших центрах Руси подобные находки неизменно связаны с территорией княжеских или боярских дворов. Именно они позволяют выявить места проживания феодальной знати. В Новогрудке же, считает Ф. Д. Гуревич, «богатство квартала создается на основе собственно златокузнечного дела»¹³.

Более вероятным представляется, что исследователи натолкнулись на боярскую усадьбу или усадьбы, располагавшиеся на данной территории. Уникальный дом с сюжетной фресковой росписью стен, дома с большими стеклянными окнами вполне соответствуют боярским хоромам или княжеским теремам, но плохо соотносятся с жилищем-мастерской даже очень богатого ремесленника. Ф. Д. Гуревич полагает, «что зависимые ремесленники для своей работы должны были иметь специальные помещения»¹⁴. Поскольку в Новогрудке жилые и производственные помещения совме-

щены, и даже в доме с фресками занимались литьем, то перед нами дома, принадлежавшие мастерам-ювелирам. Однако в Новгороде Великом во всех случаях ювелирные комплексы оказались и жилыми постройками¹⁵. Таков, например, дом Г17Ю на усадьбе Неревского раскопа в конце XII — начале XIII в.¹⁶ По размерам (10,2×7,8 м) он очень близок домам-мастерским Новогрудка. Новгородский дом был двухэтажным. В нижнем помещении — подклете — занимались ювелирным ремеслом, а верхний этаж был жилым. Первоначально этот дом определялся как жилище и мастерская богатого ювелира-медника¹⁷. Однако теперь доказано, что все усадьбы Неревского раскопа Новгорода принадлежали крупным боярам-вотчинникам¹⁸. Аналогичными были, по-видимому, и большие дома Новогрудка. Жилые помещения боярской семьи находились на втором этаже, а нижний отводился для занятий ремеслом и проживания зависимого люда. Таким образом, своеобразие находок в окольном городе Новогрудка, универсальность мастерства ювелиров и незначительный объем выпускаемой ими продукции скорее свидетельствуют в пользу вотчинного характера местного ремесла.

С распространением вотчинного ремесла в малых городах Руси связаны, по всей вероятности, и находки великолепных литейных формочек в детинце Серенска¹⁹. Среди них есть две с надписями: «Макосимове» и «Маси», т. е. Максима²⁰. Почерк этих надписей очень близок надписи «Максимов» на знаменитой формочке из Киева, найденной в 1936 г. в бывшей усадьбе Петровского²¹. Исследователи уже отождествляли Максима из Серенска и Максима из Киева. Открытым оставался вопрос о почти одновременном пребывании его в столь отдаленных друг от друга центрах. Но Серенск в XIII в. (с 1231 г.) был волостью (по-видимому, доминиальным владением) Михаила Всеволодовича Черниговского²². Последний же в самый канун Батыева разгрома Киева захватил великокняжеский престол²³. Вслед за своим князем или вместе с ним оказался в Киеве и его придворный ремесленник.

В детинце Серенска Т. Н. Никольской удалось проследить остатки большой (11,2×6,7 м) постройки, где найдены наковальня и многие каменные литейные формы²⁴. Здесь же обнаружены в большом количестве решетчатые перстни, бронзовые и серебряные браслеты, семипалочные височные кольца. По мнению автора раскопок, постройка была домом феодала, «в котором жили и работали несвободные мастера»²⁵.

Жилища-мастерские костореза и ювелира входили в комплекс феодальной усадьбы в Ярополче-Залесском²⁶. На городище Слободка на территории боярской усадьбы обнаружены кузница и гончарная мастерская²⁷. Имеющиеся материалы свидетельствуют что в малых городах Руси в XII—XIII вв. был распространен труд ремесленников, находившихся в зависимости от феодалов, проживавших в городе. Это явление не составляет особенности малых городов. Хорошо известны ремесленные мастерские на феодальных усадьбах Киева и Новгорода. В число ремесленников, обслуживавших двор феодала, в первую очередь входили кузнецы, ювелиры-литейщики, косторезы, гончары, изготовлявшие столовую поливную посуду. Однако труд зависимых ремесленников во второй половине XII—XIII в. уже не был рассчитан только на удовлетворение непосредственных потребностей феодала и его ближайшего окружения. Судя

по находкам из Любеча, Серенска и Новогрудка, часть продукции ювелиров и других мастеров поступала на городской рынок и даже попадала в окрестные сельские поселения²⁸.

Помимо вотчинного ремесла, в малых городах существовало и успешно развивалось ремесло лично свободных мастеров. Состояние источников не позволяет сегодня достоверно выяснить соотношение того и другого. Ограниченные площади раскопок затрудняют квалификацию многих вскрытых производственных комплексов по их социальной принадлежности. Дворы-усадыбы (площадь 200—600 кв. м.) свободных ремесленников исследованы в Русе, Минске, Друцке, Пинске, Белоозере, Слободке, Ярополче-Залесском. Они обнаружены как в детинцах, так и на посадах. На таком дворе имелись чаще всего одна жилая и две-три хозяйственные постройки. Обнаружены солеварни (Русса), мастерские кожевников и сапожников (Минск, Друцк, Пинск, Псков), кузнецов (Белоозеро), ювелиров-литейщиков (Минск, Белоозеро, Ярополч), косторезов (Белоозеро, Ярополч), плотника (Слободка). Конечно, список профессий свободных ремесленников малых городов XII—XIII вв. был значительно шире. Об их разнообразии можно судить по множеству предметов, найденных на большинстве памятников и в массе своей изготовленных здесь же.

В Ипатьевской летописи под 1259 г. сохранился рассказ об основании князем Даниилом города Холм. Решив построить новый город, князь начал призывать туда немцев, русь, иноязычников, ляхов. «Идяху день во день и уноты, и мастера всяции бежаху ис Татар: седельници, и лучници, и тулници, и кузници железу и меди и серебру, и бе жизнь и напощища двory»²⁹. Симптоматично, что начало жизни в городе автор рассказа связывает с приходом в Холм различных мастеров. Ремесленники, причем свободные, по свидетельству современника, в середине XIII в. составляли значительную часть населения города, давали ему «жизнь». Иными словами, города не мыслились без мастеров, и княжеская власть стремилась привлечь их туда.

У археологии нет пока возможности исследовать какой-либо малый город целиком. Поэтому об особенностях местного ремесла в ряде случаев приходится говорить предположительно. Вероятно, свободные городские ремесленники были теснее связаны с рынком, выпускали более стандартизованную и более дифференцированную продукцию, чем ремесленники вотчинные. Исследования технологии и ассортимента ремесленных изделий малых городов XII—XIII вв. свидетельствуют о высоком для средневековья уровне их ремесла.

ТОРГОВЛЯ

Данные о развитии торговли в малых городах Руси XII—XIII вв. обширны и разнообразны. Однако в основном они характеризуют торговлю внешнюю, прежде всего импорт. Конкретных сведений о вывозе из малых городов тех или иных товаров как на международные рынки, так и в другие центры Русского государства, и в сельскую округу значительно меньше.

Одной из важнейших статей импорта было сырье, в первую очередь цветные и благородные металлы. Железо на Руси имелось, но залежи руд цветных металлов отсутствовали. Поэтому ремесло должно было испы-

тывать в них недостаток. Широкое развитие в указанное время городского ремесла, постепенно переходившего к работе на рынок, заставляло импортировать металл в слитках и изделиях. В них нуждались ювелирно-литейное производство, стеклоделие, строительство храмов, кузнечное дело и денежное обращение. Свинец и серебро поступали из Западной Европы (Германия, Польша), а золото, вероятно, из Византии. Поставщиками меди могли быть и Восток, и Запад. В большинстве малых городов при раскопках обнаружены различные по форме слитки и листы меди, медная проволока, слитки свинца, обрезки серебряных изделий, застывшие капли металла, серебряные платёжные слитки-гривны и их части.

Из Прибалтики на Русь ввозили янтарь в изделиях и необработанный. Горный хрусталь в виде бус и кристаллами поступал из Средней Азии и стран Ближнего Востока. По Волге с Кавказа везли поделочную древесину — самшит³⁰. Гребни из самшита найдены в Новгороде, Смоленске, Пскове, Русе, Мстиславле, Ростиславле, Минске, Берестье

Во второй половине XII—XIII в. возрастает приток на Русь художественной утвари с Запада³¹. Она поступала в Киев через Регенсбург и Краков по хорошо известному торговому пути. Бронзовые водолеи и чаши, подсвечники, колокола, изделия из стекла, изготовленные во французско-немецких мастерских, найдены в Теребовле, Плеснеске, Изяславле, Городеске, Городене, Волковыеске, Новгородке, Городце-Остерском, Вщиже, Слободке, Москве, Минске³². В то же время оживляются связи с странами Востока и Византией. Изделия из металлов, стеклянная посуда из мастерских Сирии и Египта обнаружены в Городене, Волковыеске, Слониме, Новгородке, Турове, Городеске, Мстиславле, Москве, Белоозере, Ладоге³³. Иранский фаянс найден в Новгородке, Турове, Лукомле, Серенске³⁴. Из Византии ввозилась шелковая ткань (Новгородок, Городен, Москва)³⁵. Практически во всех малых городах, где проводились раскопки, от Воиня на юге до Белоозера на севере, Городена на западе и Ярополча-Залесского и Городца на востоке, среди находок присутствуют обломки крымских амфор из-под вина и масла. Ближневосточные и среднеазиатские бусы из сердолика, горного хрусталя, аметиста и стекла распространены также очень широко³⁶. Довольно часты в городских слоях мраморные крестики — «корсунчики», реже встречаются крестики из лазурита. Обломки болгарских сосудов и фигурные замочки найдены в Городце на Волге, Гороховце, Ярополче-Залесском, Пронске, Переяславле-Рязанском, Москве, Белоозере, Серенске и Городене.

Таким образом, древнерусские малые города активно участвовали в международной торговле. Как показали исследования (Ф. Д. Гуревич, В. П. Даркевич, В. В. Кропоткин, М. Д. Полубояринова, Е. А. Рыбина, М. В. Фехнер, Ю. Л. Щапова и др.), основная масса товаров с Кавказа, из Средней Азии, Ирака и стран арабского Востока поступала на Русь волжским путем через Волжскую Болгарию. Византийские и средиземноморские изделия транспортировались по Днепру в Киев. Сюда же следовали сухопутной дорогой через Галич или Владимир-Волынский купеческие караваны из Средней Европы. Балтийским морем в Неву и далее в Новгород или по Западной Двине в Полоцк доставлялись товары из Северной Европы. Как свидетельствует картографирование мест находок привозных вещей, они оседали в первую очередь в тех городских центрах,

которые лежали на основных торговых магистралях³⁷. В другие малые города товары из-за рубежа попадали через посредство крупнейших русских торжищ: Киева, Галича, Полоцка, Смоленска, Новгорода и пр.

На данное обстоятельство указывают факты совместных находок в исследуемых поселениях предметов импорта и изделий киевских, новгородских, полоцких, рязанских мастеров. Особенно показательно распространение продукции киевских стеклоделов в XII—первой половине XIII в. Стекланные посуда, браслеты, перстни, бусы, оконницы, изготовленные в Киеве, найдены во множестве в самых различных пунктах Руси³⁸. Не менее широко расходилась из столичных мастерских церковная утварь: хоросы, лампы, кресты-складни и крестики с выемчатой эмалью. По всей Руси и за ее пределами известны находки пряслиц из розового шифера. Центром их производства были мастерские в районе Овруча. Однако шиферные пряслица вытачивались и в Киеве, Любече, Суздале, поселениях на Мемке. Видимо, овручский шифер вывозился не только в готовых изделиях, но и плитами, как поделочный материал.

Вероятно, купцы большинства малых городов не вели самостоятельной заморской торговли, требовавшей значительных средств. Ее держали в своих руках гости столичных центров, объединившиеся к XIII в. в корпорации, подобные европейским гильдиям. Деятельность местных купцов на этом сравнительно раннем этапе развития торговли ограничивалась своим городом и его округой, а также соседними территориями. Впрочем, в первой половине XIII в., судя по данным письменных источников, купцы таких городов, как Псков, Ладога, Торжок, Витебск, Нижний Новгород, принимают участие и в международных торговых операциях.

Поток импорта в малые города должен был уравновешиваться встречным потоком экспорта. Его главными статьями безусловно были продукты промыслов: меха, воск, мед, ценные сорта рыбы. В зависимости от местных условий могли вывозиться кожи, шерсть, соль, кричное железо. Продукция ремесленников, в основном украшения из цветных металлов, поступала и в сельскую округу. Район их сбыта достигал радиуса 100 км и более³⁹. По-видимому, купцы малых городов доставляли в деревню в обмен на сельскохозяйственную продукцию импортные бусы, шиферные пряслица, шелковые ткани.

Однако механизм торгово-экономических связей малых городов с сельскохозяйственной округой исследован еще совершенно не достаточно. В городах существовали торжища и собирались ярмарки. Но сколь активно в них участвовало сельское население, судить пока трудно. Находки импортных и городских вещей в деревенских могильниках еще не доказывают самостоятельной роли крестьян-общинников в торговле с городом. Они могли сбывать излишки своей продукции заезжим купцам в ближайшем погосте. Возможно существовали и более длинные цепочки многоступенчатого обмена.

В самих городах ремесленники реализовывали свои изделия на городских торгах, где они владели лавками. Именно в середине XII в. сначала в крупных городах-столицах, а затем и в остальных городских центрах мастера постепенно переходят от работы на заказ к работе на рынок. В городской торговле принимали участие и феодалы-землевладельцы. Во-первых, в городе и его ближайшей округе расходилась часть продук-

ции вотчинных ремесленников, живших на феодальных дворах. Во-вторых, через купцов-посредников и собственных холопов боярство сбывало определенный процент натуральной феодальной ренты. В Русской Правде Пространной редакции есть специальная статья (117) о холопе, которого господин «пустит в торг». Наконец, князья и бояре выступали в роли кредиторов купцов. Участвовала в торговле и церковь, получавшая регламентированные отчисления от торговых пошлин. В Устав князя Владимира о десятинах в середине XII в. была внесена статья, передававшая контроль за торговыми мерилami епископам и церкви⁴⁰.

Следовательно, торговля на Руси в XII—XIII вв. была вполне сформировавшейся отраслью городской экономики, проникавшей во многие сферы жизни города. Она вовлекала в круг своей деятельности различные слои городского населения и связывала между собой ремесло, сельское хозяйство и промыслы. Можно полагать, что в малых городах в это время шел активный процесс отделения купцов от непосредственных производителей товаров: ремесленников, промысловиков. Вместе с тем здесь влияние феодалов-вотчинников на торговлю, вероятно, ощущалось сильнее, чем в крупных столичных центрах.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

Жители средневековых городов сохраняли тесную связь с сельским хозяйством. У многих из них в ближайших окрестностях, а иногда и в самих городах имелись поля и нивы. Наральники, чересла и сошники от пахотных орудий найдены более чем в 20 малых городах как на юге, так и на севере Руси. Обычно число таких находок в раскопах не превышает двух—пяти. Но есть несколько поселений в Киевской земле и на Волыни (Родень, Райковецкое городище, Изяславль), исследованных почти полностью, где свидетельств земледельческого труда населения значительно больше. Особенно показательны материалы Изяславля (площадь городища 3,6 га). Среди огромной вещевой коллекции имеются 34 наральника, 32 чересла, 405 серпов, 219 кос, 47 оковок от лопат⁴¹. По антропологическим данным, в городе погибло в 1241 г. более 1,5 тыс. человек⁴². Если считать, что одной семье принадлежал один комплект пахотных орудий (лемех, чересло), то получается, что 15 % жителей Изяславля занимались земледелием. Сколь ни условны эти подсчеты, они свидетельствуют о значительном, но не определяющем значении земледелия в жизни города. О том же говорит более чем десятикратное преобладание орудий уборки урожая над орудиями возделки почвы. Серпы и косы использовались для заготовки травы и сена на корм скоту.

Скот держали многие горожане. Вероятно, те или иные домашние животные были почти в каждом дворе. По остеологическим наблюдениям жители малых городов разводили коров, овец и коз, свиней, лошадей, кур, гусей и уток⁴³. Крупный ротатый скот везде занимал первое место. В северных городах второе место принадлежало свиноводству, а в южных — овцеводству. Скотину держали во дворах или специальных стойлах и хлевах. Прослойки навоза, столь характерные для культурных отложений городских поселений средневековья, также подчеркивают второстепенный характер земледелия в занятиях горожан⁴⁴: иначе навоз вывозили бы

на поля, а не оставляли его во дворах и на улицах. Помимо молока и мяса, скотоводство поставляло городским ремесленникам сырье: кожи, шерсть и поделочную кость.

Огородничество входило в круг интересов жителей малых городов. Об этом свидетельствуют находки оковок лопат, мотыг и семян огородных культур. По-видимому, небольшие огороды имелись у значительной части городского населения. Кое-кто заводил у себя фруктовые сады.

Добывающие промыслы получили в малых городах неодинаковое развитие. На их массовость оказывали непосредственное влияние местные природные условия. Самым распространенным было рыболовство, поскольку водоемы имелись практически везде. Детали различных рыболовных орудий и снастей (крючки, блесна, остроги, грузила и поплавки от сетей) найдены в большинстве малых городов. Рыба являлась важным элементом питания и сельского, и городского населения Руси. Как правило, рыболовство носило подсобный характер. Лишь в районах, изобиловавших богатыми рыбными угодьями (Псков, Руса, Ладога, Торопец, Белоозеро, Ярополч-Залесский, Городец, Родень), промысел рыбы выделяется в конце XII—XIII в. в самостоятельную отрасль городского хозяйства⁴⁵. Дворы-усадьбы, принадлежавшие профессиональным рыбакам, обнаружены в Белоозере и на посаде Ярополча-Залесского⁴⁶.

Судя по находкам костей диких животных, охота также являлась подспорьем в хозяйстве горожан. В основном добывали копытных животных на мясо. Но существовал и пушной промысел. В состав натуральных повинностей с периферийных смоленских городов начала XIII в. входили лисицы и черные куницы⁴⁷. Некоторые из городских жителей промышляли в окрестных лесах бортничеством, другие собирали там орехи, ягоды, и грибы, заготавливали дрова и строительные материалы. Вероятно, почти в каждом доме занимались прядением и ткачеством.

Экономика малых городов Руси в XII—XIII вв. носила комплексный характер, и ведущая роль ремесла не проявлялась здесь столь четко, как в столичных центрах. Имеющиеся сегодня в распоряжении исследователей материалы не позволяют строго классифицировать малые города по экономическим типам: аграрные, промысловые, торговые, ремесленные. В целом же многоотраслевое городское хозяйство вполне удовлетворяло потребности горожан. Торговля компенсировала нехватку тех или иных товаров и сырья. Отсутствие достаточного количества собственного хлеба и других сельскохозяйственных продуктов восполнялось подвозом из ближайшей сельской округи.

ВНУТРЕННЯЯ ТОПОГРАФИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Большинство малых городов Руси имело сложную плановую структуру: детинец, один-два околных города и неукрепленный посад. Однако достаточно значительная (около 30 %) группа поселений обладала только одной укрепленной частью. Археологические наблюдения рисуют пеструю картину территориального развития малых городов. В ряде случаев (Вышегород, Новгород-Северский, Вщиж, Звенигород-Галицкий, Плеснеск, Луцк, Дорогобуж-Волынский, Городен, Новгородок, Волковыеск, Дрютеск, Витебск, Псков, Ярославль и др.) к детинцу — древнему ядру го-

рода — со временем присоединялись и укреплялись другие части. Нередко (Василев, Новгород-Малый, Чучин, Воинь, Городец-Остерский, Серенск?, Червен, Белз, Сутеска, Городец на Волге) валами и рвами обносились сразу и детинец, и окольный город. Иногда (Василев, Городец-Остерский, Сутеска) к ним впоследствии пристраивался второй окольный город. Случалось и обратное. Так, в XI в. в Воине и Изборске территории детинцев были расширены, а укрепления окольных городов ликвидированы.

Соотношение площадей детинцев и окольных городов различно. Единой закономерности установить не удастся. Как правило, детинец в два—десять раз меньше окольного города. Но вышгородский и теребовльский детинцы, наоборот, больше, а детинцы и окольные города в Шумске и Белзе практически равны. Общая площадь укреплений малых городов сложного плана колеблется от 1,5 (Звенигород-Киевский, Волковыск) до 30—40 (Новгород-Северский, Путивль, Городец на Волге) га. У городов с одной укрепленной частью ее размеры также варьируют от 0,5 (Копысь, Донец) до 30 (Переяславль—Залесский и Рязанский) га. Вовсе не было укреплений до середины XIII в. в Белоозере и, вероятно, Вологде.

Каменные храмы известны в детинцах Вышегорода, Юрьева, Городца-Остерского, Путивля, Перемышля, Звенигорода-Галицкого, Ярославля. И в детинце, и в окольном городе церкви были в Новгороде-Северском, Городене, Пскове; только в окольном городе — во Вщиже, Трубчевске, Турове, Волковыске. Вне укреплений каменные храмы были построены в Зарубе, Каневе (?), Василеве на Днестре, Городене, Новгородке, Ростиславле, Пскове, Ладоге. В единственной укрепленной части города церкви размещались в Минске, Мстиславле, Дорогобуже, Ладоге, Переяславле-Залесском, Боголюбом, Юрьеве-Польском, Новом Ольговом городке. По числу каменных храмов на первом месте среди малых городов стоит Ладога (шесть), затем Псков (четыре). По три церкви было в Городене и Новгороде-Северском, по две — в Зарубе и Ярославле. В остальных случаях обнаружено только по одной церкви. Настоящие подсчеты, конечно, дают лишь приблизительную картину развития монументального зодчества в малых городах. Судя по сведениям письменных источников, в некоторых из них были и другие храмы. Кроме того, везде существовали деревянные церкви, следы которых с трудом выявляются при раскопках. Их остатки отмечены в Любече, Торческом, Василеве на Днестре, Друцке (?).

Княжеские дворы частично исследованы в детинцах Новгорода-Северского, Путивля, Вщижа, Перемышля, Звенигорода-Галицкого, Городена, Новгородка, Волковыска, Дрютеска, Боголюбова. В Перемышле-Галицком, Звенигороде, Гродно и Боголюбове обнаружены остатки каменных дворцов и теремов. Детинец Любеча целиком был занят феодальным двором черниговских князей с деревянным дворцом, церковью и башней-донжоном. Вне детинца, как это следует из данных летописи, княжеский двор размещался в Пскове. Соотношение княжеских дворов по занимаемой площади с остальной территорией города и даже его детинцем установить не удалось (за исключением Любеча) нигде.

Раскопки свидетельствуют, что, помимо княжеских резиденций, в детинцах Вышегорода, Новгорода-Северского, Городена, Турова, Пинска, Минска, Дрютеска, Витебска, Торопца, Москвы, Пронеска находились

дома и дворы горожан, связь которых с княжеским хозяйством археологически не прослеживается. В Пскове в XIII в. детинец был превращен в общественно-политический центр города. Жилая застройка из него была вынесена. Здесь остались городская святыня — Троицкий собор, вечевая площадь с посадничьей степенью, государственные и боярские жилища — клетки.

Изложенные наблюдения показывают, что территория малых городов Руси, как и их социальная топография, формировались различными путями. Неоднозначной была и общественно-политическая роль отдельных структурных частей города. Каменные храмы — средоточие религиозной, культовой жизни горожан, далеко не всегда размещались вблизи административно-хозяйственного центра города — детинца и княжеского двора. Укрепления охватывали только центральную часть (части) или практически весь город целиком (Изяславль, Трубчевск, Минск, Мстиславль, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польской, Городец на Волге). Укрепления возводились постепенно, по мере разрастания городской застройки, или сразу огораживали территории, вовсе не имевшие жилых кварталов.

Размеры укрепленной части городов также могли не соответствовать их месту в административно-территориальной системе Древнерусского государства. Так, Туров (укрепленная часть около 2,5 га) — древнейший центр Туровской земли — уступал по этому показателю в несколько раз Пинску, возникшему на 100 лет позже. Более того, по площади укреплений его превосходили или равнялись ему никогда не имевшие княжеских столов Тумащ, Чучин, Заруб, Воинь, Любеч, Оргоц, Изяславль. Очень невелики по размерам укрепленной площади удельные центры Полоцкой земли — Минск, Друтеск; Смоленщины — Торопец; Черниговского княжества — Трубчевск и Вщиж. Им равнялись или были больше «некняжеские» Серенск и Слободка. Древнейшие города северо-запада Руси — Изборск и Ладога — очень долго имели одну укрепленную часть, не превышавшую по площади 1 га. При этом, как уже отмечалось, в Ладоге в XII в. было построено шесть каменных церквей — надежный признак расцвета города. По количеству памятников монументального зодчества она превосходила не только многие удельные центры, но и такие стольные города, как Суздаль, Рязань, Владимир-Волинский, Туров, Новгород-Северский.

В каждом конкретном случае причины столь неравномерного развития малых городов предопределялись местными условиями экономического, военного и политического характера. О некоторых из них, имевших более общее значение, будет сказано ниже.

Большинство малых городов имело уличную планировку. Деревянные настилы улиц (бревенчатые, из горбылей-плах или жердей) найдены при раскопках Турова, Пинска, Давид-Городка, Друтеска, Минска, Витебска, Мстиславля, Торопца, Пскова, Русы, Торжка, Белоозера, Переяславля-Рязанского. Следы улиц без деревянного покрытия обнаружены в Родне, Пронске. В отличие от крупных городских центров, в малых городах Руси улицы были, как правило, не шире 4 м. Связующим звеном в городской застройке служила улица, идущая по внутреннему периметру оборонительных сооружений. Поскольку в таких городах чаще всего имелись лишь одни ворота, от них отходили одна-две улицы, пересекав-

шие город. Иногда устраивались дополнительные переулки, ответвлявшиеся в стороны от основных улиц. Подобную планировку имели Туров, Минск, Друтеск, Торопец, Ярополч-Залесский и городище Слободка.

Несколько иной была система улиц городов, расположенных на ярко выраженных мысах при слиянии двух рек. Именно среди них оказались будущие крупные центры позднего средневековья с радиально-кольцевой планировкой. Естественной точкой роста таких городов был детинец-кремль, зажатый в треугольнике между двумя водными преградами. В детинце или сразу под его стенами, практически на одной довольно ограниченной площади, размещались и княжеский двор, и кафедральный собор, и торг. Кремль становился единственным средоточием важнейших функций города. Рост же городской территории на первых порах был возможен лишь в противоположном от стрелки мыса направлении. И новые укрепления полукружиями валов отрезали от него новые участки. Связь с центром осуществлялась по лучам-улицам, веером расходившимся из кремля. Старые стены ветшали и разбирались. На их месте образовывались свободные от застройки проезды. Так складывалась радиально-кольцевая планировка городов, подобных Москве и Пскову.

В числе важнейших археологических признаков города выше отмечена дворово-усадебная застройка. Из сообщений летописи известно о существовании дворов в Киеве, Чернигове, Галиче, Переяславле, Новгороде, Смоленске, Полоцке, Ростове, Суздале, Владимире, Ярославле, Твери и многих других городах. Упоминаются дворы княжеские, боярские и епископские, а также непривилегированных горожан. Актовые материалы свидетельствуют, что дворы в древнерусских городах наследовались по завещанию или по родству, продавались и покупались. Об этом же говорит берестяная грамота № 424 начала XII в. из Новгорода⁴⁸. Ее автор предлагает отцу и матери продать двор в Новгороде и ехать к нему в Смоленск или Киев. Сведения письменных источников не оставляют сомнений в частнособственническом характере дворовых владений в городе. В больших городах насчитывались тысячи дворов. Например, в 1211 г. в Новгороде во время пожара сгорели 4300 дворов и 15 церквей⁴⁹.

Таким образом, значительную часть территории города занимали дворы, находившиеся в собственности горожан. Усадьба-двор с ее жилыми и хозяйственными постройками, отделенная частоколами и заборами от внешнего мира, являлась первичной ячейкой, из совокупности которых складывался город.

Археологические исследования, как уже говорилось, в 28 случаях обнаружили в малых городах дворы. Полностью или почти полностью они изучены в Минске, Друцке, Мстиславле, Пскове, Старой Руссе, Москве, Ярополче-Залесском, Белоозере, на городищах Слободка и Семейское. Получен сравнительный материал, позволяющий достаточно полно охарактеризовать городские усадьбы разных типов. Главным показателем наличия усадебной застройки служат следы оград, отделявших двор от улицы и соседних дворов. Там, где культурный слой хорошо консервирует органику, ограды прослеживаются в виде остатков сплошных частоколов из кольев, горбылей и досок, цепочек столбов или плетней. Если дерево не сохранилось, то от усадебных оград остаются узкие канавки, куда устанавливались ряды бревен, или ямы от столбов и кольев.

Самой характерной особенностью этих оград является их удивительное постоянство. Раз установленные границы усадеб не менялись веками. В Новгороде на огромном Неревском раскопе сложившиеся в середине X в. границы дворов-усадеб без значительных изменений просуществовали до второй половины XV в. Эта картина повторяется во всех других раскопах на территории древнего Новгорода. Еще более наглядными оказались результаты раскопок на киевском Подоле. Здесь в ряде мест первые усадьбы возникли в конце IX—начале X в. Но их границы оставались неизменными в течение нескольких столетий. Даже после наводнений Днепра, когда дворы перекрывались мощными наносами песка и ила, заборы и частоколы возобновлялись на прежних местах. Стабильность во времени древнерусских городских землевладений подтверждается не только данными по Киеву и Новгороду, но и материалами исследований в малых городах: Минске, Пскове, Старой Руссе, Белоозере, Москве и др. Сегодня этот факт надежно установлен археологией.

Данные наблюдения ведут к нескольким выводам. Во-первых, постоянство городских усадебных границ свидетельствует о частнособственническом характере земельных владений в городе. Если бы городские усадьбы имели временный (например, только хозяйственный) характер, различные перепланировки и передвижки оград были бы неизбежны. Во-вторых, горожане оказываются корпорацией землевладельцев, которым в совокупности принадлежит территория города. В этом кроется социальная основа городского строя Руси. В-третьих, устойчивость однажды выделенных дворовых участков указывает на их непосредственную связь с организацией внутригородской жизни. В противном случае они должны были бы дробиться при наследовании несколькими детьми или при продаже по частям. Но ничего подобного нет. Русская Правда предусматривает наследование двора младшим сыном, а не всеми детьми. Надо полагать, владение дворовым участком в городе накладывало на его хозяина определенные повинности — «городской потуг»: финансовые (уроки, дани), отработочные (строительство укреплений, мощение улиц) и военные. Одновременно дворовладелец приобретал, по-видимому, и права — прежде всего право участия в городском самоуправлении. И если повинности еще можно было бы исчислить по жребиям в зависимости от размеров части дворовладения, то разделить таким образом право участия в городском самоуправлении нельзя. Фиксированной совокупностью прав и обязанностей дворовладельца перед городской общиной и центральной властью объясняется постоянство городских усадеб в Древней Руси. Следовательно, размежевание основной территории русских городов на «дворовые тяглые места» — не нововведение XV—XVI вв., а порядок, сложившийся еще в предшествующую эпоху.

Среди древнерусских малых городов наиболее полно исследованы городские усадьбы в Минске⁵⁰. Здесь в пределы раскопов попали полностью или частично пять усадеб (А—Д). Окончательно уличная планировка этой части минского детинца сложилась к началу XIII в., хотя уже в начале XII в. присутствовали ее основные элементы. Лучше других изучена усадьба А, занимавшая северо-западную территорию раскопа. Без каких-либо серьезных изменений границ усадьба просуществовала вплоть до XV в. В различные периоды жизни в нее входили четыре—девять

жилых и хозяйственных построек, поставленных по периметру двора. Сам двор имел замощение горбылями и досками. В усадьбу вели мощный деревом въезд и ворота. Там, где постройки не примыкали вплотную друг к другу, их соединяли заборы-частоколы. Общая площадь усадьбы равнялась 250 кв. м. Размеры других минских усадеб полностью установить не удалось. Обращает на себя внимание очень устойчивая планировка усадьбы А: жилые постройки возводились на месте пришедших в негодность жилых домов, а хозяйственные — на месте хозяйственных. Э. М. Загорульский, опираясь на всю совокупность данных об исследованных усадьбах древнего Минска, убедительно констатирует, что «стабильность размеров городских усадеб определялась... известными правовыми нормами, распределением городских участков между отдельными владельцами»⁵¹. Социальное положение владельцев минских усадеб в этой части детинца автор исследования определяет как зажиточных горожан.

Усадьбы ремесленников были вскрыты Л. В. Алексеевым у южного вала детинца Друцка. «По бокам двух перекрещивающихся кривых и узких улиц... мощенных бревнами, тесно прижимались друг к другу крошечные, огражденные частокколами усадьбы, состоящие из дома, одной-двух хозяйственных построек и почти сплошь замощенного бревнами, иногда, вероятно, крытого, маленького двора»⁵². Усадебная планировка Друцка оформляется к середине XII в., после разгрома города в 1116 г.

К усадьбам Минска и Друцка близки по характеру застройки усадьбы древнего Белоозера⁵³. В начале XIII в. выделяется центральная часть города с крупными феодальными усадьбами. Его восточная окраина застраивается домами ремесленников по металлу и рыболовов.

Определенным своеобразием обладает дворовая застройка малых городов, основанных в конце XI—середине XII в. В Яропольче-Залесском исследовано шесть усадеб (две полностью и четыре частично)⁵⁴. Площадь усадьбы Г 1000 кв. м, а усадьбы В — 700 кв. м. Размеры других усадеб полностью не восстанавливаются. Застройка подчинялась естественному рельефу, и в плане дворы не имели четких очертаний. На каждом дворе обнаружено несколько жилых построек, а также ремесленные мастерские и хозяйственные строения. Судя по находкам, исследованные усадьбы принадлежали представителям княжеской администрации и феодалам-землевладельцам. Аналогичные дворы несколько меньших размеров обнаружены в детинце городища Слободка⁵⁵.

Таким образом, известные ныне по материалам археологических раскопок усадьбы жителей малых городов Руси имели размеры от 200—250 до 800—1000 кв. м. Площадь дворов рядовых горожан Новгорода равнялась 400—460 кв. м, а Киева — 300—800 кв. м. Усадьбы новгородских бояр достигали 800—1500 кв. м. И в Киеве, и в Новгороде на феодальных дворах имелось по нескольку жилых и хозяйственных построек. Размерами и составом находок, как правило, выделяется дом владельца усадьбы. Дворы непривилегированных горожан обычно состояли из одной жилой и двух-трех хозяйственных построек. Аналогии между планировкой и застройкой столичных центров Руси и ее периферийных городов достаточно близки, чтобы их причиной считать социальные явления одного порядка. Как в столицах, так и в малых городах усадьбами застраивались и детинцы, и окольные города, и неукрепленные посады.

Выше говорилось, что стабильная дворовая планировка русских средневековых городов — важный показатель их социального развития, археологически уловимый признак формирования городской общины. Как хорошо известно из источников XIV—XVI вв., городскую посадскую общину составляли владельцы «черных тяглых дворов». Они несли городское тягло, т. е. платили соответствующие подати, участвовали в общественных и государственных работах, входили в состав городского ополчения. Если дворовладелец продавал двор, или «закладывался» за какого-либо феодала, или просто убегал с насиженного места, он автоматически выходил из городской общины, и, наоборот, купив в городе двор, лично свободный человек «вписывался» в городское тягло, т. е. в городскую общину. Поэтому акты времени образования Русского централизованного государства так скрупулезно фиксируют в городах не только существующие дворы, но и пустые дворовые места. Границы дворовых участков нарушались только в случаях крайней необходимости, и усадьбы почти никогда не дробились.

Однако городские дворы Новгорода, Пскова, Руси, Москвы, Минска XI—XII вв. непрерывно существовали в тех же границах и в XIII—XV вв. Иными словами, городские посадские общины сформировались на Руси уже в XI—XII вв., а в ее крупнейших центрах, возможно, и раньше. Именно в XII в. в источниках появляются сведения об особом «городском потуге»⁵⁶. Тогда же в Учредительной грамоте Смоленской епископии 1136 г. обнаруживаются первые данные об отдельной от волости десятине с города Вержавска⁵⁷. В XII в. в Русскую Правду включаются статьи, регулирующие некоторые стороны городской жизни, в том числе о порядке наследования дворов (ст. 100—103).

Очень интересным в данном аспекте кажется сообщение Повести временных лет под 1096 г. о приглашении Святополком Изяславичем и Владимиром Мономахом в Киев Олега Святославича заключить ряд о Русской земле «пред епископы и пред игумены и пред мужи отец наших и пред людьми градскими»⁵⁸. Здесь очень четко основная масса киевлян («люди градские») отделена от киевского боярства («мужи отцы наших»). Рядовые горожане наряду с духовенством и боярами должны рассудить князей и скрепить одобрением их ряд о Русской земле. Однако Олег гордо отрицал право духовенства и простых киевлян, которых он обзывал смердами, судить его⁵⁹. Спустя 50 лет киевляне продемонстрировали на деле его сыновьям Игорю и Святославу силу городской общины, прогнав их с княжения и заявив, что «не хотим быти акы в задничи» у Ольговичей⁶⁰.

Перечисленные свидетельства письменных источников вполне конкретно указывают, что городские общины на Руси обрели к середине XII в. определенные права, т. е. наблюдается кристаллизация особого «городского строя». Более того, одновременно складывается иерархическая система старших и младших городов. Уже в связи с событиями 1096 г. Киев именуется «старейшим городом» земли⁶¹. Активными участниками движения против Ольговичей в 1146 г. оказываются, помимо киевлян, жители Вышегорода, Белгорода и Василева — крупнейших после Киева центров княжества. С их согласия и поддержки киевский стол занимает Изяслав Мстиславич. Судьбу новгородского князя Всеволода Мстиславича решают на вече в 1132 и 1136 гг. не только новгородцы, но и псковичи,

и ладожане⁶². Они же — непременные участники войска «всей области Новгородской». Итак, в русских землях в конце XI—первой половине XII в. имелся один старший (столица) и несколько младших (пригороды) центров. Это характерная особенность всех земель-княжений Руси XII в. После убийства Андрея Боголюбского в Суздальском княжестве развернулась ожесточенная борьба между «старыми» городами Ростовом и Суздалем, с одной стороны, и «новыми» Владимиром и Переяславом — с другой, за своих кандидатов на княжеский стол. Летописец от лица владимирцев очень красочно охарактеризовал сложившуюся к этому времени на Руси практику: «Новгородци бо изначала, и смоляне, и кыяне, и полочане, и вся власти яко ж на думу на веча сходятся, на что же стареишии судяють, на томъ же пригороди стануть»⁶³.

Сопоставляя между собой археологические данные и сведения письменных источников, можно провести рубеж, который приходится на вторую четверть XII в., когда наряду с городскими общинами стольных городов в крупных политических событиях активно участвуют городские общины младших городов-пригородов. Следовательно, к середине XII в. города Руси вступили в новую фазу своего развития. Археологическими признаками этого явления служит наличие в городах усадебной застройки, каменных храмов, различных ремесел (разнообразные производственные комплексы) и интенсивной торговли (находки многочисленных привозных изделий). Основанные в это время новые города (Мстиславль, Ростиславль, Городец на Волге, Ярополч-Залесский, городище Слободка и др.) не проходят сколько-нибудь длительного пути развития. Они сразу наделяются всеми атрибутами городского строя.

Усадебная застройка обнаружена лишь в 40 из 82 населенных пунктов, признанных по другим археологическим данным городами середины XII—XIII в. В ряде из них усадьбы специально не искали. Площадь же раскопов была мала и разрознена, что не позволило в культурном слое, не сохраняющем органику, подметить границы дворовых участков. В других случаях (Изборск, Берестий) многолетние исследования широкими площадями открыли улицы с тесно поставленными вдоль срубными жилищами без примыкавших к ним дворов. Оба города хорошо известны из летописям с древнейших времен. При раскопках здесь найдены производственные комплексы, разнообразные привозные вещи, всевозможное вооружение, орудия письма и эпиграфические памятники. Можно предположить, что Изборск и Берестий, как и близкий к ним по облику Браслав, были городами-крепостями. Их жители — постоянный гарнизон, обязанность которого состоит в повседневной военной службе. Если у них было относительно значительное хозяйство, то оно располагалось за валами крепости. Такой тип городов-крепостей известен и в более позднее время. Вероятно, аналогичными военными поселениями являлись многие города вдоль южного рубежа Руси.

Есть еще один вид древнерусских укрепленных поселений городского типа, территория которых не подразделялась на стабильные дворовые участки. Примером здесь служит Чучин на Днепре. Город состоял из дитинца и окольного города (общая площадь 5,7 га). Неподалеку располагался неукрепленный посад. В числе жителей Чучина были и воины, и ремесленники, и земледельцы. Сюда поступали различные привозные

вещи. Исследователь города В. И. Довженок убедительно предположил, что его владельцем был известный киевский боярин Чудин⁶⁴. В этом кроется разгадка отсутствия в нем постоянных городских усадеб. Город целиком принадлежал крупному феодалу-землевладельцу и был заселен зависимыми от него людьми. Застроен он достаточно свободно, но никому в собственность земельные участки здесь не выделялись. Вся земля осталась собственностью Чудина и его семьи.

Помимо Чучина, феодалам не княжеского рода принадлежали некоторые Болховские города, например Плеснеск. Эти города во многом схожи с сельскими феодальными усадьбами-замками. Их отличаются размеры, ориентация экономики на развитие ремесла и торговли, а не только сельского хозяйства. В них, помимо боярской челяди и холопов, жили лично свободные люди, поступившие «по ряду» на службу к феодалу. Такие города организовывали вокруг себя значительно большие территории, чем сельские усадьбы феодалов.

Четыре рассмотренных типа древнерусских городов (старшие стольные города, младшие—пригороды, города-крепости и города—феодалные вотчины) более или менее отчетливо прослеживаются по материалам XII—XIII вв. Первые два типа соответствуют понятию города развитого феодализма. В XI—начале XII в. картина городской жизни выглядит более смазанной. Города-столицы (Переяславль, Чернигов, Смоленск и др.) особенно в середине—второй половине XI в. обладают всем набором археологических признаков города, свойственных Киеву, Новгороду и Полоцку. Малые же города в большинстве своем находятся в стадии становления. Этот период в истории древнерусских городов следует считать ранним, когда формируются посадские общины, а городской уклад еще не стал стабильным. Именно в это время, что отмечалось в предшествующих разделах, прекращается жизнь на некоторых поселениях, имевших определенные признаки городского быта.

Выше приводились многочисленные данные о постоянном присутствии феодалов в большинстве из исследованных древнерусских городов. Указанное обстоятельство — важная особенность городского строя Руси. Ведущая роль крупных феодалов-землевладельцев (боярства) в общественно-политической и экономической жизни русских княжеств рельефно обрисована Б. А. Рыбаковым⁶⁵. Они активно способствовали закреплению отдельных княжеских династий в ставших независимыми от Киева центрах. Таким путем «земское» боярство стремилось обеспечить свои классовые интересы и расширить собственное участие в распределении государственных доходов. Расцвет в XI—XII вв. столичных городов (Чернигова, Переяславля, Галича, Полоцка, Смоленска, Новгорода, Суздаля, Владимира, Рязани) наглядно иллюстрирует успехи этого процесса. О том же говорит и быстрое появление в обособившихся княжениях-землях новых городских центров.

Бояре были заинтересованы в развитии городов как центров управления окрестными землями, местах, где они могли реализовать доходы и удовлетворить свои потребности. Города были их коллективными замками, за стенами которых они объединялись для совместной защиты. Бояре одновременно являлись и феодалами-землевладельцами, и представителями государственной власти: посадниками, тысяцкими, данщиками,

вириками и т. п. За эту службу они получали определенный «корм» и наряду с князьями участвовали в дележе государственных доходов. Стремление местных феодалов добиться непосредственного участия в государственном управлении и было одной из центробежных сил феодальной раздробленности⁶⁶. Они концентрируются в городских центрах, выезжая отсюда во все концы княжества для исполнения административных функций. Постепенно их связи с конкретными территориями крепнут. Во-первых, множатся собственно боярские вотчины. Во-вторых, с упорядочением «строения земельного» во вновь образовавшихся княжествах многие «службы» приобретают традиционный, длительный характер. Часть феодалов, «государственные» интересы которых тесно сплетаются с личными, надолго оседают на местах. Всеволод Большое Гнездо в 1211 г. «созва всех бояр своих с городов и с волостей». Когда умер Святослав Ольгович Черниговский, оказалось, что «дружица по городам далече».

Но такое положение — реальность не только второй половины XII—начала XIII в. И письменные источники, и археологические материалы подтверждают присутствие феодалов на самых ранних стадиях развития городов. Родовая феодализирующаяся знать и княжеские дружинники были главными потребителями продукции ремесленников и товаров купцов. Эти две градообразующие силы одинаково нуждались друг в друге. Они взаимодействовали и противоборствовали на протяжении всей истории русских средневековых городов.

Судя по теперь уже многочисленным находкам, детинцы городов, в том числе и малых, не были единственным местом жительства и средоточием исключительно феодальной знати. Хотя боярские дворы тяготели к более укрепленным частям города, но четкого разделения на аристократические и демократические кварталы в городах не прослеживается.

Социальные границы проходили в первую очередь по частоколам и заборам боярских родовых гнезд, расположенных чересполосно с кварталами, заселенными рядовыми горожанами. Это обстоятельство способствовало распространению влияния бояр на городские низы, мешало их консолидации и облегчало феодалам территориальное расширение своих владений в городе.

¹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. М., 1959. № 65. С. 13, 14.

² Там же. С. 9, 10.

³ Никольская Т. Н. Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки. М., 1981. С. 237.

⁴ Шапова Ю. Л. Мастерская стеклодела в древнем Любече // Славяне и Русь. М., 1968. С. 230—238.

⁵ Макарова Т. И. Поливная посуда: Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ. М., 1967. Вып. Е1—38.

⁶ Шапова Ю. Л. Мастерская стеклодела. . .

⁷ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

⁸ Голубева Л. А. «Квартал металлургов»

в Вышгороде // Славяне и Русь. М., 1968. С. 25—33.

⁹ Гуревич Ф. Д. Древний Новгородок. Л., 1981.

¹⁰ Там же. С. 130.

¹¹ Там же. С. 154.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 131, 132.

¹⁴ Там же. С. 130.

¹⁵ Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров // МИА. М., 1963. № 117. С. 226.

¹⁶ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. М., 1963. № 123. С. 100.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археоло-

- логическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 34—38.
- ¹⁹ *Никольская Т. Н.* Литейные формочки древнерусского Серенска // *Культура средневековой Руси*. Л., 1974. С. 40—46.
- ²⁰ *Никольская Т. Н.* Литейные формочки с надписями из древнерусского города Серенска // *СА*. 1974. № 1.
- ²¹ *Медынцева А. А.* О литейных формочках с надписями Максима // *Древняя Русь и славяне*. М., 1978. С. 378—382.
- ²² НПЛ. М., 1950. С. 71, 280. СПб., 1908.
- ²³ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 777.
- ²⁴ *Никольская Т. Н.* Древнерусский Серенск — город вятичских ремесленников // *КСИА*. М., 1971. Вып. 125.
- ²⁵ *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. . . С. 193.
- ²⁶ *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М., 1978. С. 50, 51.
- ²⁷ *Борисевич Г. В., Никольская Т. Н.* Один из памятников древнерусского градостроительства // *КСИА*. М., 1978. Вып. 155. С. 22.
- ²⁸ *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. С. 131.
- ²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 843.
- ³⁰ *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978.
- ³¹ *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.) // *САИ*. М., 1966. Вып. Е1-57. С. 63.
- ³² Там же. С. 9—34.
- ³³ *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976. С. 158.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Фехнер М. В.* Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // *СА*. 1982. № 2.
- ³⁶ *Фехнер М. В.* Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в. // *Международные связи России до XVII в.* М., 1961; *Она же.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // *Тр. ГИМ*. М., 1959. Вып. 33. С. 162—170.
- ³⁷ *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла. . . С. 67.
- ³⁸ *Шапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972.
- ³⁹ *Рыбаков Б. А.* Торговля и торговые пути // *История культуры Древней Руси*. М.; Л., 1948. Т. I.
- ⁴⁰ *Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв.* М., 1976. С. 24, 32, 40, 44 и след.
- ⁴¹ *Археологія Української РСР*. Київ, 1975. Т. III. С. 277.
- ⁴² *Рохлин Д. Г.* Кости людей из разрушенного древнерусского городища близ Шепетовки // *Болезни древних людей*. М.; Л., 1965. С. 208—211.
- ⁴³ *Цалкин В. И.* Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. // *МИА*. М., 1956. № 51.
- ⁴⁴ *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 55.
- ⁴⁵ *Куза А. В.* Рост общественного разделения труда в Древней Руси // *Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма*. М., 1970.
- ⁴⁶ *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973. С. 191—193; *Седова М. В.* Ярополч Залесский. С. 100—102.
- ⁴⁷ *Древнерусские княжеские уставы. . .* С. 146.
- ⁴⁸ *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978.
- ⁴⁹ НПЛ. С. 52, 250.
- ⁵⁰ *Загорюльский Э. М.* Возникновение Минска. Минск, 1982.
- ⁵¹ Там же. С. 186.
- ⁵² *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля: Очерки истории северной Белоруссии в IX—XIII вв. М., 1966. С. 153, 154.
- ⁵³ *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. . . С. 84—111.
- ⁵⁴ *Седова М. В.* Ярополч Залесский.
- ⁵⁵ *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. . .
- ⁵⁶ *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. М.; Л., 1949. С. 141. № 82.
- ⁵⁷ *Древнерусские княжеские уставы. . .* С. 143.
- ⁵⁸ ПСРЛ. М., 1962. Т. I. Стб. 229, 230.
- ⁵⁹ Там же. Стб. 230.
- ⁶⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 323.
- ⁶¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 230.
- ⁶² НПЛ. С. 22—24, 207, 209.
- ⁶³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 377, 378.
- ⁶⁴ *Довженко В. Я.* Літописний Чучин // *Археологія*. Київ, 1964. Т. XVI.
- ⁶⁵ *Рыбаков Б. А.* Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII в. // *ВИ*. 1962. № 4.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

Рассмотренные в предшествующих разделах материалы по истории малых городов Руси X—середины XIII в. и достижения историографии города феодальной России в целом позволяют вновь обратиться к реконструкции начальных стадий процесса градообразования. Речь идет не только об общих предпосылках столь сложного явления, каким был древнерусский город, но и о конкретных путях и формах его генезиса. При этом история изучения данной проблемы представляет вполне самостоятельный интерес. Последовательно разобрав имеющиеся в литературе точки зрения на непосредственные условия и истоки возникновения городов на Руси, легче понять как полученные результаты, так и остающиеся трудности в решении поставленного вопроса. Особого внимания заслуживают работы археологов, так как именно археологические раскопки проливают свет на самые ранние этапы формирования поселений городского типа.

Еще в начале 30-х годов XX в. археологи В. И. Равдоникас и А. В. Арциховский, опираясь на очень отрывочные материалы раскопок, подошли к вопросу становления древнерусских городов с социально-экономических позиций¹. Их взгляды были поддержаны и развиты С. В. Юшковым².

Однако общая теория происхождения и развития русских средневековых городов складывается уже в послевоенный период. Так, в первом издании своей книги «Древнерусские города» в 1946 г. М. Н. Тихомиров отметил, что города прежде всего появляются в густонаселенных земледельческих районах. В противовес «торговой» теории происхождения городов автор отрицал решающую роль водных путей, а первопричиной образования города считал рост внутреннего рынка в связи с растущими потребностями близлежащей сельской округи. «Ремесленное население в городах, — писал М. Н. Тихомиров, — должно было опираться на какие-то прочные рынки сбыта, без которых не могло бы возникнуть скопление ремесленников в городах»³. Наблюдения и выводы известного ученого получили широкое признание.

В конце 40-х—начале 50-х годов вопросом происхождения древнерусских городов вплотную занялись археологи. Были предприняты попытки суммировать данные полевых работ. М. Ю. Брайчевский выступил с теорией появления городов в результате оседания ремесленников вблизи укрепленных замков VIII—IX вв., принадлежавших феодальной аристократии Руси⁴. С. А. Тараканова, используя материалы своих исследований в Пскове и Псковской земле, утверждала, что подлинные города — центры ремесла и торговли — вырастают из бывших «племенных» городов — центров восточнославянских племен⁵. Подводя итоги археологического изучения древнерусского города, Н. Н. Воронин высказался против какой-либо единой социологической схемы градообразовательного

процесса⁶. Автор полагал, что в действительности существовали разные варианты возникновения городов: из торгово-ремесленного поселка или княжеской крепости, в результате слияния нескольких сельских поселений вокруг феодального замка.

Общим недостатком, свойственным всем перечисленным гипотезам, был еще достаточно ограниченный круг археологических источников. Заключение строилось на материалах незначительных по площади раскопов, отдельных шурфов или вовсе по данным поверхностных сборов находок на некоторых памятниках. Строго аргументировать свои выводы авторы не могли и вынуждены были постулировать их.

В 1951 г. вышла в свет монография А. Н. Насонова «„Русская земля“ и образование территории Древнерусского государства». История становления городов не имела прямого отношения к теме работы, но исследователь привел ряд интересных соображений. Ему не казалось доказанным, «что решающую роль в образовании древнерусских городов, в первую очередь областных, играл рост внутреннего рынка и в связи с этим местная сельская округа, торгово-ремесленным центром которой делается город»⁷. Автор справедливо указывал, что, не ответив на вопрос, кого обслуживали городские ремесленники, нельзя установить прямую зависимость появления городов от хозяйственных потребностей их сельской округи. Возникновение городов в густонаселенных земледельческих районах естественно, так как здесь имелся наилучший источник обогащения поборами с достаточно платежеспособного населения⁸. Следовательно, А. Н. Насонов рассматривал первые города как центры феодального властвования, места сосредоточия феодальной знати, лишь в процессе дальнейшего развития приобретающие характер центров экономических. Если М. Н. Тихомиров среди факторов, давших импульс развитию древнерусских городов, отдавал предпочтение причинам экономическим, то А. Н. Насонов ведущую роль признавал за явлением социальным: становлением феодальных отношений и сложением организации принуждения — государства. К сожалению, взгляды А. Н. Насонова не получили всестороннего обоснования в специальном исследовании.

Точку зрения Н. Н. Воронина на различные пути происхождения русских средневековых городов стремилась подкрепить на примере некоторых центров Северо-Восточной Руси Е. И. Горюнова⁹. Но и она не располагала сколько-нибудь значительным материалом о ранних этапах жизни городов этого региона.

Результаты широко развернувшихся раскопок оказали заметное влияние на общие представления о социальном облике и хозяйственном развитии городов на Руси. Археология с применением статистики на ярких примерах доказала, что основной отраслью экономики древнерусских городов было ремесло¹⁰. Разнообразная продукция ремесленников, орудия их труда, целые производственные комплексы постоянно присутствовали в числе находок. Эти данные в сочетании с известными положениями К. Маркса и Ф. Энгельса о роли общественного разделения труда в процессе отделения города от деревни легли в основу утвердившегося взгляда на русские города эпохи феодализма как центры развитого ремесла и торговли. Так, М. Н. Тихомиров видел в древнерусских городах «постоянные населенные пункты, сделавшиеся центрами ремесла и тор-

говли»¹¹. Сходные мысли высказывал и Б. Д. Греков, считавший, что «город есть населенный пункт, в котором сосредоточено промышленное и торговое население, в той или иной мере оторванное от земледелия»¹².

По материалам раскопок и сведениям письменных источников сложилось представление о типичной для древнерусских городов социально-топографической структуре: княжеско-дружинный детинец и примыкающий к нему торгово-ремесленный посад (окольный город). Наличие посада признавалось важнейшим элементом, указывающим на городской характер всего поселения. Усилия исследователей сосредоточились на поисках следов ремесленной деятельности как показателя социального лица памятника.

Итоги изучения древнерусских городов, используя достижения археологов, подвел во втором издании своего труда М. Н. Тихомиров¹³. Однако он не вступил в развернутую дискуссию о происхождении городов с А. Н. Насоновым. Автор изложил свои прежние взгляды на причины, побудившие к жизни древнерусские города. М. Н. Тихомиров вновь решительно подчеркнул значение в этом процессе сельской округи, остро нуждавшейся в izdeliiaх специализированного городского ремесла¹⁴. Эти потребности стимулировали отделение ремесла от земледелия и в конечном счете привели к появлению городов. С тех пор точки зрения М. Н. Тихомирова о первопричинах возникновения древнерусских городов и Н. Н. Воронина о множественности конкретных путей их реализации утвердились в науке.

Исследования 60-х годов развивали указанные положения. Изучая историю Полоцкой земли, Л. В. Алексеев конкретизировал условия, необходимые для становления и развития города. Исследователь не противопоставлял какую-нибудь одну теорию происхождения городов другим, а наоборот, искал общие моменты в любом градообразовательном процессе. Город, по мнению Л. В. Алексеева, вырастал в местах, где ремесленная продукция находила сбыт: на торгово-транзитных путях, вблизи укрепленных пунктов, обеспечивавших безопасность торгово-ремесленного населения. Таким образом, роль ядра нарождавшегося города могли выполнять и замок феодала, и монастырь, и укрепленный племенной центр. Подобный путь развития свойствен большинству городов: Киеву, Новгороду, Пскову, Полоцку¹⁵. Соглашаясь в целом с концепцией М. Н. Тихомирова, Л. В. Алексеев все же подчеркнул значение торговых путей, в первую очередь транзитных, для образования городов.

Решительным сторонником многообразия вариантов становления древнерусских городов выступил М. Г. Рабинович. По его мнению, в город превращалась обычная деревня, если сырье и удобное месторасположение способствовали развитию деревенского ремесла в специальную отрасль. Мог стать городом и замок феодала, привлекая под свои стены купцов и ремесленников. Исследователь полагает, что до уровня подлинного города при благоприятных условиях поднимался и «рядок» — торгово-ремесленный поселок. Наконец, строили города крупные феодалы, намеренно сводя туда людей из других владений¹⁶.

Различным путям происхождения древнерусских городов, по мнению В. Т. Пашуто, соответствуют множественность форм их социальной структуры и значительные колебания в удельном весе принадлежавшей им

политической роли. Исследователь отметил, что «неоднородность хозяйственных и политических условий в огромной стране неизбежно порождала трудно обозримую пестроту генезиса и развития городских форм»¹⁷.

Так к концу 60-х годов теория многообразия конкретных вариантов возникновения городов на Руси получила дополнительное обоснование. В первую очередь учитывались возможности превращения местного ремесла в специализированные отрасли ремесленного производства. Среди необходимых условий начала градообразовательного процесса предпочтением отдавалось достаточному уровню внутризкономических связей и достижениям ремесла.

Параллельно рассматривались археологические критерии, отличающие город от прочих поселений. Исследователи давно обратили внимание, что далеко не каждый пункт именуемый летописью городом, был таковым в социальном смысле этого слова. Тем более не являлись подлинными городами многие из известных археологам древнерусских городищ. Стационарные раскопки порубежных крепостей и феодальных замков (Б. А. Рыбаков, В. И. Довженок, П. А. Раппопорт, В. В. Седов, П. Н. Третьяков, Т. Н. Никольская и др.) в совокупности с раскопками крупнейших центров Древней Руси (Киев, Новгород, Чернигов, Полоцк, Рязань, Смоленск) дали обширный материал для сравнительного анализа и выводов.

Стало очевидным, что определить социальный облик исследуемых поселений, исходя только из археологических данных о наличии или отсутствии следов ремесленной деятельности, трудно. Этому препятствуют и ограниченные площади раскопок, и неодинаковая сохранность культурного слоя, и объективная сложность исторической интерпретации «мертвых» археологических источников. В печати появились скептические высказывания о возможностях методами археологии установить социальный тип памятника¹⁸. В этих условиях вопрос об археологических признаках древнерусского города приобрел особое значение. Без сколько-нибудь удовлетворительного решения этого вопроса нельзя было рассчитывать и на дальнейший прогресс в деле изучения проблемы происхождения городов.

Определенная узость характеристики города только как центра развитого ремесла и торговли побудила исследователей шире взглянуть на множественность выполняемых им функций в системе феодального государства, искать критерии городского типа поселения не в одном-двух, а в совокупности нескольких признаков. Обобщая опыт многолетних работ, Б. А. Рыбаков заключил, что типичным для города было наличие крепости, дворов феодалов, ремесленного посада, торговли, административного управления и церквей¹⁹. Таким образом, в результате комплексных исследований сложилась достаточно целостная и логически стройная картина развития древнерусских городов. Некоторым минусом в системе аргументации ее начальных звеньев было отсутствие убедительных данных о раннем периоде жизни большинства русских феодальных городов. Археологически изученными оставались сравнительно небольшие площади. Раскопкам в основном подвергались детинцы, а на посадах дело ограничивалось разведочными работами. Тем не менее, усилия многих исследователей прояснили ряд сложных вопросов зарождения и расцвета городской жизни на Руси.

Попытку пересмотреть взгляды М. Н. Тихомирова на причины происхождения городов на Руси предприняли в 1970 г. В. В. Мавродин и И. Я. Фроянов²⁰. Они рассматривают зарождение города не столько как результат отделения ремесла от земледелия и развития феодализма, сколько как следствие разложения родового строя. Первые города могли возникнуть на базе племенных центров. Затем в качестве градостроителей выступают князья. С оживлением внешней торговли на бойких транзитных магистралях вырастают поселки протогородского типа. И лишь в XI в. прогрессивное развитие ремесла и рост внутреннего обмена превращаются в существенный фактор градообразования.

Почти одновременно появилась статья В. Л. Янина и М. Х. Алешковского, посвященная происхождению Новгорода²¹. Многолетние раскопки одного из древнейших русских городов предоставили в распоряжение науки такое количество новых фактов, недооценить историческое значение которых трудно. Однако ранние этапы образования столицы Северной Руси долгое время оставались предметом дискуссии²². Сопоставляя археологические наблюдения с данными геологического бурения и сведениями письменных источников, В. Л. Янин и М. Х. Алешковский предположили, что становлению собственно Новгорода предшествовало длительное развитие нескольких соседних и разноэтнических поселков. Эти поселки, игравшие роль соответствующих племенных центров, группировались вокруг языческого капища и погоста-кладбища, занимавших территорию будущего детинца. Объединившись и отстроив общие укрепления — новый город, они стали именоваться Новгородом. Таков, по мнению авторов, путь становления Новгорода накануне возникновения единого Древнерусского государства.

Хотя гипотеза о федерации и постепенном слиянии древних поселков-концов во всех своих звеньях не одинаково аргументирована, она подкупает логической стройностью и находит подтверждение в некоторых особенностях политического и административного устройства Новгорода XII—XV вв.²³

Пример Новгорода позволил исследователям сформулировать одно очень существенное наблюдение: «Древнерусский город возник не из княжеских замков или торгово-ремесленных поселений, а из административных вечевых центров сельских округ-погостов, мест концентрирования дани и ее сборщиков»²⁴. Ремесленно-торговые функции самого Новгорода возрастали «пропорционально накоплению продуктов дани и грабежа соседних земель, которые надо было обрабатывать и реализовывать среди населения городской округи»²⁵.

Нетрудно заметить, что выводы В. Л. Янина и М. Х. Алешковского созвучны мыслям, высказанным А. Н. Насоновым больше 20 лет назад. Города в своем развитии нуждаются в сырье и продуктах, поступающих из близлежащей округи и более отдаленных земель. Но они попадают в город не только в порядке торговли и обмена, а в первую очередь в виде поборов, даней и контрибуций с-подвластного или побежденного населения. Здесь эти продукты перерабатываются и перераспределяются.

Среди работ о городах Древней Руси обращает на себя внимание статья В. В. Карлова²⁶. Помимо хорошего историографического очерка, в исследовании рассмотрены особенности экономического и политического

развития русских средневековых городов. Автор критически отнесся к взглядам В. В. Мавродина и И. Я. Фроянова. Не делая детального разбора новой теории, В. В. Карлов указал на неправильность отделения процесса распада родовых отношений от возникновения феодальных. По его убеждению, «и разложение родовых отношений, и формирование раннефеодальных, и появление товарного производства — все эти явления были следствием прогрессивного развития производительных сил общества, прогрессирующего общественного разделения труда»²⁷. Отстаивая точку зрения М. Н. Тихомирова, В. В. Карлов подчеркнул, что исследователь никогда не считал временем появления первых русских городов эпоху сложившегося феодализма, а лишь отмечал одновременность роста городов и развития феодальных отношений²⁸. Констатируя, что наиболее обоснованной теорией происхождения городов на Руси по-прежнему остается концепция М. Н. Тихомирова, автор аргументировал ее материалами последних исследований. Особое внимание он обратил на множественность функций, выполняемых городом в системе феодального государства. «Независимо от путей возникновения тех или иных городов (их, как показали работы археологов, могло быть много) городами раннефеодальной эпохи можно считать укрепленные поселения, выполнявшие в системе феодальных отношений целый комплекс функций — экономических, политических, административно-хозяйственных, культурных»²⁹.

Работа В. В. Карлова вносит определенный вклад в изучение городской проблематики Древней Руси. Однако некоторые ее положения, особенно по вопросам происхождения города, нуждаются в уточнении³⁰. Следуя мысли М. Н. Тихомирова, автор вновь назвал первопричиной возникновения городов потребность сельской округи в изделиях специализированных ремесел³¹. Критикуя В. В. Мавродина и И. Я. Фроянова, В. В. Карлов никак не оценил их попытку рассмотреть процесс градообразования в динамике, когда на разных этапах развития Руси и конкретные причины возникновения городов меняются. С его точки зрения, «те же факторы экономического и политического характера вели к появлению и росту новых городов и городских поселков» по крайней мере до середины XIII в.³²

С этим согласиться трудно. Сторонники прямой и интенсивной рыночной связи сельская округа—феодальный город как катализатора градообразования забывают один немаловажный факт. Уже в своем фундаментальном труде «Ремесло Древней Руси» Б. А. Рыбаков установил, что массовый переход городских ремесленников от работы на заказ к работе на рынок приходится на XII в. Все последующие работы о древнерусском ремесле (Б. А. Колчин, Г. Ф. Корзухина, М. В. Седова, Ю. Л. Щапова, Н. В. Рындина и др.) согласно подтверждали это заключение. Если оно справедливо, в чем нет никаких оснований сомневаться³³, то тезис о влиянии экономических потребностей сельской округи на процесс зарождения города для раннего этапа истории Древней Руси теряет свою силу. Первоначально ремесленники и торговцы обслуживали представителей нарождающегося класса феодалов — князей, бояр, дружинников, сосредоточивавшихся в ранних городах, и связанных с ними различным образом людей. Ранние города для окрестных сельских поселений были не столько экономическими центрами, сколько очагами государственности и феодального властвования.

Мысль о формировании древнейших городов Руси на основе племенных или межплеменных центров, условием быстрого политического и экономического роста которых была естественная концентрация феодализирующей знати и дружинников, представляется весьма плодотворной. Уже в середине 50-х годов Б. А. Рыбаков отметил важную закономерность: раннеславянские городища VIII—X вв. располагаются кучно, по нескольким укрепленным поселений рядом. К XII в. в середине почти каждого такого гнезда появляется летописный город. Исследователь убедительно интерпретировал подобные скопления как доказательство существования малых племен, вместе составлявших большие восточнославянские племенные союзы, поименованные в летописи³⁴.

Таким образом, постепенное превращение бывших «племенных городов» в города социально-экономические на ранней стадии развития феодальных отношений — явление, характерное для многих областей Руси. Конечно, далеко не везде этот процесс достиг завершающего этапа. Некоторые городки, утратив по тем или иным причинам политическое или экономическое значение, стали обычными сельскими поселениями или вовсе прекратили существование. Другие (например, «древлянские грады») были преднамеренно разрушены во время объединения под властью Киева восточнославянских земель³⁵.

Конкретный механизм превращения нескольких сельских поселений в город попытался восстановить Л. А. Фадеев³⁶. На примере новгородского погоста XV в. Жабна автор гипотетически реконструирует процесс слияния сельских поселков в самоуправляющиеся ассоциации — концы, которые при благоприятных условиях консолидировались в единую городскую общину. При этом особое значение придается влиянию пережиточных родовых отношений, прежде всего первобытной дуальной организации населения. Сама по себе гипотеза Л. А. Фадеева заслуживает серьезного внимания, но ее фактологический источник не кажется удачным³⁷. Концы Жабенской волости образовывались по мере сегментации старых поселений, а центростремительные силы сосредоточил в себе сам погост Жабна с 14 дворами и 14 непосредственно тянувшими к нему деревнями. Иными словами, зачатки городской жизни были присущи в какой-то мере лишь административно-хозяйственному центру волости.

Последние годы интенсивно исследуются поселения протогородского типа VIII—X вв., возникшие на магистральных торговых путях. Речь идет о Ладогe, Гнездове, Тимереве, Городище под Новгородом. Помимо сходного месторасположения, и их сближают такие черты, как отсутствие первоначальных укреплений; этнически смешанный состав населения, в хозяйственной деятельности которого преобладают ремесленно-торговые функции; дружинный элемент. В литературе они получили общее название открытые торгово-ремесленные поселения (ОТРП). Из них лишь Ладога развилась в настоящий древнерусский город. Жизнь на других или вовсе угасла, или возобновилась после некоторого перерыва (Городище), но на иной основе.

Эти поселки именуют также протогородами, или «эмбрионами» городов. Однако их социальный облик еще недостаточно ясен. Сравнение с европейскими виками или эмпориями его не раскрывает, поскольку соотношение последних с центрами формирующейся государственной власти мало изучено.

Синхронность появления открытых торгово-ремесленных поселений с началом быстрого развития классовых отношений и государственности на Руси симптоматична сама по себе. Безусловно, указанным поселениям свойственны многие черты будущего городского быта: специализированное ремесло и торговля, слабая связь с сельским хозяйством, уловимые следы имущественной и социальной дифференциации. В. А. Булкин, И. В. Дубов и Г. С. Лебедев, обобщившие результаты исследований этих интереснейших памятников, склонны видеть в них специфические центры междунородного типа, игравшие роль катализатора новых общественных функций³⁸. В их образовании большое значение, по мнению авторов, имела транзитная торговля со странами Востока по великим речным путям. К этой же точке зрения склоняется и Л. В. Алексеев, подчеркивающий значение международной торговли в процессе происхождения древнерусских городов³⁹.

Л. В. Алексеев считает, что Гнездовский Смоленск, Полоцк, Витебск, Ладога, если и возникли на племенной основе в IX в., то ферментом их быстрого роста «оказался путь из варяг в греки, который вовлек все эти центры в круговорот торговли тогдашнего мира»⁴⁰. Исследователь выделяет особую «предгородскую» торгово-ремесленную стадию в развитии древнерусских городов, «так как ремесло в городах этого времени в Восточной Европе не превалировало»⁴¹.

Все же выделение указанных памятников в особый тип поселений, сходный с североамериканскими виками, недостаточно обосновано. Во-первых, четко не установлено и соотношение с процессом становления единого Древнерусского государства. Во-вторых, не вполне ясен социально-экономический облик этих поселений, прикрытый вуалью ярких импортных вещей и полиэтничных связей. Вероятно, ближе к истине мнение Б. А. Рыбакова, рассматривающего подобные памятники как особые лагеря наемных варяжских отрядов близ древнерусских центров или пункты остановки — станы киевских князей и дружины в ежегодном обходе (полюдье) подвластных земель⁴².

Перспективна в перечисленных исследованиях попытка изучать градообразование на Руси в его динамике. Намечены этапы становления городов, на протяжении которых взаимодействуют различные составляющие этого процесса. На первом этапе (IX—X вв.) в роли протогородов выступают старые племенные центры и открытые торгово-ремесленные поселения. Распад родо-племенных отношений и международные торговые связи были питательной средой их существования. На втором этапе (XI—начало XII в.) завершается интеграция раннегородских поселений в города с общей плановой структурой: княжеско-боярский дегинец и торгово-ремесленный посад. Первыми превратились в новые административные центры столицы прежних племенных объединений. Факторы социальный (укрепление государственности и развитие классовых отношений) и экономический (специализация ремесла и торговли, появление устойчивых внутриэкономических связей) здесь дополняют друг друга. Наконец, третий этап (начиная с середины XII в.) характеризует преобладание внутриэкономических причин появления городов, прежде всего успешного развития ремесла, превращавшего горожан в самостоятельную экономическую силу.

Изложенная схема достаточно условна, поскольку она опирается не на всю совокупность археологических данных, а лишь на отдельные примеры. Однако стремление исследовать сложное явление, расчленив его во времени и пространстве, проецируя на общий ход исторического развития Руси, заслуживает пристального внимания.

Ряд существенных, но остро дискуссионных положений о происхождении древнерусских городов выдвинул И. Я. Фроянов⁴³. По его убеждению, все они складывались на родо-племенной основе и первоначально были племенными центрами. На раннем этапе (IX—X вв.) города не противостояли деревне, а являлись прямым порождением сельской стихии и ничем не отличались от поселений сельского типа⁴⁴. Города образовывались путем слияния нескольких сельских общин, представляя собой новую ступень в развитии сельских институтов. «Определяющее значение города состояло в том, что он выступал как политико-административный и идеологический (религиозный) центр»⁴⁵. Его экономика носила в основном аграрный характер. Город был также центральным торговым пунктом, стягивавшим окрестное население⁴⁶. Древнерусские города с прилегающими к ним землями представляли собой, по мысли И. Я. Фроянова, социально-политическую структуру, близкую городам-государствам Древнего мира.

Не касаясь вопроса о социальной сущности ранних городов Руси, отметим, что исследователь придает решающее значение в процессе их образования причинам общественно-политическим. Вместе с тем И. Я. Фроянов не вскрывает механизм слияния нескольких сельских общин в городскую. А именно этот момент является определяющим. Как и почему рядовые сельские поселения превратились в племенной центр и трансформировались затем в город-государство?

Иную точку зрения на происхождение первых русских городов обосновывает Д. А. Авдусин⁴⁷. По его мнению, необходимо выявить археологические признаки раннего города и определить его основные функции в период становления феодализма. Главную предпосылку возникновения городов автор видит в отделении ремесла от земледелия. Важно поэтому археологически установить время обособления ремесла. Только такое ремесленное производство позволяет считать населенный пункт городом; во всех иных случаях он остается сельским поселением. Археологические материалы позволяют говорить о первичном обособлении кузнечного, ювелирного и гончарного ремесел. Последнее обстоятельство особенно показательно, так как керамика составляет наиболее массовую категорию находок, а появление специализированного гончарного ремесла легко фиксируется по находкам обломков круговой посуды.

Начальным градообразующим элементом Д. А. Авдусин считает феодалов, концентрировавших вокруг своих дворов необходимое для их обслуживания население, прежде всего специалистов-ремесленников. На ранней стадии городское ремесло удовлетворяет внутренние потребности самого города, а не сельской округи. Большое значение для формирования городов имеют их функции административного центра, так как здесь сосредоточивается дружина — зачаток государственного аппарата. Таким образом, города образовывались в местах пребывания представителей нарождавшегося класса феодалов-дружинников. Поэтому археологи-

ческим критерием раннего города (протогорода конца IX—X в.) будет сочетание в его материальной культуре элементов феодально-дружинного быта, дальних торговых связей и специализированного ремесла.

Специально археологическому изучению городов Северо-Восточной Руси посвятил недавно статью И. В. Дубов⁴⁸. Значительное место в ней уделено проблеме возникновения и развития городских поселений этого региона. Особое внимание автор обратил на такие поселения, как Тимеревское селище, Сарское городище и Александрова Гора на Плещеевом озере. В них И. В. Дубов видит прямых предшественников Ярославля, Ростова и Переяславля-Залесского, возникших впоследствии в нескольких километрах от древних поселков-протогородов. «Здесь, как и в подобных ситуациях в Древней Руси этого времени, в полную силу проявилось явление «переноса города», имевшее глубокое историческое содержание и отразившее многогранные социальные процессы»⁴⁹. Однако суть этих процессов И. В. Дубов не вскрыл, а археологические материалы сегодня не позволяют столь однозначно решать данный вопрос. Дело в том, что предполагаемые предшественники и родоначальники будущих крупных центров Руси изучены значительно лучше, чем сами указанные города. Это же касается и Гнездовского комплекса в его соотношении со Смоленском. Ответ на вопрос о закономерности и причинах переноса на рубеже X—XI вв. и в более позднее время древнерусских городов возможен после достаточно широкого археологического исследования на территории «перенесенных» на новое место центров. Если бы, например, в самом Чернигове не сохранился курганный некрополь IX—X вв., в роли его прямого предшественника вполне мог бы фигурировать Шестовицкий комплекс памятников. Таким образом, поселения типа Гнездова и Тимерева безусловно участвовали в процессе градообразования на Руси, но их вклад в него еще предстоит уточнить. Продуктивной представляется мысль об отличии таких разноэтнических населенных пунктов, расположенных на оживленных торговых путях, от восточнославянских племенных центров. Однако их роль и место в системе формирующегося Древнерусского государства нуждаются в специальном исследовании.

Вопросы происхождения древнерусских городов рассматривает в монографии о Киевской Руси и Б. А. Рыбаков⁵⁰. Исследователь считает, что «рождающиеся города — это не сказочные палаты, возникающие в одну ночь, будучи воздвигнуты неведомой волшебной силой»⁵¹. Город тесно связан с определенной округой и зарождается в ней как ее своеобразный «узел прочности». В роли предшественника города (протогорода) могут выступать порубежное или центральное укрепление, стан вождя, место вечевых сходок, пункт складирования дани, сакральный племенной центр, пересечения важных путей сообщения, место периодического торгового центра⁵². Необходимым условием становления города, его трансформации из «узла прочности» общинно-племенной округи в город феодальной эпохи является концентрация в нем перечисленных выше признаков-функций. Возникающее государство ускоряет и усложняет процесс градообразования, наделяя предшествующие протогородские центры новыми, административно-фискальными и военными, функциями. Выводы Б. А. Рыбакова, основанные на результатах многолетних работ и наблюдений в широком историческом и географическом диапазонах, заслуживают серьезного внимания.

Итак, даже сжатый историографический обзор проблемы происхождения древнерусского города показывает, что интерес к ней вновь оживился. Исследователи не только реконструируют пути становления отдельных городских центров, но и намечают этапы развития сложного градообразовательного процесса в целом. Высказываются далеко не однозначные мнения как о конкретных причинах появления первых городов, так и об их социально-экономической сущности. Отмеченные разногласия — следствие возросшего масштаба археологических работ и широкой географии исследований. Многократное умножение фонда вещественных источников вызывает расхождения в их исторической интерпретации.

Точки зрения по интересующему нас вопросу можно объединить в две группы. Сторонники первой вслед за М. Н. Тихомировым по-прежнему видят прямую зависимость возникновения городов от роста потребностей сельской округи в изделиях специализированного городского ремесла. Они полагают, что эта же закономерность одинаково действует на всем протяжении времени с IX по XIII в. Сторонники другой точки зрения дифференцируют первопричины, вызывавшие к жизни русские города в разные хронологические периоды развития Руси. На раннем этапе (VI—IX вв.) становления феодализма предпочтение отдается общественно-экономическим и политическим факторам, к которым лишь с X—начала XII в. все больше подключается рост внутриэкономических связей.

Конечно, в перечисленных выше работах есть и более частные различия, и некоторые общие положения. Например, неодинаково трактуется роль международной транзитной торговли в градообразовательном процессе. Одни исследователи уже в экономике первых городов ведущее место отдают ремеслу, другие подчеркивают их аграрный характер. Большинство авторов считает главным исходным типом поселений, на основе которых формируются города, межплеменные и племенные центры — «узлы прочности» своих округ.

Общим для всех современных исследователей является взгляд на древнерусский город как особый и сложный социально-политический и экономический организм, выполнявший в системе феодального государства ряд важных функций — экономических, военных, административно-хозяйственных, политических и культурных. Именно не одно-два свойства, а их сочетание позволяет считать то или иное поселение городом. Споры идут о том, какие из перечисленных особенностей и когда преобладали над прочими в процессе становления русских городов. Они осложняются скудостью сведений письменных источников о городах ранней эпохи и дискуссионностью археологических критериев их выделения. В плане практическом вопрос сводится к установлению соотношения определенных функций города и их «вещественного» отражения в остатках материальной культуры, планировке, исторической топографии, размерах археологических памятников. Некоторый опыт здесь уже накоплен. Например, Д. А. Авдусин предложил ряд археологических «индикаторов» протогорода⁵³. Однако систематизированный набор археологически уловимых «городских» признаков отсутствует. Большинство исследователей оперирует ограниченным числом порой случайных показателей, не раскрывая полностью их значения и не прослеживая их взаимосвязь во времени.

Большинство из рассмотренных выше «моделей» происхождения древнерусских городов построено не на совокупности всех данных с территории всей Руси, а на материалах одного или нескольких наиболее ярких памятников.

В предшествующих разделах с помощью шкалы археологических признаков удалось выделить из массы древнерусских укрепленных поселений вероятные города. Большинство из них имело защищенную валами и рвами площадь около 2,5 га и более. К укрепленным частям примыкали открытые селища-посады. Населенные пункты меньших размеров, за некоторыми исключениями (северо-западные земли Руси), оказались поселками других типов: центрами небольших волостей и погостов, сторожевыми крепостями, феодальными усадьбами-замками. Но и сами города, как следует из рассмотренных выше материалов, при определенном сходстве археологических характеристик представляли в действительности довольно пеструю картину. Наряду с крупнейшими и всесторонне развитыми стольными центрами типа Киева и Новгорода существовали небольшие удаленные и периферийные городки вроде Вщижа, Серенска, Мстиславля-Смоленского или Ярополча-Залеского.

Суммируя наблюдения над развитием древнерусских городов до середины XIII в. в их истории можно выявить три периода.

Первый период — протогородской — длился до начала XI в. В это время складывались предпосылки к образованию подлинных городов на Руси. Начало периода восходит к концу эпохи родо-племенного строя, когда выделяются родовая аристократия и военные вожди, появляются племенные и межплеменные центры, где в виде общественных взносов и военной добычи скапливается прибавочный продукт. На их основе возникают протогородские поселения, в экономике которых заметное место принадлежит специализированному ремеслу и торговле, а среди населения присутствует военно-феодальный элемент. Заканчивается этот период в области интенсивного развития феодализма и государственности появлением первых раннегородских центров, по социально-экономической сущности и многофункциональности приближающихся к развитым городам.

Второй период — раннегородской — продолжался до середины XII в. В течение указанного времени города кристаллизуются в особый и сложный социально-экономический тип поселений, противоположный деревне. В структуре Древнерусского раннефеодального государства они занимают место военно-политических, административно-хозяйственных, экономических и культурно-идеологических центров больших округ.

Третий период развития городов начинается в середине XII в. — время подлинного расцвета городов на Руси. С повсеместным распространением феодальных отношений вглубь и ширь происходит стремительный территориальный и численный рост городов. Ремесленное производство определяет развитие их экономики. Древнерусские города обретают характер и облик, свойственные городам развитого феодализма. Все в большей мере они выполняют роль внутриэкономических рынков своих округ. В княжествах складывается иерархическая система из старших городов-столиц и младших городов-пригородов.

Проверить изложенные выводы и установить некоторые особенности

происхождения русских городов позволяет табл. 4. В ней перечислены города середины XII—XIII в., выделенные по археологическим данным (стационарно исследованные памятники). На основе стратиграфии этих памятников в таблице фиксируется время начала жизни на их территории и время превращения поселения в город. Момент становления города определяется по совокупности рассмотренных ранее признаков.

Из таблицы видно, что 18 городов возникло на поселениях IX—середины X в. (и более раннего времени); 15 — на поселениях второй половины X—начала XI в.; 25 — на поселениях XI—середины XII в.; 17 городов основано во второй половине XII—начале XIII в.*¹ Однако из первой группы к середине X в. только Киев и Новгород имеют археологически достаточно ясный городской облик. Белгород, Чернигов, Любеч, Новгород-Северский, Перемышль, Червен, Вольтынь, Полоцк, Витебск, Псков, Ладога приобретают его, по-видимому, к концу X в. Пять поселений (Заруб, Путивль, Луцк, Вщиж и Плеснеск) вырастают в города к X—началу XII в.

Во второй группе к началу XI в. городами становятся Вышегород, Переяславль (до сих пор культурные отложения древнее конца X в. здесь не обнаружены), Суздаль, Белоозеро (?), Рязань; к середине XII в. — Воинь, Туров, Галич, Белз, Сутеска, Новгородок, Смоленск; к началу XIII в. — Родень, Волковыеск, Торопец.

В третьей группе одновременно или почти одновременно с основанием городами стали Торческий, Тумащ, Чучин, Юрьев, Городец-Остерский, Пинск, Ярополч-Залесский, а остальные 10 достигли городского уровня развития во второй половине XII—начале XIII в.

Оставшиеся 17 поселений четвертой группы отстраивались князьями сразу как города, со всеми присущими им характерными чертами и особенностями.

Все отмеченные ранее закономерности развития древнерусских городов наглядно подтверждаются материалами таблицы. Территориально и хронологически города возникают по мере упрочения государственности, феодализации и окняжения древнерусских земель, углубления феодальной раздробленности. Первоначально (IX—начало XI в.) градообразовательный процесс охватывает Среднее Поднепровье («Русская земля»), северо-запад («Верхняя», или «Внешняя», Русь) и юго-запад (верховья рек Сан и Буг — «Червенские грады»). Затем (XI—середина XII в.) он перекидывается на левобережье Днепра и в Верхнее Поднепровье, в бассейн Припяти, Поднестровье, Суздальское ополье и на среднюю Оку. На последнем этапе (середина XII—XIII в.) города появляются в Подесенье, Понеманье, Подвинье, Поволжье и бассейне верхней Оки. Существовало, что до объединения Руси под властью киевских князей мы нигде (за исключением, вероятно, Киева) не обнаруживаем раннегородских образований. В эпоху «племенных княжений» существовали только протогородские центры, имевшие определенные тенденции к превращению в города, впоследствии далеко не всегда реализованные.

*¹ Хронология установлена по археологическим данным и в дальнейшем может уточняться в процессе исследований.

Таблица 4. Развитие древнерусских городов в IX—XIII вв.

Город	Дата упоминания в летописи (годы)	Культурные отложения					Основание княжеского стола (века)	Становление города (века)
		IX—середина X в.	Середина X—начало XI в.	XI—середина XII в.	Середина XII—середина XIII в.	Середина XIII—XVII в.		
Киев	До IX в.	×	×	×	×	×	До IX	Конец IX—начало XI
Вышегород	946	?	×	×	×	—	Начало XII	Вторая половина X
Белгород	991	×	×	×	×	—	Вторая половина XII	Конец X—начало XI
Торческый	1085	—	—	×	×	—	Вторая половина XII	Вторая половина XII
Тумащ	1150	—	?	×	×	—	—	Середина XII
Чучин	1110	—	—	×	×	—	—	Середина XII
Заруб	1096	×	×	×	×	—	—	Конец XI
Юрьев (Гургев)	1072	—	—	×	×	×	—	Вторая половина XI
Родень	980	?	×	×	×	—	—	Вторая половина XII
Городск	1257	—	—	×	×	×	—	Вторая половина XII
Переяславль	907	?	×	×	×	×	Середина XI	Конец X—начало XI
Городец-Остерский	1098	—	—	×	×	×	Вторая половина XII	Середина XII
Воишь	1055	?	×	×	×	—	—	Конец XI—начало XII
Чернигов	907	×	×	×	×	×	Первая половина XI	Вторая половина X
Любеч	882	×	×	×	×	×	—	Конец X—начало XI
Новгород-Северский	1078—1079	×	×	×	×	×	Конец XI	Начало XI
Путьвьль	1146	×	×	×	×	×	Середина XII	Первая половина XII
Трубчевск	1185	—	—	—	×	×	Вторая половина XII	Первая половина XII
Вщиж	1142	×	×	×	×	×	Вторая половина XII	Вторая половина XII
Брянск	1147	—	—	—	×	×	Середина XIII	Первая половина XIII
Серенск	1207	—	—	—	×	×	—	Вторая половина XII
Слободка	—	—	—	—	×	×	—	Вторая половина XII

Таблица 4 (продолжение)

Город	Дата упоминания в летописи (годы)	Культурные отложения					Основание княже- ского стола (века)	Становление города (века)
		IX—середина X в.	Середина X— начало XI в.	XI—середина XII в.	Середина XII— середина XIII в.	Середина XIII— XVII в.		
Туров	980	—	×	×	×	×	Начало XI	Вторая поло- вина XI
Пинск	1097	—	—	×	×	×	Середина XII	Первая поло- вина XII
Галич	1138	?	×	×	×	×	Середина XII	Середина XI— начало XII
Звенигород- Галицкий	1086	—	—	×	×	—	Вторая поло- вина XI	Конец XI
Плеснеск	1188	×	×	×	×	—	—	Вторая поло- вина XII
Теребовль	1097	—	—	×	×	—	Вторая поло- вина XI	Конец XI
Василев	1229	—	—	—	×	—	—	Начало XIII
Ленковцы	—	—	—	—	×	—	—	Начало XIII
Перемышль	981	×	×	×	×	×	Вторая поло- вина XI	Начало XI
Изяславль	1241	—	—	—	×	—	—	Вторая поло- вина XII
Дорогобуж	1072	—	—	×	×	—	Вторая поло- вина XI	Вторая поло- вина XI
Пересопница	1149	—	—	×	×	×	Середина XII	Середина XII
Луцк	1085	×	×	×	×	×	Конец XI	Первая поло- вина XII
Белз	1030	—	×	×	×	×	Конец XII	Вторая поло- вина XI
Червен	981	×	×	×	×	—	—	Первая поло- вина XI
Вольнь	1018	×	×	×	×	—	—	Первая поло- вина XI ?
Сутеска	1069	—	×	×	×	—	—	Вторая поло- вина XI
Дорогичин	1142	—	—	×	×	×	—	Вторая поло- вина XII
Новгородок	1235	—	×	×	×	×	Начало XIII	Середина XII
Вослоним (Слоним)	1252	—	—	×	×	×	—	Вторая поло- вина XII
Волковьеск	1252	—	×	×	×	×	Вторая поло- вина XIII	Вторая поло- вина XII
Городен	1128	—	—	×	×	×	Начало XII	Первая поло- вина XII

Таблица 4 (продолжение)

Город	Дата упоминания в летописи (годы)	Культурные отложения					Основание княжеского стола (века)	Становление города (века)
		IX—середина X в.	Середина X—начало XI в.	XI—середина XII в.	Середина XII—середина XIII в.	Середина XIII—XVII в.		
Полоцк	862	×	×	×	×	×	Вторая половина X	Конец X—начало XI
Витебск	1021	×	×	×	×	×	Середина XII	Первая половина XI
Ерсике	1203	—	—	×	×	×	Конец XII	Вторая половина XII
Кокнесе	1205	—	—	×	×	×	Конец XII	Вторая половина XII
Менеск	1067	—	—	×	×	×	Конец XI	Первая половина XII
Дрютеск	1078	—	—	×	×	×	Первая половина XII	Середина XII
Клеческ	1128	—	—	×	×	×	Середина XII	Вторая половина XII
Копысь	1059	—	—	×	×	×	—	Вторая половина XII
Смоленск	882	—	?	×	×	×	Середина XI	Середина XI
Торопец	Около 1025	—	×	×	×	×	Вторая половина XII	Вторая половина XII
Мстиславль	1135	—	—	—	×	×	—	Вторая половина XII
Ростиславль	Конец XII в.	—	—	—	×	×	—	Вторая половина XII
Новгород	862	×	×	×	×	×	Конец IX	Начало X
Руса	Конец XI в.	—	?	×	×	×	—	Вторая половина XI
Псков	903	×	×	×	×	×	Первая половина XII	Начало XI?
Ладога	862	×	×	×	×	×	—	Начало XI?
Суждаль	1024	—	×	×	×	×	Первая половина XII	Первая половина XI
Владимир	1154	—	—	×	×	×	Вторая половина XII	Вторая половина XII
Переяславль-Залесский	1152	—	—	—	×	×	Вторая половина XII	Вторая половина XII
Дмитров	1154	—	—	—	×	×	—	Вторая половина XII
Москва	1147	—	—	×	×	×	Начало XIII	Конец XII
Ярославль	1071	—	?	×	×	×	Первая половина XIII	Конец XII
Белоозеро	862	—	×	×	×	×	—	Первая половина XI?

Таблица 4 (окончание)

Город	Дата упоминания в летописи (годы)	Культурные отложения					Основание княжеского стола (века)	Становление города (века)
		IX—середина X в.	Середина X—начало XI в.	XI—середина XII в.	Середина XII—середина XIII в.	Середина XIII—XV/II в.		
Семьинское	—	—	—	—	×	×	—	Конец XII
Ярополч	Конец XIV в.	—	—	×	×	?	—	Первая половина XII
Городец	1172	—	—	—	×	×	Первая половина XIII	Конец XII
Рязань	1096	—	?	×	×	—	Середина XII	Первая половина XI?
Пронск	1131	—	—	×	×	×	Вторая половина XII	Вторая половина XII
Переяславль-Рязанский	1300	—	—	?	×	×	—	Вторая половина XII
Изяславль-Рязанский	1237	—	—	—	×	?	—	Вторая половина XII
Коломна	1177	—	—	?	×	×	Вторая половина XII	Вторая половина XII

В этой связи особый интерес представляет исследование Б. А. Рыбаковым института полюдья киевских князей, активно функционировавшего до середины X в. Полюдье распалось на два этапа: зимний — круговой объезд дружиной русов подвластных племен с целью сбора дани — и летний — сбыт продуктов дани на византийских или каспийско-багдадских рынках. Процессы отмирания полюдья и становления древнерусских городов удивительно синхронны. Нельзя не прийти к выводу, что расцвет полюдья падает на время отсутствия на Руси подлинных городов. Князья, окружавшие их дружинники и феодализирующаяся родоплеменная знать вынуждены были предпринимать дальние и опасные путешествия, чтобы удовлетворить свои потребности в оружии, предметах роскоши и прочих «заморских» товарах, обменяв на них на международных рынках продукты славянской дани. Появление во второй половине X—начале XI в. собственных раннегородских центров с искусными ремесленниками и купцами делало ненужным летние походы сквозь враждебные степи и моря. Теперь феодалы могли значительную массу прибавочного продукта (феодальной ренты) реализовывать внутри страны. К городам через связанную с ними систему погостов и волостных центров переходит и функция сбора дани и транспортировки установленной «уроками» ее части сначала в Киев, а затем и в столицы образовавшихся земель-княжений. Государственная власть поддерживала нормаль-

ное функционирование городов и обеспечивала безопасность торговых путей, связывающих Русь с внешним миром. Полюдье в конце X—XI в. теряет свое значение и сохраняется в некоторых княжествах в качестве архаического, пережиточного, института, сочетавшегося с более совершенными и изощренными способами сбора дани.

Симптоматично, что среди первых городов присутствуют почти все памятники, попавшие на страницы письменных источников в связи с событиями конца IX—X в. Не менее существенно, что все они к этому времени уже были или в недалеком будущем стали важнейшими социально-политическими и экономическими центрами Руси. На рубеже X—XI вв., судя по рассказам летописи, горожане активно действуют как самостоятельные, социально организованная, военно-политическая и общественная сила. С их участием в Киеве решаются вопросы выбора веры, они — званые гости на пирах князя Владимира. Жители Белгорода на вече обсуждают возможность дальнейшего сопротивления печенегам. Новгородцы санкционируют, финансируют и своим ополчением поддерживают борьбу Ярослава со Святополком. Следовательно, на Руси складывались особые городские общины, пользовавшиеся не только известным самоуправлением, но и правом голоса в решении общегосударственных дел.

В источниках по раннему периоду истории Руси есть важные свидетельства о разнообразных функциях, выполняемых городами. Во-первых, города всегда выступают в роли центров управления обширными областями. В них сидят князья или княжеские наместники, олицетворяющие государственную власть. Вообще организация власти неразрывно связывается с основанием новых городов. Изгнав варягов, словене, кривичи, меря и чудь «начаше владете сами себе и города ставити»⁵⁴. Захватив Киев и объединяя вокруг него восточнославянские земли, Олег и Игорь ставят города и «уоставляют» дани⁵⁵.

Во-вторых, города — военный оплот государства. В них сосредоточены вооруженные силы, они формируют ополчения земель. Защита Руси от печенегов требует массового строительства городов⁵⁶.

В-третьих, города — идеологические и культурные центры. Утверждая христианство, Владимир строит в городах церкви, ставит попов и организует школы для детей «нарочитой чади».

Наконец, в городах концентрируется феодализирующая знать. Вновь построенные крепости по приказу Владимира населяют «нарочитыми мужами» из всех городов словен, кривичей, чуди и вятичей.

Данные археологических исследований позволяют судить об экономической жизни первых городов. Именно здесь процесс обособления ремесла от сельского хозяйства шел наиболее быстрыми темпами. Особенно показательно становление специализированного гончарного производства. И на юге (Киев), и на севере (Новгород) в середине X в. гончарная керамика многократно преобладает над лепной. Обратная картина вплоть до конца X в. наблюдается на упомянутых выше крупных поселениях, еще не достигших городского уровня развития. Крепнущие торговые связи городов документированы находками денежных кладов и различных привозных вещей (оружие, украшения, утварь).

Таким образом, некоторые укрепленные поселения второй половины X в. по многим показателям соответствуют понятию средневекового

города — функционально разностороннего и социально сложного центра в системе феодального государства. Но кроме городов и многочисленных сельских поселений крестьян-общинников, одновременно с ними существовали и развивались поселения других типов. Если крупнейшие древние центры (Киев, Чернигов, Новгород, Полоцк) уже превратились в города или плотную подошлу к этому рубежу, то центры малых племен (городища Титчиха, Белогорское, Горналь, Ревное I, Грозницы и др.) оказались заброшенными на рубеже X—XI вв. Хотя отдельные «городские» элементы (концентрация населения, обособленные части ремесел, торговля, имущественная дифференциация) явственно прослеживаются в их жизни, достичь качественно нового этапа развития им не удалось.

С конца X и первой половины XI в. в роли ядра будущих городов выступают также некоторые военные порубежные крепости (Воинь, Белгород, Белз, Сутеска). Однако их эволюция тесно связана, судя по данным летописи, с превращением в административно-хозяйственные центры образующихся волостей. Без этого условия поселения с преимущественно военными функциями либо таковыми и оставались длительное время, либо забрасывались после устранения военной опасности.

Зависимость быстрого развития древнерусских городов от объема поступающего в них прибавочного продукта (феодальной ренты) — закономерность, постоянно фиксируемая археологическими и письменными источниками. Из внесенных в перечень 75 городов середины XII—XIII в. 45 (60 %) были столицами самостоятельных и удельных княжеств. Для 28 время превращения в город и утверждения княжеского стола фактически совпадает. Другим городам именно появление княжеских столов дало мощный импульс развития. Иерархическая система городов отражает иерархию подчиненных им округ-волостей. Чем обширнее и гуще населена городская округа, тем больше, населеннее и экономически сильнее сам город. Лишь во второй половине XII в. повсеместно, а в Среднем Поднепровье и на Волыни — несколько раньше экономика большинства городов достигает такого уровня развития, когда они могут отдельно от населения округ-волостей нести бремя финансовых претензий светских и духовных властей. Косвенным подтверждением этому служит основание князьями новых поселений городского типа, способных одновременно выполнять военно-политические, административно-хозяйственные, экономические и фискальные функции.

Эволюция предшествующих поселений в города наблюдается в большинстве из приведенных случаев. Но ее темпы во многом зависели от места поселения в социально-политической системе Древнерусского государства. Лишь у 18 городов в подоснове лежат поселки, корнями восходящие ко времени перехода от высшей стадии родо-племенного строя к классовому обществу и государственности. Однако среди них нет рядовых поселений сельских общин. Киев, Чернигов, Волынь, Перемышль, Полоцк, Новгород были центрами крупных межплеменных объединений, превратившихся или имевших тенденцию превращаться в раннегосударственные образования. В древнейший период своей истории они представляли собой агломерацию нескольких поселений, постепенно консолидировавшихся вокруг укрепленного ядра (общеплеменного святилища?) в единый социально-экономический организм. Другие

города (Вышегород, Любеч, Вщиж, Новгород-Северский), вероятно, выполняли роль станов на пути киевского полюдья. Третьи (Витебск, Торонец, Псков, Ладога, Суздаль, Рязань), надо полагать, были погостами, организованными вне зоны полюдья. Вскоре они стали центрами крупных волостей, а затем самостоятельных или удельных княжеств. Судя по погребальным древностям X в., в большинстве из них (Любеч, Плеснеск, Торонец, Псков, Ладога, Суздаль) концентрировалась дружинно-феодалная знать.

Ряд поселений, особенно в XI—XII вв., сразу основывается в качестве волостных центров. Импульс развитию других дали порубежные военные крепости. Белгород, Переяславль, Воинь, а несколько позже Белз и Сутеска после строительства на их территории мощных крепостей быстро становятся крупными городскими центрами, обретая, кроме военных, социально-экономические функции. Наконец, что характерно в первую очередь для эпохи развитых городов, многие поселения целенаправленно отстроены князьями со всеми свойственными подлинным городам признаками.

Таким образом, можно наметить несколько основных вариантов образования древнерусских городов: 1. Из племенных или межплеменных центров в процессе консолидации нескольких изначальных поселков вокруг укрепленного ядра; 2. Из укрепленного стана, погоста или центра волости; 3. Из порубежной крепости; 4. Единовременное строительство города.

Отсутствуют убедительные археологические данные о превращении в города на протяжении IX—XIII вв. торговых рядков, ремесленных поселков или обычной деревни при стечении благоприятных экономико-географических обстоятельств. Этот путь, фиксируемый письменными источниками XV в. и более позднего времени в совершенно иных условиях становления Русского централизованного государства, неизвестен в исследуемый период. Сложнее вопрос с трансформацией в города феодальных замков. Археология пока не располагает сколько-нибудь значительными материалами о ранней стадии их зарождения и развития. Поэтому однозначно ответить на поставленный вопрос трудно. Теоретически княжеская резиденция, например, обрастая обслуживающим ее населением, могла со временем стать городом. Во второй половине XII—XIII в. подобную тенденцию имел, вероятно, Боголюбый — загородный замок-резиденция князя Андрея Юрьевича.

В основе процесса градообразования лежит общественное разделение труда между сельским хозяйством и ремеслом. Но происходит это отнюдь не механически. Для концентрации и специализации ремесла нужны массы людей, сырья, продуктов питания. Получить их путем только торговли нельзя. Они поступают в город в виде прибавочного продукта, изъятого из деревни. Становление городов завершается только с утверждением классовых отношений и государственности. Следовательно, что неоднократно отмечали основоположники марксизма, города возникают в условиях наличия в обществе частной собственности и эксплуатации. Так снимается дискуссионный вопрос о соотношении социальных и экономических факторов в градообразовании: они — две взаимодействующие и противоборствующие силы диалектически единого процесса.

История древнерусских городов полностью подтверждает все сказанное. Они возникли в густонаселенных местах. В них концентрировалась военно-родовая, превращавшаяся в феодальную знать окрестных территорий, которую обслуживали купцы и ремесленники. Рост и значение древнерусских городов во многом зависели от размеров и заселенности их округи-волости, т. е. от возможности изъять из сельского хозяйства больше сырья, продуктов питания и промыслов. Общим и главным для всех вариантов градообразования на Руси было то, что городами становились только населенные пункты, где в виде общественных взносов, даней, судебных пошлин, военных контрибуций сосредоточивался, перераспределялся и перерабатывался прибавочный продукт.

Предложенная выше сумма признаков, на основе которой древнерусские города выделяются из массы прочих поселений, не отражает в полном объеме сущность столь сложного явления, каким был реальный город эпохи феодализма. В зависимости от конкретных исторических условий меняются его отдельные признаки, и в целом каждый конкретный город обладает более ярким и своеобразным обликом. Общие явления, в отличие от наших представлений о них, в действительности не имеют четких границ и порой почти незаметно переходят одно в другое. Поэтому определенная условность и схематизация неизбежны при их исследовании.

- ¹ Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных // ИГАИМК. М.; Л., 1934. Вып. 103; Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // ПИДО. М.; Л., 1934. № 11/12.
- ² Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 20—24.
- ³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города // Уч. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 99. С. 32—35.
- ⁴ Брайчевский М. Ю. К происхождению древнерусских городов: Города Среднего Приднепровья, Поднестровья и Побужья в VIII—IX вв. н. э. по полевым данным последних лет // КСИИМК. М., 1951. Вып. XLI.
- ⁵ Тараканова С. А. О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИИМК. М., 1951. Вып. XXXV; Она же. К вопросу о происхождении города в Псковской земле // КСИИМК. М., 1951. Вып. XLI.
- ⁶ Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // КСИИМК. М., 1951. Вып. XLI.
- ⁷ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 22.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Горюнова Е. И. К истории городов Северо-Восточной Руси // КСИИМК. М., 1955. Вып. 59.
- ¹⁰ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948; Он же. Ремесло // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. I. С. 78—181; Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // МИА. М., 1953. № 32.
- ¹¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города // Уч. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 99. С. 8, 9.
- ¹² Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 94.
- ¹³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.
- ¹⁴ Там же. С. 52.
- ¹⁵ Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв. М., 1966. С. 132.
- ¹⁶ Рабинович М. Г. Из истории городских поселений восточных славян // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968.
- ¹⁷ Пашуро В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. М., 1966. С. 38.
- ¹⁸ Раппопорт П. А. Военное зодчество западных русских земель X—XIV вв. // МИА. Л., 1967. № 140. С. 186.
- ¹⁹ История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12-ти томах. М., 1967. Т. I. С. 536.
- ²⁰ Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового

- стройка и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник ЛГУ. Л., 1970. Сер. История, язык и литература. № 3.
- ²¹ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода: К постановке проблемы // История СССР. 1971. № 2.
- ²² Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // МИА. М., 1956. № 55. С. 40—42.
- ²³ Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 171—173.
- ²⁴ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода. . . С. 60.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья: К постановке вопроса // Русский город: Историко-методологический сб. М., 1976.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 38.
- ³⁰ Куза А. В. (Рец.) Русский город: Историко-методологический сб. М., 1976 // СА. 1978. № 4.
- ³¹ Карлов В. В. О факторах. . . С. 33.
- ³² Там же. С. 34.
- ³³ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 28—32.
- ³⁴ Рыбаков Б. А. Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1958. С. 850—852.
- ³⁵ Третьяков П. Н. Древлянские грады // Академику Б. Д. Грекову ко дню его семидесятилетия. М., 1952.
- ³⁶ Фадеев Л. А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов // Русский город: Историко-методологический сб. М., 1976.
- ³⁷ Подробнее см.: Куза А. В. (Рец.) Русский город. . . С. 288, 289.
- ³⁸ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978. С. 45—56, 85—90, 120—125, 138—140.
- ³⁹ Алексеев Л. В. О древнем Смоленске // СА. 1977. № 1; Он же. Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и восточной Белоруссии. М., 1980. С. 135—190.
- ⁴⁰ Алексеев Л. В. Смоленская земля. . . С. 188.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII вв. // ВИ. 1962. № 4. С. 37; Он же. Смерды // История СССР. 1979. № 2; Он же. Поляны // Тез. докл. советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь 1980 г. М., 1980.
- ⁴³ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 232.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // ВИ. 1980. № 12.
- ⁴⁸ Дубов И. В. Археологическое изучение городов Северо-Восточной Руси // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 106—126.
- ⁴⁹ Там же. С. 113.
- ⁵⁰ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.
- ⁵¹ Там же. С. 94.
- ⁵² Там же. С. 94, 95.
- ⁵³ Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов. . . НПЛ. М., 1950. С. 106.
- ⁵⁴ НПЛ. С. 159; ПСРЛ. Т. I. Стб. 23, 24.
- ⁵⁵ НПЛ. С. 159; ПСРЛ. Л., 1926. Т. I. Стб. 21.
- ⁵⁶ НПЛ. С. 159; ПСРЛ. Л., 1926. Т. I. Стб. 21.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге изучения укрепленных поселений Руси X—XIII вв. были выявлены малые города. Они выделялись по сходству археологических характеристик с материалами из раскопок таких крупных городских центров, как Киев, Чернигов, Новгород, Рязань и др. В число важнейших показателей социального типа памятников вошли вещественные свидетельства развитого ремесленного производства и оживленных торговых связей, сложная плановая структура и устойчивая социальная микротопография поселений, монументальные каменные постройки, специфические находки городского, в том числе феодального, быта. При этом учитывалась в первую очередь совокупность признаков, а не один-два показателя.

В основе данного принципа лежит подход к русскому средневековому городу как к многофункциональному поселению, выполнявшему в системе феодального государства ряд функций. В отличие от деревни, феодальной усадьбы-замка или сторожевой крепости, город аккумулировал в себе, помимо торгово-ремесленных, политические, военные, административно-хозяйственные и культурно-идеологические функции. Чем выше степень концентрации перечисленных явлений в жизни того или иного населенного пункта, тем больше оснований выделить в нем сформировавшийся город эпохи феодализма. Разработанный перечень археологически уловимых показателей городского облика поселения как раз ориентирован на поиск в материалах раскопок следов его разносторонней социально-экономической характеристики. Неравномерность археологической изученности конкретных памятников накладывает известный отпечаток на обоснованность выводов. Вместе с тем анализ накопленных археологией данных в сочетании со сведениями письменных источников позволяет надежно, особенно для XII—середины XIII в., классифицировать многие из исследованных поселений как малые города. Размерами, своеобразием планировки, большим удельным весом в экономико-промышленной и сельскохозяйственной деятельности, меньшей концентрацией населения они отличаются от крупных столичных центров. Даже простое сравнение площади территорий, защищенных укреплениями, сразу выявляет грань между ними. С другой стороны, большинство укрепленных поселений не обладает совокупностью показателей, свойственным малым городам, что заставляет считать их населенными пунктами иного социального облика. Таким образом, малые города образуют исторически сложившуюся категорию древнерусских поселений городского типа. Письменные источники подтверждают это наблюдение, подразделяя города Руси на старшие — столицы самостоятельных земель-княжений — и младшие — пригороды. Последними считаются не все прочие укрепленные поселения, а лишь центры определенных округ-волостей.

В становлении древнерусских городов X—XIII вв. прослеживается три хронологических этапа. В ранний период (до начала XI в.) малые города еще не кристаллизовались в специфический тип городского поселения. В это время сосуществуют поселения с различным набором функций, многие из которых связаны с отживающим родо-племенным строем. Молодое феодальное государство наделяло некоторые из таких пунктов новыми — военно-политическими и административно-хозяйственными — обязанностями. Эти обстоятельства способствовали их ускоренному развитию по пути становления города. Ведь здесь скапливались дружинники, представители княжеской администрации, выходы из местной родо-племенной знати. Они нуждались в изделиях ремесленников, товарах купцов. Сюда стекались дани — часть прибавочного труда населения обширных территорий. Так формировался городской уклад многих поселений. Из них лишь некоторые, прежде всего Киев, уже превратились в очень значительные центры. Предугадать пути развития других протогородских поселений в то время было бы трудно. Одни из них выросли в огромные столицы княжеств, жизнь других вовсе прекратилась, а третьи, хотя и приобрели со временем вполне городской характер, в силу разных причин стали городами малыми. Таковы, например, Любеч и Вышегород — в X в. весьма заметные центры Руси. Они были хорошо известны византийскому императору Константину Багрянородному. Любеч назван в числе получателей греческой дани в договоре 911 г., а в Вышегород поступала треть дани с древлян после победы над ними княгини Ольги. И размерами своих укреплений оба города превосходили большинство из укрепленных поселений того времени. Однако в первой половине XII в. Любеч вместе с Оргощем, Моровиеском и Всеволожем оказывается рядовым городом Черниговской волости. Вышегород, еще игравший роль в борьбе за киевский стол после смерти Владимира Святославича, теперь занимает место одного из пригородов Киева.

Второй период в развитии городов Руси приходится на XI—первую половину XII в. Его характерные черты — расширение географии градообразовательного процесса и формирование иерархической структуры городских центров. Вслед за Киевом опережающими темпами растут Чернигов, Переяславль, Полоцк, Новгород, к которым во второй четверти XII в. присоединяются Смоленск, Суздаль и Владимир-Волынский. В этих городах укрепляются самостоятельные княжеские столы. Они организуют и подчиняют себе обширные территории, повсеместно внедряя дань и суд. Вокруг них складывается система из меньших городских центров, некоторые из них вскоре возглавляют удельные княжества. Так постепенно образуется категория малых городов. В их число попадают и бывшие станы на пути киевского полюдья, и отдельные центры погостов и волостей, и военно-сторожевые крепости. Все вместе они представляют довольно пеструю картину, так как находятся на разных стадиях процесса становления.

В административном отношении малые города подчинялись столичным центрам и управлялись посадниками или удельными князьями. Их экономика еще не развилась настолько, чтобы обеспечить взимание податей с городов отдельно от их волостей. В целом этот период можно считать раннегородским: во-первых, в связи с незавершенностью

градообразования, сказавшейся в отсутствии единого типа городского поселения; во-вторых, поскольку в отношениях с сельской округой административно-фискальные функции города решительно преобладают над экономическими. Сырье и продукты питания, поступавшие в город из деревни, не уравнивались сколько-нибудь значительным встречным потоком изделий городских ремесленников. Последние работали в большинстве своем на заказ, а не на рынок. Экономика города была ориентирована на удовлетворение его собственных потребностей. Вряд ли привозные украшения, оказавшиеся в руках сельского населения, свидетельствуют о его широком вовлечении в сферу товарно-денежных отношений.

Третий период (середина XII—середина XIII в.) — начало эпохи развитых феодальных городов. Они вполне сформировались как особое социально-экономическое явление со своими отличительными признаками, хорошо прослеживаемыми и на археологических материалах. Из общей массы поселений городского типа по всем показателям выделяются старшие города. Их окружают младшие, или малые, городские центры, образующие в каждом княжестве разветвленную административно-территориальную систему. Малым городам свойственны те же признаки (большой удельный вес посадского, ремесленно-торгового, населения; присутствие феодалов-землевладельцев и представителей администрации; наличие церквей и укреплений), что и крупным стольным городам. Большинство из них имеет сложную плановую структуру: детинец и неукрепленный посад или детинец, окольный город и посад. Характерно, что новые города отстраиваются в то время по вполне продуманному плану, с разбивкой территории на дворовые участки. Князья привлекают сюда на постоянное жительство мастеров различных специальностей. Следовательно, город в глазах современников уже обладает достаточно четкими, только ему присущими особенностями.

Посадское, торгово-ремесленное, население в то время активно вмешивается в общественно-политическую жизнь своих городов, настойчиво борется против усиления феодального гнета. Появляются косвенные признаки существования на Руси корпоративных объединений купцов и ремесленников. Факты свидетельствуют об оформлении в ряде городов посадских общин. Не случайно, что одновременно издаются постановления (смоленская грамота «А се погородие. . .»), по которым подати взимаются с городов уже отдельно от волостей. Городская экономика поднимается на новый уровень. Ремесленники переходят от работы на заказ к работе на рынок, обретая большую экономическую независимость.

Малые города подразделяются на несколько типов. Основные среди них: удельные или волостные центры; сторожевые крепости; центры крупных феодальных вотчин. Друг от друга их отличает преобладание тех или иных функций: ремесленно-торговых и управления — для первых; военных — для вторых; административно-хозяйственных — для третьих. Но преобладание одной функции не означает отсутствие других. В противном случае военное поселение не превращалось бы в город-крепость, а феодальная усадьба-замок — в частновладельческий город.

Поскольку раскопки, как правило, вскрывают ограниченную часть площади памятника, его тип не всегда поддается убедительной интерпретации. По имеющимся в распоряжении исследователей материалам

провести точную грань, отделяющую города от прочих поселений, нельзя. Все населенные пункты Руси составляли сложную иерархическую систему, своеобразную пирамиду, в основании которой лежали тысячи деревень-весей, а вершину венчали полтора десятка крупнейших стольных городов. Ступени между ними занимали центры погостов и мелких волостей, феодальные усадьбы-замки, военные поселения, монастыри, княжеские загородные резиденции, малые города различных типов. В своем развитии отдельные поселения поднимались вверх, а другие, наоборот, опускались вниз. Постоянно возникали переходные типы населенных пунктов. Поэтому трудно в рамки неизбежно схематизированного исследования включить все многообразие форм древнерусской городской жизни.

Несмотря на отмеченные обстоятельства, тенденция к постоянному и быстрому увеличению количества городов на Руси с X по XIII в. прослеживается достаточно наглядно. География этого процесса и степень его интенсивности хорошо коррелируются с основными этапами развития феодализма. Города прежде всего возникли там, где феодальные отношения достигли наибольшего развития. В первый хронологический период абсолютное большинство прото- и раннегородских центров сосредоточено в Среднем Поднепровье и на Волыни. В XI в. процесс активного градообразования охватил левобережье Днепра, Поднепровье, Полесье, северо-западные области и район Суздальского ополья. В середине XII в. новые города появились в Верхнем Поднепровье, в бассейнах Десны и Оки, на верхней Волге, в Болховской земле. Связь этих событий с дальнейшим дроблением Руси на самостоятельные княжения-земли вполне очевидна. Образование внутри них удельных княжеств также сопровождалось становлением городских центров.

Рассмотренные выше материалы доказывают высокий уровень развития русских земель накануне нашествия орд Батые. В княжествах окрепли собственные центры, соперничавшие с Киевом. Ремесленники освоили свыше 100 различных специальностей. Их изделия пользовались спросом не только на внутреннем, но и на международном рынке. Русь поддерживала политические и торгово-культурные связи со многими странами. В это время создаются шедевры монументального и прикладного искусства, выдающиеся литературные произведения.

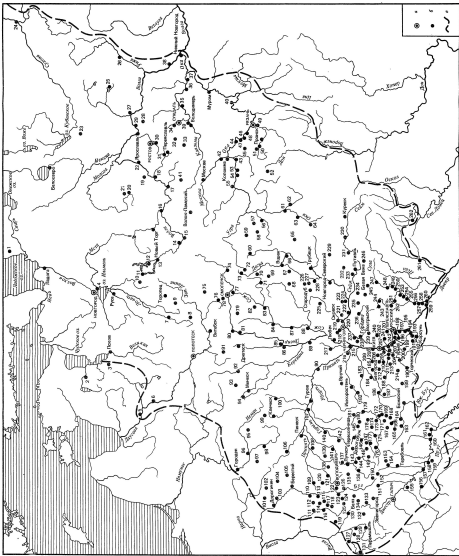
Обрушившийся на Русь удар иноземных захватчиков и последующее жестокое господство ордынского ига имели исключительно тяжелые последствия. Больше двух третей древнерусских городов было разрушено и сожжено завоевателями. Почти треть из них так и не смогла оправиться после нашествия. Однако жестокий удар поразил не одни города. Было уничтожено большинство крепостей, мелких волостных центров, множество погостов и феодальных замков. Лишь на 304 укрепленных поселениях из существовавших к середине XIII в. жизнь продолжалась и в XIV в. Следовательно, оказалась подорванной вся административно-территориальная система Руси. Массовая гибель феодальных усадеб-замков и одновременное сокращение числа рядовых сельских поселений свидетельствует о тяжелом уроне, понесенном сельским хозяйством — ведущей отраслью древнерусской экономики. Запустились окультуренные земли, нарушились сложившиеся системы земледелия. Это обстоятельство в меньшей степени, чем гибель городов, надолго затормозило развитие Руси. Потребовались столетия, чтобы восстановить экономический базис государства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВИ — Вопросы истории
ВООПИК — Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА — Записки Общества русской и славянской археологии
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РИС — Русский исторический сборник
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе	3
Список трудов А. В. Кузы	7
ВВЕДЕНИЕ	11
Глава первая ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ	14
Глава вторая ГОРОДА И УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ РУСИ В X—XIII вв.	40
Глава третья МАЛЫЕ ГОРОДА СЕРЕДИНЫ XII—XIII в.	71
Киевская земля	71
Переяславская земля	75
Черниговская земля	77
Галицкая земля	85
Владими́ро-Во́лынская земля	88
Ту́рово-Пи́нская земля	96
Полоцкая земля	97
Смоленская земля	101
Новгородская земля	104
Владими́ро-Суздальская земля	109
Рязанская земля	114
Глава четвертая ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МАЛЫХ ГОРО- ДОВ В XII—XIII вв.	121
Ремесло	121
Торговля	127
Сельское хозяйство и промыслы	130
Внутренняя топография малых городов	131
Глава пятая ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
Список сокращений	168

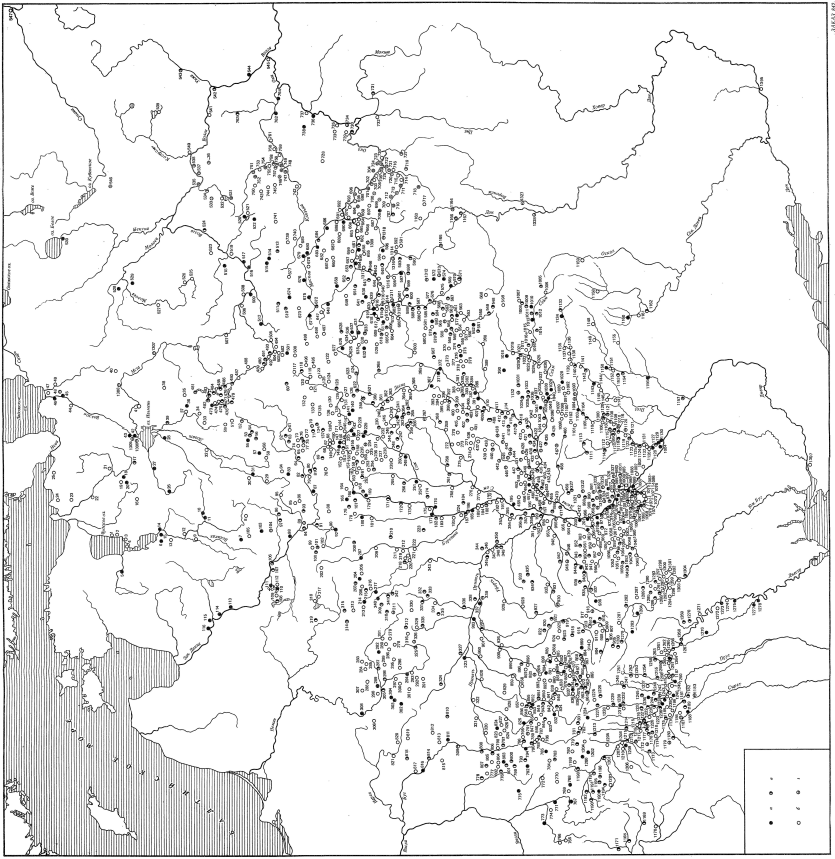
Administrativne deljenje Republike Srbije, 1998. godine
 Scale: 1:100,000

Administrativne deljenje

- 100. Čukarica (Beograd)
- 101. Dobrinja (Banja Luka)
- 102. Dobruša (Banja Luka)
- 103. Drenjevo (Zrenjanin)
- 104. Dubrava (Zadar)
- 105. Dubrovnik (Dubrovnik)
- 106. Đakovo (Đakovo)
- 107. Đurđevac (Đurđevac)
- 108. Ečka (Zadar)
- 109. Ežanići (Zadar)
- 110. Ezerac (Zadar)
- 111. Ežanići (Zadar)
- 112. Ezerac (Zadar)
- 113. Ezerac (Zadar)
- 114. Ezerac (Zadar)
- 115. Ezerac (Zadar)
- 116. Ezerac (Zadar)
- 117. Ezerac (Zadar)
- 118. Ezerac (Zadar)
- 119. Ezerac (Zadar)
- 120. Ezerac (Zadar)
- 121. Ezerac (Zadar)
- 122. Ezerac (Zadar)
- 123. Ezerac (Zadar)
- 124. Ezerac (Zadar)
- 125. Ezerac (Zadar)
- 126. Ezerac (Zadar)
- 127. Ezerac (Zadar)
- 128. Ezerac (Zadar)
- 129. Ezerac (Zadar)
- 130. Ezerac (Zadar)
- 131. Ezerac (Zadar)
- 132. Ezerac (Zadar)
- 133. Ezerac (Zadar)
- 134. Ezerac (Zadar)
- 135. Ezerac (Zadar)
- 136. Ezerac (Zadar)
- 137. Ezerac (Zadar)
- 138. Ezerac (Zadar)
- 139. Ezerac (Zadar)
- 140. Ezerac (Zadar)
- 141. Ezerac (Zadar)
- 142. Ezerac (Zadar)
- 143. Ezerac (Zadar)
- 144. Ezerac (Zadar)
- 145. Ezerac (Zadar)
- 146. Ezerac (Zadar)
- 147. Ezerac (Zadar)
- 148. Ezerac (Zadar)
- 149. Ezerac (Zadar)
- 150. Ezerac (Zadar)
- 151. Ezerac (Zadar)
- 152. Ezerac (Zadar)
- 153. Ezerac (Zadar)
- 154. Ezerac (Zadar)
- 155. Ezerac (Zadar)
- 156. Ezerac (Zadar)
- 157. Ezerac (Zadar)
- 158. Ezerac (Zadar)
- 159. Ezerac (Zadar)
- 160. Ezerac (Zadar)
- 161. Ezerac (Zadar)
- 162. Ezerac (Zadar)
- 163. Ezerac (Zadar)
- 164. Ezerac (Zadar)
- 165. Ezerac (Zadar)
- 166. Ezerac (Zadar)
- 167. Ezerac (Zadar)
- 168. Ezerac (Zadar)
- 169. Ezerac (Zadar)
- 170. Ezerac (Zadar)
- 171. Ezerac (Zadar)
- 172. Ezerac (Zadar)
- 173. Ezerac (Zadar)
- 174. Ezerac (Zadar)
- 175. Ezerac (Zadar)
- 176. Ezerac (Zadar)
- 177. Ezerac (Zadar)
- 178. Ezerac (Zadar)
- 179. Ezerac (Zadar)
- 180. Ezerac (Zadar)
- 181. Ezerac (Zadar)
- 182. Ezerac (Zadar)
- 183. Ezerac (Zadar)
- 184. Ezerac (Zadar)
- 185. Ezerac (Zadar)
- 186. Ezerac (Zadar)
- 187. Ezerac (Zadar)
- 188. Ezerac (Zadar)
- 189. Ezerac (Zadar)
- 190. Ezerac (Zadar)
- 191. Ezerac (Zadar)
- 192. Ezerac (Zadar)
- 193. Ezerac (Zadar)
- 194. Ezerac (Zadar)
- 195. Ezerac (Zadar)
- 196. Ezerac (Zadar)
- 197. Ezerac (Zadar)
- 198. Ezerac (Zadar)
- 199. Ezerac (Zadar)
- 200. Ezerac (Zadar)

Administrativne deljenje

- 201. Čukarica (Beograd)
- 202. Dobrinja (Banja Luka)
- 203. Dobruša (Banja Luka)
- 204. Drenjevo (Zrenjanin)
- 205. Dubrava (Zadar)
- 206. Dubrovnik (Dubrovnik)
- 207. Đakovo (Đakovo)
- 208. Đurđevac (Đurđevac)
- 209. Ečka (Zadar)
- 210. Ežanići (Zadar)
- 211. Ezerac (Zadar)
- 212. Ezerac (Zadar)
- 213. Ezerac (Zadar)
- 214. Ezerac (Zadar)
- 215. Ezerac (Zadar)
- 216. Ezerac (Zadar)
- 217. Ezerac (Zadar)
- 218. Ezerac (Zadar)
- 219. Ezerac (Zadar)
- 220. Ezerac (Zadar)
- 221. Ezerac (Zadar)
- 222. Ezerac (Zadar)
- 223. Ezerac (Zadar)
- 224. Ezerac (Zadar)
- 225. Ezerac (Zadar)
- 226. Ezerac (Zadar)
- 227. Ezerac (Zadar)
- 228. Ezerac (Zadar)
- 229. Ezerac (Zadar)
- 230. Ezerac (Zadar)
- 231. Ezerac (Zadar)
- 232. Ezerac (Zadar)
- 233. Ezerac (Zadar)
- 234. Ezerac (Zadar)
- 235. Ezerac (Zadar)
- 236. Ezerac (Zadar)
- 237. Ezerac (Zadar)
- 238. Ezerac (Zadar)
- 239. Ezerac (Zadar)
- 240. Ezerac (Zadar)
- 241. Ezerac (Zadar)
- 242. Ezerac (Zadar)
- 243. Ezerac (Zadar)
- 244. Ezerac (Zadar)
- 245. Ezerac (Zadar)
- 246. Ezerac (Zadar)
- 247. Ezerac (Zadar)
- 248. Ezerac (Zadar)
- 249. Ezerac (Zadar)
- 250. Ezerac (Zadar)
- 251. Ezerac (Zadar)
- 252. Ezerac (Zadar)
- 253. Ezerac (Zadar)
- 254. Ezerac (Zadar)
- 255. Ezerac (Zadar)
- 256. Ezerac (Zadar)
- 257. Ezerac (Zadar)
- 258. Ezerac (Zadar)
- 259. Ezerac (Zadar)
- 260. Ezerac (Zadar)
- 261. Ezerac (Zadar)
- 262. Ezerac (Zadar)
- 263. Ezerac (Zadar)
- 264. Ezerac (Zadar)
- 265. Ezerac (Zadar)
- 266. Ezerac (Zadar)
- 267. Ezerac (Zadar)
- 268. Ezerac (Zadar)
- 269. Ezerac (Zadar)
- 270. Ezerac (Zadar)
- 271. Ezerac (Zadar)
- 272. Ezerac (Zadar)
- 273. Ezerac (Zadar)
- 274. Ezerac (Zadar)
- 275. Ezerac (Zadar)
- 276. Ezerac (Zadar)
- 277. Ezerac (Zadar)
- 278. Ezerac (Zadar)
- 279. Ezerac (Zadar)
- 280. Ezerac (Zadar)
- 281. Ezerac (Zadar)
- 282. Ezerac (Zadar)
- 283. Ezerac (Zadar)
- 284. Ezerac (Zadar)
- 285. Ezerac (Zadar)
- 286. Ezerac (Zadar)
- 287. Ezerac (Zadar)
- 288. Ezerac (Zadar)
- 289. Ezerac (Zadar)
- 290. Ezerac (Zadar)
- 291. Ezerac (Zadar)
- 292. Ezerac (Zadar)
- 293. Ezerac (Zadar)
- 294. Ezerac (Zadar)
- 295. Ezerac (Zadar)
- 296. Ezerac (Zadar)
- 297. Ezerac (Zadar)
- 298. Ezerac (Zadar)
- 299. Ezerac (Zadar)
- 300. Ezerac (Zadar)

Список пунктов наблюдений гидрометеорологических станций

1. Символы: ● - метеорологическая станция, ○ - гидрометеорологическая станция, □ - пункт наблюдения за уровнем воды.

2. Географические названия и координаты:

1	Алматы	43° 55' N, 76° 55' E
2	Астана	51° 55' N, 71° 15' E
3	Ашхабад	37° 55' N, 68° 35' E
4	Баку	40° 35' N, 49° 35' E
5	Белград	44° 45' N, 20° 35' E
6	Берлин	52° 30' N, 13° 30' E
7	Бухарест	44° 45' N, 26° 10' E
8	Варшава	52° 10' N, 21° 00' E
9	Вена	48° 10' N, 16° 30' E
10	Вильнюс	54° 40' N, 25° 15' E
11	Винница	48° 35' N, 29° 05' E
12	Владивосток	43° 10' N, 132° 05' E
13	Волгоград	48° 45' N, 44° 35' E
14	Воткинск	56° 55' N, 50° 45' E
15	Вроцлав	51° 10' N, 17° 30' E
16	Гагарины	56° 45' N, 40° 05' E
17	Гданьск	53° 40' N, 18° 45' E
18	Гельсингфорс	60° 10' N, 24° 55' E
19	Грозный	37° 45' N, 47° 15' E
20	Гурьевск	56° 55' N, 40° 05' E
21	Донецк	48° 10' N, 37° 45' E
22	Дрезден	51° 10' N, 13° 45' E
23	Душанбе	38° 45' N, 68° 45' E
24	Екатеринбург	56° 55' N, 60° 45' E
25	Ереван	40° 15' N, 44° 35' E
26	Женева	45° 45' N, 5° 15' E
27	Жозефсбург	56° 55' N, 40° 05' E
28	Жуковский	55° 55' N, 37° 45' E
29	Иркутск	52° 10' N, 104° 45' E
30	Испания	40° 35' N, 0° 00' E
31	Италия	41° 55' N, 12° 35' E
32	Киев	48° 10' N, 31° 15' E
33	Копенгаген	55° 45' N, 12° 15' E
34	Кремль	55° 45' N, 37° 45' E
35	Курск	50° 10' N, 38° 45' E
36	Ленинград	59° 45' N, 28° 45' E
37	Львов	48° 45' N, 24° 45' E
38	Льодз	51° 45' N, 19° 15' E
39	Львов	48° 45' N, 24° 45' E
40	Мадрид	40° 15' N, 3° 45' E
41	Минск	53° 45' N, 27° 45' E
42	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
43	Москва	55° 45' N, 37° 45' E
44	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
45	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
46	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
47	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
48	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
49	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
50	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
51	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
52	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
53	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
54	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
55	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
56	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
57	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
58	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
59	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
60	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
61	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
62	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
63	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
64	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
65	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
66	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
67	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
68	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
69	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
70	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
71	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
72	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
73	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
74	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
75	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
76	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
77	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
78	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
79	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
80	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
81	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
82	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
83	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
84	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
85	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
86	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
87	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
88	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
89	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
90	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
91	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
92	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
93	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
94	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
95	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
96	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
97	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
98	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
99	Муром	52° 10' N, 39° 45' E
100	Муром	52° 10' N, 39° 45' E